

БОЙСЯ КОШЕК

БОЙСЯ КОШЕК

СБОРНИК РАССКАЗОВ УЖАСОВ

БОЙСЯ КОШЕК

РИПОЛ
ДЖОКЕР
1993

Серия «HORROR»
Сборник рассказов ужасов

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрощенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Левкович Фанни

Художник
Атрощенко С. П.

Корректоры
Зубина К. И.
Плющ В. Г.

Технический редактор
Чернецова Г. Ю.

Сборник «Бойся кошек» представляет собой антологию классических и современных рассказов, посвященных столь любимому и столь знакомому домашнему животному — кошке. Но кошки в рассказах известнейших писателей США и Англии несколько иные, чем те, к которым привыкли мы: это кошки-демоны, кошки-оборотни, кошки-вестники.

Чтение мистических, «ужасных», ироничных рассказов антологии «Бойся кошек» станет удовольствием для читателя с самым изысканным вкусом.

Д 4703040100—006 без объявл.
070219—93

ISBN 5—87012—006—8

- © РИПОЛ, Джокер, 1992
- © Перевод О. Коняевой, И. Петруниной, П. Лунева, 1992
- © Оформление С. Атрощенко, 1992
- © Составление серии К. Андронкина, 1992

Э. А. По

ЧЕРНЫЙ КОТ

Классика американской литературы Эдгара Аллана По (1809—1849), одного из самых ярких и необычных писателей прошлого века, часто называют родоначальником сразу двух популярнейших сегодня жанров: детектива и научной фантастики.

Но если детективные рассказы По — «Золотой жук», «Убийство на улице Морг» — действительно были уникальными в своем роде и стали открытием нового направления в литературе, то первым научным фантастом Эдгара По можно считать лишь с некоторой натяжкой. Зато такие известные новеллы, как «Падение дома Эшеров», «Колодец и маятник» или вошедший в этот сборник «Черный кот» — это, без всяких сомнений, настоящие рассказы ужасов, и значит знаменитый американец был родоначальником еще одного очень современного литературного жанра.

Я не надеюсь и не притязаю на то, что кто-нибудь поверит самой чудовищной и вместе с тем самой обыденной истории, которую я собираюсь рассказать. Только сумасшедший мог бы на это надеяться, коль скоро я сам себе не могу поверить. А я не сумасшедший — и все это явно не сон. Но завтра меня уже не будет в живых, и сегодня я должен облегчить свою душу покаянием. Единственное мое намерение — это ясно, кратко, не мудрствуя лукаво, поведать миру о некоторых чисто семейных событиях. Мне эти события в конце концов принесли лишь ужас — они извели, они погубили меня. И все же я не стану искать разгадки. Я из-за них натерпелся страху — многим же они покажутся безобидней самых несуразных фантазий. Потом, быть может, какой-нибудь умный человек найдет сгубившему меня призраку самое простое объяснение — такой человек, с умом, более холодным, более логическим и, главное, не столь впечатлительным, как у меня, усмотрит в обстоятельствах, о которых я не могу говорить без благоговейного трепета, всего только цепь закономерных причин и следствий.

С детских лет я отличался послушанием и кротостью нрава. Нежность моей души проявлялась столь открыто, что сверстники даже дразнили меня из-за этого. В особенности любил я разных зверюшек, и родители не препятствовали мне держать домашних животных. С ними я проводил всякую свободную минуту и бывал наверху блаженства, когда мог их кормить и ласкать. С годами эта особенность моего характера развивалась, и, когда я вырос, не многое в жизни могло доставить мне более удовольствия. Кто испытал привязанность к верной и умной собаке, тому нет нужды объяснять, какой горячей благодарностью платит она за это. В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть нечто, покоряющее сердце всякого, кому не раз довелось изведать вероломную дружбу и обманчивую преданность, свойственные Человеку.

Женился я рано и, по счастью, обнаружил в своей супруге близкие мне наклонности. Видя мое пристрастие к домашним животным, она не упускала случая меня порадовать. У нас были птицы, золотые рыбки, породистая собака, кролики, обезьянка и кот.

Кот, необычайно крупный, красивый и сплошь черный без единого пятнышка, отличался редким умом. Когда за-

ходила речь о его сообразительности, моя жена, в душе не чуждая суеверий, часто намекала на старинную народную примету, по которой всех черных котов считали оборотнями. Намекала, разумеется, не всерьез — и я привожу эту подробность единственно для того, что сейчас самое время о ней вспомнить.

Плутон — так звали кота — был моим любимцем, и я часто играл с ним. Я всегда сам кормил его, и он ходил за мной по пятам, когда я бывал дома. Он норовил даже увязываться со мной на улицу, и мне стоило немало труда отвадить его от этого.

Дружба наша продолжалась несколько лет, и за это время мой нрав и характер — под влиянием Дьявольского Соблазна — резко изменились (я сгораю от стыда, признаваясь в этом) в худшую сторону. День ото дня я становился все мрачней, раздражительней, безразличней к чувствам окружающих. Я позволял себе грубо кричать на жену. В конце концов я даже поднял на нее руку. Мои питомцы, разумеется, тоже чувствовали эту перемену. Я не только перестал обращать на них внимание, но даже обходился с ними дурно. Однако к Плутону я все же сохранил довольно почтительности и не позволял себе его обижать, как обижал без зазрения совести кроликов, обезьянку и даже собачку, когда они ласкались ко мне или случайно попадались под руку. Но болезнь развивалась во мне,— а нет болезни ужаснее пристрастия к Алкоголю! — и, наконец, даже Плутон, который уже состарился и от этого стал капризнее,— даже Плутон начал страдать от моего скверного нрава.

Однажды ночью я вернулся в сильном подпитии, побывав в одном из своих любимых кабачков, и тут мне взбрело в голову, будто кот меня избегает. Я поймал его; испуганный моей грубостью, он не сильно, но все же до крови, укусил меня за руку. Демон ярости тотчас вселился в меня. Я более не владел собою. Душа моя, казалось, вдруг покинула тело; и злоба, свирепее дьявольской, распаляемая джином, мгновенно обуяла все мое существо. Я выхватил из кармана жилетки перочинный нож, открыл его, стиснул шею несчастного кота и без жалости вырезал ему глаз! Я краснею, я весь горю, я содрогаюсь, описывая это чудовищное злодейство.

Наутро, когда рассудок вернулся ко мне — когда я про-

спался после ночной попойки и винные пары выветрились,— грязное дело, лежавшее на моей совести, вызвало у меня раскаяние, смешанное со страхом; но то было лишь смутное и двойственное чувство, не оставившее следа в моей душе. Я снова стал пить запоем и вскоре утопил в вине самое воспоминание о содеянном.

Рана у кота тем временем понемногу заживала. Правда, пустая глазница производила ужасающее впечатление, но боль, по-видимому, утихла. Он все также расхаживал по дому, но, как и следовало ожидать, в страхе бежал, едва завидя меня. Сердце мое еще не совсем ожесточилось, и поначалу я горько сожалел, что существо, некогда так ко мне привязанное, теперь не скрывает своей ненависти. Но вскоре чувство это уступило место озлоблению. И тогда, словно в довершение окончательной моей погибели, во мне пробудился дух противоречия. Философы оставляют его без внимания. Но я убежден до глубины души, что дух противоречия принадлежит к извечным побуждающим началам в сердце человеческом — к неотторжимым, первозданным способностям, или чувствам, которые определяют самую природу Человека. Кому не случалось сотню раз совершать дурной или бессмысленный поступок безо всякой на то причины, лишь потому, что этого нельзя делать? И разве не испытываем мы, вопреки здравому смыслу, постоянного искушения нарушить Закон лишь потому, что это запрещено? Так вот, дух противоречия пробудился во мне в довершение окончательной моей погибели. Эта непостижимая склонность души к самоистязанию — к насилию над собственным своим естеством, склонность творить зло ради зла — и побудила меня довести до конца мучительство над бессловесной тварью. Как-то утром я хладнокровно накинул коту на шею петлю и повесил его на суку — повесил, хотя слезы текли у меня из глаз и сердце разрывалось от раскаяния,— повесил, потому что знал, какой совершаю грех — смертный грех, обрекающий мою бессмертную душу на столь страшное проклятие, что она оказалась бы низвергнута — будь это возможно — в такие глубины, куда не простирается даже милосердие Всеблагого и Всекарающего Господа.

В ночь после совершения этого злодейства меня разбудил крик: «Пожар!» Занавески у моей кровати полыхали. Весь дом был объят пламенем. Моя жена, слуга и я сам

едва не сгорели заживо. Я был разорен совершенно. Огонь поглотил все мое имущество, и с тех пор отчаянье стало моим уделом.

Во мне довольно твердости, дабы не пытаться изыскать причину и следствие, связать несчастье со своим безжалостным поступком. Я хочу лишь проследить в подробности всю цепь событий — и не намерен пренебречь ни единым, пусть даже сомнительным звеном. На другой день после пожара я побывал на пепелище. Все стены, кроме одной, рухнули. Уцелела лишь довольно тонкая внутренняя перегородка посреди дома, к которой примыкало изголовье моей кровати. Здесь штукатурка вполне противостояла огню — я объяснил это тем, что стена была оштукатурена совсем недавно. Подле нее собралась большая толпа, множество глаз пристально и жадно всматривались все в одно место. Слова: «Странно!», «Поразительно!» И всякие восклицания в том же роде возбудили мое любопытство. Я подошел ближе и увидел на белой поверхности нечто вроде барельефа, изображавшего огромного кота. Точность изображения поистине казалась непостижимой. На шее у кота была веревка.

Сначала этот призрак — я попросту не могу назвать его иначе — поверг меня в ужас и недоумение. Но, поразмыслив, я несколько успокоился. Я вспомнил, что повесил кота в саду подле дома. Во время переполоха, поднятого пожаром, сад наводнила толпа — кто-то перерезал веревку и швырнул кота через открытое окно ко мне в комнату. Возможно, таким способом не хотел меня разбудить. Когда стены рухнули, развалины притиснули жертву моей жестокости к свежештукатуренной перегородке, и от жара пламени и едких испарений на нем запечатлся рисунок, который я видел.

Хотя я успокоил если не свою совесть, то, по крайней мере, ум, быстро объяснив поразительное явление, которое только что описал, оно все же оставило во мне глубокий след. Долгие месяцы меня неотступно преследовал призрак кота; и тут в душу мою вернулось смутное чувство, внешне, но только внешне, похожее на раскаянье. Я начал даже жалеть об утрате и искал в грязных притонах, откуда теперь почти не вылезал, похожего кота той же породы, который заменил бы мне бывшего моего любимца.

Однажды ночью, когда я сидел, томимый полузабытьем, в каком-то богомерзком месте, внимание мое вдруг привлекло что-то черное на одной из огромных бочек с джином или ромом, из которых состояла едва ли не вся обстановка заведения. Несколько минут я не сводил глаз с бочки, недоумевая, как это я до сих пор не замечал столь странной штуки. Я подошел и коснулся ее рукой. То был черный кот, очень крупный — под стать Плутону — и похожий на него как две капли воды, с одним лишь отличием. В шкуре Плутона не было ни единой белой шерстинки; а у этого кота оказалось грязно-белое пятно чуть ли не во всю грудь.

Когда я коснулся его, он вскочил с громким мурлыканьем и потерся о мою руку, видимо, очень обрадованный моим вниманием. А ведь я как раз искал такого кота. Я тотчас пожелал его купить; но хозяин заведения отказался от денег — он не знал, откуда этот кот взялся, — никогда его раньше не видел.

Я все время гладил кота, а когда собрался домой, он явно пожелал идти со мною. Я ему не препятствовал; по дороге я иногда нагибался и поглаживал его. Дома он быстро освоился и сразу стал любимцем моей жены.

Но сам я вскоре начал испытывать к нему растущую неприязнь. Этого я никак не ожидал; однако — не знаю, как и почему это случилось — его очевидная любовь вызывала во мне лишь отвращение и досаду. Мало-помалу эти чувства вылились в злую ненависть. Я всячески избегал кота; лишь смутный стыд и память о моем прежнем злодеянии удерживали меня от расправы над ним. Проходили недели, а я ни разу не ударил его и вообще не тронул пальцем; но медленно — очень медленно — мною овладевало неизъяснимое омерзение, и я молчаливо бежал от постыдной твари, как от чумы.

Я ненавидел этого кота тем сильней, что он, как обнаружилось в первое же утро, лишился, подобно Плутону, одного глаза. Однако моей жене он стал от этого еще дороже, она ведь, как я уже говорил, сохранила в своей душе ту мягкость, которая некогда была мне свойственна и служила для меня неиссякаемым источником самых простых и чистых удовольствий.

Но, казалось, чем более возрастала моя недоброжела-

тельность, тем крепче кот ко мне привязывался. Он ходил за мной по пятам с упорством, которое трудно описать. Стоило мне сесть, как он забирался под мой стул или прыгал ко мне на колени, донимая меня своими отвратительными ласками. Когда я вставал, намереваясь уйти, он пугался у меня под ногами, так что я едва не падал, или, вонзая острые когти в мою одежду, взбирался ко мне на грудь. В такие минуты мне нестерпимо хотелось убить его на месте, но меня удерживало до некоторой степени сознание прежней вины, а главное — не стану скрывать,— страх перед этой тварью.

В сущности, то не был страх перед каким-либо конкретным несчастьем,— но я затрудняюсь определить это чувство другим словом. Мне стыдно признаться — даже теперь, за решеткой, мне стыдно признаться,— что чудовищный ужас, который вселял в меня кот, усугубил самое немыслимое наваждение. Жена не раз указывала мне на белесое пятно, о котором я уже упоминал, единственное, что внешне отличало эту странную тварь от моей жертвы. Читатель, вероятно помнит, что пятно было довольно большое, однако поначалу очень расплывчатое; но медленно — едва уловимо, так что разум мой долгое время восставал против столь очевидной нелепости,— оно приобрело наконец неумолимо ясные очертания. Не могу без трепета назвать то, что оно отныне изображало — из-за этого главным образом я испытывал отвращение и страх и избавился бы, если б только посмел, от проклятого чудовища,— отныне, да будет вам ведомо, оно являло взору нечто мерзкое — нечто зловещее,— ВИСЕЛИЦУ! — это кровавое и грозное орудие Ужаса и Злодейства — Страдания и Погибели!

Теперь я воистину был несчастнейшим из смертных. Презренная тварь, подобная той, которую я прикончил, не моргнув глазом,— эта презренная тварь причиняла мне — мне, человеку, сотворенному по образу и подобию Все-вышнего,— столько невыносимых страданий! Увы! Денno и ношно не знал я более благословенного покоя! Днем кот ни на миг не отходил от меня, ночью же я что ни час пробуждался от мучительных сновидений и ощущал горячее дыхание этого существа на своем лице и его невыносимую тяжесть,— кошмар во плоти, который я не в силах был отряхнуть,— до конца дней навалившуюся мне на сердце!

Эти страдания вытеснили из моей души последние остатки добрых чувств. Я лелеял теперь лишь злобные мысли — самые черные и злобные мысли, которые только могут прийти в голову. Моя обычная мрачность переросла в ненависть ко всему существу и ко всему роду человеческому; и более всех страдала от внезапных, частых и неукротимых взрывов ярости, которым я слепо предавался, моя безропотная и многотерпеливая жена.

Однажды по какой-то хозяйственной надобности мы с ней спустились в подвал старого дома, в котором бедность принуждала нас жить. Кот увязался следом за мной по крутяй лестнице, я споткнулся, едва не свернул себе шею и обезумел от бешенства. Я схватил топор и, позабыв в гневе презренный страх, который до тех пор меня останавливал, готов был нанести коту такой удар, что зарубил бы его на месте. Но жена удержала мою руку. В ярости, перед которой бледнеет ярость самого дьявола, я вырвался и раскроил ей голову топором. Она упала без единого стона.

Совершив это чудовищное убийство, я с полнейшим хладнокровием стал искать способа спрятать труп. Я понимал, что не могу вынести его из дома днем или даже под покровом ночи без риска, что это увидят соседи. Много всяких замыслов приходило мне на ум. Сперва я хотел разрубить тело на мелкие куски и сжечь в печке. Потом решил закопать его в подвале. Тут мне подумалось, что лучше, пожалуй, бросить его в колодец на дворе — или забить в ящик, нанять носильщика и велеть вынести его из дома. Наконец, я избрал, как мне казалось, наилучший путь. Я решил замуровать труп в стене, как некогда замуровывали свои жертвы средневековые монахи.

Подвал прекрасно подходил для такой цели. Кладка стен была непрочной, к тому же не столь давно их наспех оштукатурили, и по причине сырости штукатурка до сих пор не просохла. Более того, одна стена имела выступ, в котором для украшения устроено было подобие камина или очага, позднее заложенного кирпичами и тоже оштукатуренного. Я не сомневался, что легко сумею вынуть кирпичи, упрятать туда труп и снова заделать отверстие так, что самый внимательный глаз не обнаружит ничего подозрительного.

Я не ошибся в расчетах. Взяв лом, я легко вывернул

кирпичи, поставил труп стоймя, прислонив его к внутренней стене, и без труда водворил кирпичи на место. Со всяческими предосторожностями я добыл известь, песок и паклю, приготовил штукатурку, совершенно неотличимую от прежней, и старательно замазал новую кладку. Покончив с этим, я убедился, что все в полном порядке. До стены словно никто и не касался. Я прибрал с полу весь мусор, до последней крошки. Затем огляделся с торжеством и сказал себе:

— На сей раз, по крайней мере, труды мои не пропали даром.

После этого я принялся искать тварь, бывшую причиной стольких несчастий; теперь я, наконец, твердо решил ее убить. Попадись мне кот в то время, участь его была бы решена; но хитрый зверь, напуганный, как видно, моей недавней яростью, исчез, будто в воду канул. Невозможно ни описать, ни даже вообразить, сколь глубокое и блаженное чувство облегчения наполнило мою грудь, едва ненавистный кот исчез. Всю ночь он не показывался; то была первая ночь, с тех пор как он появился в доме, когда я спал крепким и спокойным сном; да, спал, хотя на душе моей лежало бремя преступления.

Прошел второй день, потом третий, а мучителя моего все не было. Я вновь дышал свободно. Чудовище в страхе бежало из дома навсегда! Я более его не увижу! Какое блаженство! Раскаиваться в содеянном я и не думал. Было учинено короткое дознание, но мне не составило труда оправдаться. Сделали даже обыск — но, разумеется, ничего не нашли. Я не сомневался, что отныне буду счастлив.

На четвертый день после убийства ко мне неожиданно нагрянули полицейские и снова произвели в доме тщательный обыск. Однако я был уверен, что тайник невозможно обнаружить, и чувствовал себя преспокойно. Полицейские велели мне присутствовать при обыске. Они обшарили все уголки и закоулки. Наконец, они в третий или четвертый раз спустились в подвал. Я не повел бровью. Сердце мое билось так ровно, словно я спал сном праведника. Я проходился по всему подвалу. Скрестив руки на груди, я неторопливо вышагивал взад-вперед. Полицейские сделали свое дело и собрались уходить. Сердце мое ликовало, и я не мог сдержаться. Для полноты торжества я жаждал

сказать хоть словечко и окончательно убедить их в своей невиновности.

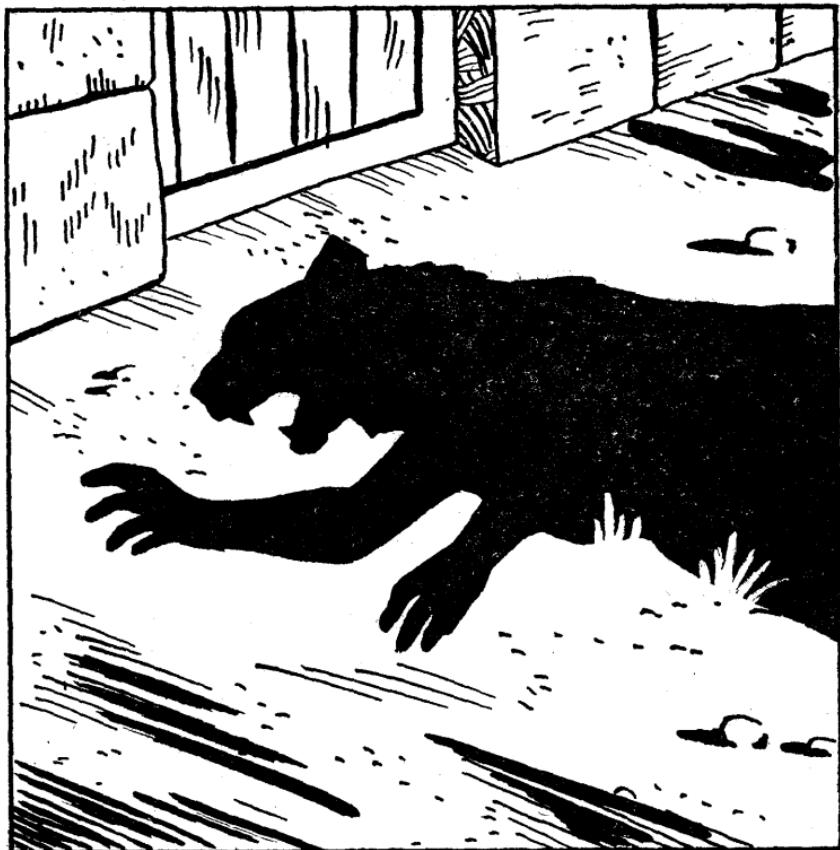
— Господа,— сказал я наконец, когда они уже поднимались по лестнице,— я счастлив, что рассеял ваши подозрения. Желаю вам здоровья и немного более учтивости. Кстати, господа, это... это очень хорошая постройка (в неистовом желании говорить непринужденно я едва отдавал себе отчет в своих словах), я сказал бы даже, что постройка попросту превосходна. В кладке этих стен — вы торопитесь, господ? — нет ни единой трещинки.— И тут, упиваясь своей безрассудной удалью, я стал с размаху колотить тростью, которую держал в руке, по тем самым кирпичам, где был замурован труп моей благоверной.

Господи боже, спаси и оборони меня от когтей Сатаны! Едва смолкли отголоски этих ударов, как мне откликнулся голос из могилы!.. Крик, сперва глухой и прерывистый, словно детский плач, быстро перешел в неумолчный, громкий, протяжный вопль, дикий и нечеловеческий,— в звериный вой, в душераздирающее стенание, которое выражало ужас, смешанный с торжеством, и могло исходить только из ада, где воплют все обреченные на вечную муку и злобно ликуют дьяволы.

Нечего и говорить о том, какие безумные мысли полезли мне в голову. Едва не лишившись чувств, я отшатнулся к противоположной стене. Мгновение полицейские неподвижно стояли на лестнице, скованные ужасом и удивлением. Но тотчас же десяток сильных рук принялись взламывать стену. Она тотчас рухнула. Труп моей жены, уже тронутый распадом и перепачканный запекшейся кровью, открылся взору. На голове у нее, разинув красную пасть и сверкая единственным глазом, восседала гнусная тварь, которая коварно толкнула меня на убийство, а теперь выдала меня своим воем и обрекла на смерть от руки палача. Я замуровал это чудовище в каменной могиле.

Элджернон Блэквуд

ТЕНИ ДАЛЕКОГО
ПРОШЛОГО

Элджернон Блэквуд (1869—1951) является автором внушительного числа книг, включая «Пустой дом», «Человек, который умел слушать», «Рассказы для чтения днем и ночью», «Десятиминутные рассказы», «Танец смерти», «Кентавр» и многих других, причем этот перечень покажется еще более впечатляющим, если учсть, что впервые он взялся за перо лишь в тридцатишестилетнем возрасте.

Уже в ранней молодости Блэквуд оставил пропитанную религиозным пылом атмосферу собственного дома в Кенте и отправился на поиски счастья в Канаду. Испытав себя на новом месте в нескольких видах деятельности и потерпев во всех них неудачу, он пережил немало трудных лет, колеся по Северной Америке, пока, наконец, не устроился репортером в одну из нью-йоркских газет.

Однако его серьезное увлечение литературой началось еще позже — когда он вернулся в родную Англию. Именно там он поразил читательскую публику серией глубоко проработанных произведений из серии сверхъестественного и ужасов. Возможно, его наиболее удачным творением в данном жанре является исследователь оккультизма доктор Джон Силянс, который фигурирует в ряде его рассказов, в том числе и в приводимом ниже, «Тенях далекого прошлого».

Позднее Блэквуд завоевал заслуженную славу, читая по радио «Би-Би-Си» всевозможные «страшные рассказы», и даже снискал себе шутливое прозвище «Человек-привидение».

С юных лет Э. Блэквуд проявлял живой интерес к проблемам сверхъестественного и искренне верил в то, что «человек с улицы обладает странной силой, которая в обычных условиях почти никогда не проявляется вовне».

Выбранный нами один из его прекрасных рассказов красноречиво подтверждает данную авторскую позицию. Возможно, он даже является лучшим произведением подобного жанра о кошках, поскольку буквально каждая его страница пронизана специфической кошачьей хитростью и той угрозой, которая неизменно исходит от этих животных.

Задумывая сюжет своего рассказа, Э. Блэквуд, возможно, имел в виду местность во Франции, населенную преимущественно басками, которая в XVI—XVII веках была печально известна неслыханным доселе размахом активности колдунов и ведьм, якобы умевших, помимо всего прочего, превращаться в кошек. По сохранившимся с 1612 года записям известного охотника за ведьмами Пьера де Ланкра, который прославился тем, что лично отправил многих предполагаемых ведьм на костер, в этой местности регулярно собирались на свои шабаши около ста тысяч ведьм. Даже сегодня в этой части Франции, где местные жители говорят на своем языке, имеют собственную культуру, а расовое происхождение многих из них остается не до конца выясненным, продолжают сохраняться устойчивые верования в колдовство и ликантропию.

«Найдены и поныне появляются в образе кошек, как правило, черных. Примерно два года назад нам рассказывали о человеке,

который однажды ночью отрубил ухо черной кошке, насылавшей порчу на его домашний скот, а наутро оно оказалось женским ухом с болтавшейся в нем серьгой!»

Из «Баскских легенд», собранных и изданных в 1877 году до-стопоченным Вентвордом Уэбстэрром.

I

В жизни нам нередко кажется, что на свете существуют настолько неприметные личности, сами по себе особенности которых вроде бы начисто исключают любую возможность того, что с ними может приключиться нечто необычное или странное. И все же даже такие люди на своем жизненном пути могут оказаться участниками настолько загадочных и даже мистических событий, что, услышав о них, весь мир буквально замирает на месте — и сразу же переводит свой взор в другую сторону, отыскивая более подходящего для такого случая человека. Подобного рода дела и, естественно, задействованные в них люди — наиболее часто попадают в широко расставленные сети психиатра Джона Силянса, который, будучи преисполненным чувством глубокого гуманизма, долготерпения и подлинного сострадания, нередко приходил к обнаружению самых что ни на есть таинственных вещей, заслуживающих глубочайшего общественного интереса.

Этому доктору всегда доставляло особое удовольствие докопаться до скрытых причин самых неправдоподобных и фантастических событий, в которые, на первый взгляд, совершенно невозможно поверить. Разобраться в хитросплетениях сущности предметов и явлений — а заодно принести облегчение страждущей человеческой душе — всегда было его истинной страстью. А те узлы, которые ему удавалось подчас распутать, и в самом деле были невероятными и донельзя странными.

В своей повседневной жизни мы, естественно, нуждаемся в каком-то надежном, или, по крайней мере, достаточно проверенном базисе, на котором можно было бы построить здание собственной веры, в некоем ориентире, посредством которого можно хотя бы попытаться объяснить суть происходящего. Людям авантюрного плана подобные

вещи давно ясны и понятны: они всегда имеют при себе адекватное объяснение их волнительного существования, а характеры таких личностей неизменно толкают их в пучину обстоятельств, из которых всегда произрастают всяческие приключения. Ничего иного они и не ожидают и, к вящему своему удовольствию, в конце концов, с радостью получают.

Что же до заурядных, бесцветных личностей, то они по-просту не имеют права на то, чтобы стать участниками выдающихся событий, и, коль скоро именно на это они и настраивают себя, любое отступление от данного правила неизменно разочаровывает, если не сказать, шокирует их. Причем, не только их самих, но и окружающих, по самодовольным суждениям и оценкам которых словно бы наносится ощутимый удар.

— Надо же, и все это приключилось с таким типом?! — невольно восклицают они. — С этим-то серым, невзрачным человеком? Да это просто абсурд! Нет, что-то здесь не так.

И все же не оставалось никаких сомнений в том, что с маленьким Артуром Везином действительно произошло нечто странное, о чем он доверительно поделился именно с доктором Силянсом. Так или иначе, но события эти действительно имели место, несмотря на насмешки друзей и знакомых, до которых дошли слухи об этой истории и которые, впрочем, весьма разумно заметили, что «подобное еще могло бы приключиться с этим сумасбродом Изаррдом или старым чертяткой Менски, но уж никак не с заурядным Везином, которому на роду написано жить и умереть по строгой схеме».

Однако по какой бы схеме ни суждено было умереть Везину, жизнь его протекала отнюдь не по ней, ибо данный инцидент приключился именно в его, во всем остальном абсолютно беспросветной, жизни, и услышать его рассказ, наблюдать за тем, как меняются черты его бледного лица, и слышать его голос, который по мере развития повествования все более смягчался и затихал, означало бы прийти к выводу о том, что за этими обрывающимися на полуслове фразами скрывается нечто большее, нежели он говорил на самом деле. Всякий раз, когда Везин рассказывал свою историю, он словно заново переживал ее; вся его личность будто окутывалась этим пересказом. С каждым монологом она подчиняла его себе все больше и больше, отчего рассказ

нередко превращался в пространное извинение за те переживания, которые ему довелось вынести. Он будто просил у вас прощения за то, что принял участие в столь фантастических событиях.

Маленький Везин являлся робкой, мягкой, чувствительной натурой, редко способной постоять за себя, доброй по отношению к людям, равно как и к зверям, и почти генетически противящейся тому, чтобы сказать кому-то «нет» или добиваться того, на что он вполне мог бы претендовать по праву. Линия жизни проходила безнадежно далеко от всего, что по своей волнительности выходила за рамки банального опоздания на поезд или заурядной потери зонтика. Кроме того, когда это событие приключилось, ему уже было далеко за сорок, хотя ни его друзья, ни даже он сам об этом не догадывался.

Джон Сильянс, который неоднократно выслушивал его повествование, замечал, что по ходу рассказа Везин иногда опускал некоторые детали, либо, напротив, вставлял новые; но все они неизменно вызывали у него ощущение правдивости и искренности, а потому история эта с кинематографической точностью отпечаталась в его профессиональном сознании. Ни одна деталь не была выдумана или искажена, и когда Везин пересказывал ее со всеми подробностями, эффект оказывался поразительным. Вызывающие карие глаза этого человека приобрели необычный блеск, и многое в его обворожительной личности, что обычно тщательно скрывалось, выходило наружу и проявляло себя. Разумеется, там в немалой степени присутствовала и присущая ему скромность, но в своем рассказе он словно забывал про настоящее и позволял себе с живостью изобразить то, как он снова оказывается в прошлом своего необычного приключения.

Он тогда возвращался домой, пересекая на поезде север Франции — за плечами оставалось горное путешествие, которому он с завидным постоянством предавался едва ли не каждое лето. Из багажа с ним был лишь средних размеров чемодан; вагон был переполнен сверх всякой меры, и ехали в нем преимущественно бесцеремонно снующие повсюду англичане. Они были ему глубоко несимпатичны, причем отнюдь не потому, что являлись его соотечественниками, а лишь по той причине, что вели себя слишком уж шумно и

навязчиво, словно стирая своими развязными жестами и твидовыми костюмами всю прелесть приглушенных красок угасающего дня, которые приносили ему подлинное удовлетворение, позволяли раствориться в ощущении собственной незначительности и вообще забыть про свое существование. Эти англичане шумели, подобно духовому оркестру, изредка понуждая его смутно вспомнить про необходимость в более настойчивой и громогласной форме заявить о себе. Однако, он по-прежнему сидел в углу своего купе, не решаясь настойчиво потребовать уважения своих прав и тех маленьких привилегий, которые для него самого, в сущности, представляли лишь незначительную ценность и заключались лишь в относительно спокойной поездке, возможности по собственному усмотрению открыть или закрыть окно — благо оно было рядом — и тому подобном.

Одним словом, в поезде он чувствовал себя довольно неуютно и всем сердцем желал, чтобы поездка как можно скорее завершилась, а сам он снова оказался в своем родном Сурбитоне, где жил вдвоем с незамужней сестрой.

Когда поезд сделал десятиминутную остановку на маленьком полустанке, он вышел на перрон, чтобы немного размять ноги, и тут же к своему явному неудовольствию увидел, как к вагонам устремилась очередная толпа туристов с Британских островов. В то же мгновение он почувствовал, что не в состоянии дальше продолжать путешествие. Даже его вялая душа восстала против подобной перспективы и в мозгу тут же вспыхнула идея провести ночь в этом маленьком городке, а путешествие продолжить на следующий день, выбрав для него медленный и спокойный поезд.

Станционный служитель уже прокричал «По вагонам!», но коридор его собственного вагона оказался забит настолько, что и шагу некуда было ступить. Одним словом, у него на раздумья и принятие решения оставались считанные секунды. И решение это созрело. Везин резко потянул вниз подвижную оконную раму и попросил сидевшего напротив него пожилого господина помочь ему выгрузить чемодан. На ломаном французском он объяснил ему, что намерен именно здесь прервать свою поездку. Француз, по словам самого Везина, стрельнул в его сторону полуосуждающим-полупредстерегающим взглядом, который ему не

забыть до конца дней своих. Затем, когда Везин уже стоял на перроне и принимал от француза передаваемый через окно чемодан, тот негромко произнес ему почти на ухо длинную фразу, из которой наш герой ухватил лишь самую концовку: «*A cause du sommeil et à cause des chats*».

Отвечая на вопрос доктора Силянса, который со свойственной ему профессиональной цепкостью ухватился за этого француза как за важный для всего повествования персонаж, Везин признал, что данный господин с самого начала их поездки произвел на него самое благоприятное впечатление, хотя он сам толком не может понять, что послужило тому причиной. В течение четырех часов они сидели друг напротив друга в одном купе, и хотя за все это время своего слабого французского,— он подтвердил, что практически не сводил с незнакомца своего взгляда, и по серии мелких и совершенно неприметных признаков вежливости и внимания,— чувствовал со стороны того явную доброжелательность по отношению к собственной персоне. Оба мужчины явно симпатизировали друг другу и между ними не возникало никаких трений, точнее, их не возникло бы, вздумай они перейти от обоюдного молчаливого созерцания к непосредственному знакомству и беседе. Француз, похоже, и в самом деле оказывал некое безмолвное покровительство этому весьма непредставительному англичанину и без всяких слов или жестов дал понять, что желает ему всяческого добра и готов оказать любую посильную помощь.

— А эта фраза, которую он пробормотал, передавая вам чемодан,— вы не можете припомнить ее поточнее? — спросил Джон Силянс, изображая на лице ту самую доверительно-симпатизирующую улыбку, которая обычно растапливала корку ледяного недоверия пациентов.

— Видите ли, он проговорил ее так быстро, тихо, даже в какой-то запальчивости,— едва слышно ответил Везин,— что я толком почти ничего не разобрал. Уловил только несколько слов в самом конце фразы — он их произнес наиболее разборчиво, а голова его в тот момент почти вплотную приблизилась к моему лицу.

— *A cause du sommeil et à cause des chats?* — повторил доктор Силянс, словно обращаясь к самому себе.

— Да, именно так,— кивнул Везин,— что, насколько я понимаю, означает «из-за их спячки и из-за их кошек», верно?

— Я тоже так бы это перевел,— доктор посмотрел на него, явно не желая излишне прерывать монолог пациента.

— А остальную часть предложения — я хочу сказать, начальную его часть,— я так и не ухватил. Мне, правда, показалось, что он как будто предупреждал меня, чтобы я чего-то не делал, не останавливался в этом городе, или возможно, в какой-то конкретной части города. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление.

После этого поезд, естественно, укатил дальше, оставив Везина стоять на платформе — одинокого и совсем несчастного.

Городок, в котором он оказался, был совсем небольшим и его строения как-то вразброс взирались по почти отвесному склону холма, возвышавшемуся над долиной, которая простиралась позади станции; его вершину венчали две одинаковые башни, оставшиеся от почти полностью развалившегося собора. Со стороны станции они смотрелись довольно банально, даже как-то слишком уж по-современному, хотя определенное впечатление производил тот факт, что сразу за гребнем холма виднелись остатки средневековых строений. Едва достигнув его вершины и ступив на старую уличную мостовую, он сразу же почувствовал, что здесь не осталось и намека на какой-то модерн — всюду царила атмосфера прошлого века. Шум и грохот железнодорожного состава остался где-то в прошлой жизни.

Его стал постепенно окутывать дух этого молчаливого городка, удаленного от туристов, автомобильных дорог и мирно дремавшего под нежарким осенним небом. Везин с головой окунулся в его чарующую атмосферу, поначалу даже не осознав сам факт ее существования. Он тихо, чуть ли не на цыпочках ступал по извилистым узким улочкам, окруженным домами, фронтоны которых почти смыкались у него над головой, и наконец подошел к дверям единственной в городе гостиницы, точнее говоря — постоянного двора, всем своим поведением выражая застенчивую покорность, словно извиняясь за то, что осмелился потревожить безмятежную дрему его обитателей.

По словам Везина, он поначалу как-то даже не заметил всего этого — попытки проанализировать детали окружающей обстановки пришли много позже. В тот момент его поразил лишь упоительный контраст между тишиной и спо-

койствием городка и оставшейся за спиной пыльной суетой грохочущего поезда. Везина охватило такое чувство, словно кто-то гладит и ласкает его, как кота.

— Как кота, вы сказали? — быстро переспросил Силянс.

— Да, именно так мне с самого начала это показалось. Везин рассмеялся чуть извиняющимся тоном.— Мне почудилось, будто окружавшее меня тепло, неподвижность обстановки и общий комфорт так и подталкивает человека к тому, чтобы тихонько замурлыкать. Скорее всего именно так можно охарактеризовать сложившееся у меня впечатление — поначалу, я хочу сказать.

Постоялый двор представлял собой древнюю, расшатанную постройку, навевавшую воспоминания о временах дилижансов, и встретил Везина, как ему показалось, как-то неприветливо. По его словам, встретил его там не более, как терпимо. Жилье, однако, оказалось весьма дешевым и достаточно удобным, а чашка послеполуденного чая, которую он сразу же заказал себе, быстро улучшила его настроение и убедила в разумности того оригинального прямолинейного шага, благодаря которому столь неожиданно оборвалась его поездка. По крайней мере сам он считал данный способ весьма оригинальным и прямолинейным, хотя было в нем что-то почти собачье.

Комната также несколько успокоила его своими темными деревянными панелями, низким неровным потолком и длинным, чуть покатым коридором, показавшимся ему настоящей тропой к Палате Снов — маленькому, мрачному, но довольно уютному местечку, изолированному от всего окружающего мира и наполнившему его назойливого шума. Своей тыльной стороной она выходила на небольшой внутренний дворик.

Все это было очень мило и на ум ему пришли мысли о том, что его укутали в какой-то очень нежный бархат, а полы и стены заранее обили чем-то очень мягким и непроницаемо плотным, типа громадных невидимых одеял и подушек. С улицы в комнату не проникал ни единий звук, так что его окружала атмосфера полного, безграничного покоя.

Снимая за два франка такое помещение, он повстречался с человеком, который был, пожалуй, единственным, кто бодрствовал в этот сонный послеполуденный час — это был

преклонных лет слуга с длинными пушистыми бакенбардами и такой же полусонной учтивостью в манерах, который лениво пошаркал в его сторону через каменный двор. Спустившись чуть позже из своей комнаты, чтобы немного прогуляться по городу, он повстречался уже с самой хозяйкой заведения. Это была дородная дама, руки, ноги и вообще все детали фигуры которой словно выплыли ему навстречу из моря ее особы, оставаясь, однако, неразрывно с ним связанными. У нее были большие, темные живые глаза, которые служили своего рода противовесом ее крупного тела и наводили на мысль о том, что по натуре своей она являлась энергичной и бодрой женщиной.

Когда Везин впервые заметил ее, она занималась вязанием на спицах, сидя на низком стульчике у залитой солнцем стены, и было в ее облике нечто такое, что сразу же заставило его подумать о большой полосатой кошке, погрузившейся в глубокую дрему, почти уснувшую, но одновременно готовую в любой момент к немедленному действию. Про себя он сравнил ее с громадным мышеловом. Она окинула его быстрым, оценивающим взглядом — вежливым, но в то же время лишенным какой-либо сердечности. Везин заметил, что шея ее, несмотря на всю свою внешнюю массивность, оказалась необычайно гибкой. Она мгновенно склонилась в его сторону и грациозно повернулась.

— Вы знаете, — проговорил Везин, — как только она посмотрела на меня, — он чуть улыбнулся своими извиняющими карими глазами, — как мне сразу же почудилось, что на самом деле ей хотелось совершить другое движение, и что она была в состоянии одним прыжком пересечь каменный двор и броситься на меня, подобно кошке на мышь.

Он снова рассмеялся — тихо, вкрадчиво, а доктор Силянс, не перебивая его, что-то пометил в своем блокноте. После этого Везин продолжал свой рассказ таким тоном, словно опасался, что и так уже наговорил чересчур много, во всяком случае, гораздо больше того, во что можно было бы поверить.

— Это была очень спокойная и, несмотря на свои габариты и тучность, одновременно активная женщина, причем я чувствовал, что она прекрасно контролировала все мои движения даже тогда, когда я оказывался у нее за спиной. Потом она заговорила, и голос у нее оказался мягкий, плав-

ный. Она спросила, много ли у меня багажа и удобно ли мне в моей комнате, а потом добавила, что обед назначен на семь часов, поскольку все жители этого маленького провинциального городка — ранние птихи. Тем самым она вполне отчетливо дала мне понять, что позднее бодрствование здесь не поощряется. Было очевидно, что и голосом своим, и манерами она подводила его к мысли о том, что здесь с ним вполне «управятся», что за него все будет спланировано и организовано, тогда как от него потребуется лишь окунуться в сложившийся уклад жизни и подчиниться устоявшимся традициям. От него не ждали никаких непродуманных заранее действий и вообще каких-либо серьезных усилий. Все это было полной противоположностью той обстановке, которая царила в вагоне его поезда.

Он тихонько вышел на улицу, испытывая волнение, уми-ротворенное блаженство, и понимая, что оказался в среде, которая полностью его устраивала и ласкала его чувства. Ведь всегда бывает проще, когда покоряешься другим, когда целиком полагаешься на них. Он снова принял негромко мурлыкать себе под нос и весь город словно вторил ему в этом бархатном урчании.

Везин плавно скользил по изгибам городских улочек, все глубже окунаясь в атмосферу наполнявшего его бестрепетного покоя, бесцельно брел в неизвестном ему направлении, возвращался, изменял маршрут и снова шел вперед. Сентябрьское солнце поливало косыми лучами крыши жилых домов. Спускаясь по извилившимся переулкам, окаймленным покосившимися, почти падающими фронтонами и распахнутыми окнами, он изредка ловил взглядом мелькавшие далеко внизу сказочно прекрасные участки равнины, лугов и желтеющей листвы молодых деревьев, подернутых дремотной серебристой дымкой. Он чувствовал, что колдовское очарование былых времен прочно укоренилось в этих местах.

Улицы были заполнены живописно разодетыми мужчинами и женщинами; все куда-то деловито спешили, идя своим путем, и никто не оборачивался, чтобы поглязеть на его откровенно английский наряд. Ему даже удалось забыть, что из-за своей подчеркнуто туристской внешности он явно диссонировал с этой красочной панорамой, а потому с каждой минутой все более растворялся в окружающей его

действительности, чувствуя себя упоительно незначительным, почти ничтожным, и ничуть не озабоченным повышенной застенчивостью. Это было сродни превращению в частицу нежно окрашенного сновидения, про которое сразу и не подумаешь, что это всего лишь сон.

Восточный склон холма обрывался более круто и прямо у его подножья начиналась равнина, стремительно перераставшая в море сочленяющихся теней, на фоне которого маленькие вкрапления лесистой местности смотрелись подобно островкам, а пахотные поля походили на глубокие заводи. Отсюда он пошел вдоль старых крепостных валов древних фортификационных сооружений, некогда определенно имевших внушительный вид, а ныне превратившихся в живописную достопримечательность с их хитроумными завитками полуразрушившихся серых стен, поросших сверху плющом и другими вьющимися растениями.

С широкой парапетной стенки, на которую он присел, чтобы немного передохнуть, оказавшись почти на одном уровне с закругленными верхушками постриженных платанов, он увидел раскинувшуюся далеко внизу площадь, в данный момент погрузившуюся в густую тень. То там то здесь с неба прорывался желтый солнечный луч, падавший на такие же желтые опавшие листья, и ему с этой высоты была видна гуляющая людская масса, наслаждавшаяся прохладным вечером. До него доносились лишь мягкий звук их шагов и слабое бормотанье голосов, пролетавших в редкие прогалины в густой листве деревьев. Фигуры сами чем-то походили на тени, когда его взгляд выхватывал их размеренные, подчеркнуто спокойные движения.

Некоторое время он посидел так, погруженный в раздумья, окунувшись в волны еле различимого людского гомона и почти неслышного эха, которое долетало до его ушей, чуть приглушенное кронами платанов. И городок, и весь небольшой холм, из которого он вырастал столь же естественно, как и древний лес, казались, ему похожими на существо, раскинувшееся в полудреме на равнине и тихо мурлыкавшее себе под нос успокоительную колыбельную.

Пока он так сидел, лениво растворяясь в атмосфере всеобщей сонливости, его ушай неожиданно достигли звуки рожков, струнных и деревянных инструментов — где-то внизу, в дальнем конце запруженной народом террасы за-

играл городской оркестр, в котором особо выделялись очень мягкие, глубокие и сочные удары барабана. Везин всегда был неравнодушен к музыке, умел разбираться в ней и даже сам изредка, втайне от друзей и вдали от людей, играл для себя на органе негромкие и спокойные мелодии. Эта же музыка, доносившаяся сквозь листву деревьев и исходившая от невидимого ему и, конечно же, необычайно колоритного городского оркестра, попросту очаровала его. Он совершенно не узнавал, что именно они играли, да и вообще было похоже на то, что музыканты просто импровизируют без дирижера.

Фрагменты музыкальных пьес практически не разделялись паузами и, едва заканчивалась одна, как сразу же, словно по сигналу тронутых сетром струн золовой арфы, начиналась другая. Музыка была составной и неотъемлемой частью этого места и всей окружающей обстановки, равно как и угасающий солнечный луч и едва уловимое дыхание ветерка были составной частью этой панорамы и этого времени, а мягкие звуки старомодных, заунывных рожков кое-где перемежались резковатым звоном струнных, и все это частично заглушалось беспрерывным уханьем большого барабана, отчего душа Везина наполнялась небывалой доселе, необычной, сладостной мощью, которая, будь она чуть послабее, могла бы показаться просто пленительной.

Во всем этом определенно чувствовался некий привкус диковинного колдовства. Музыка казалась ему до странности неестественной; она навевала мысли о колышащейся на ветру листве, оочных дуновениях слабого ветерка, напевно скользящего вдоль проводов, труб дымоходов или оснастки морских судов. Или же — сравнение это прорвалось в его сознание совершенно неожиданно — она походила на хор животных и поющих по-звериному и глядящих на луну. Ему даже почудилось, что он расслышал завывание, похожий на человеческий крик вой кошек, сидящих на ночной крыше, то взлетающий, а то опадающий надсадный стон. И музыка эта, приглушенная расстоянием и листвой, заставила его подумать о странной компании этих существ, облепивших высоко в небе невидимую ему жестянную твердь и обменивающихся друг с другом этими торжественными и одновременно мрачными звуками, взывая как к своим соратникам, так и к луне.

По словам Везина, у него даже сложился некий образ, который как ничто другое отражал самую суть нахлынувших чувств. Инструменты играли с самыми немыслимыми для него паузами, а чередующиеся крещендо и диминуэндо поразительно походили на традиционный кошачий концерт на крыше ночного дома, то стремительно возносясь, то столь же неожиданно, без всякого предупреждения опадая, переходя на более низкие, глубокие тона, и все это смешивалось в каком-то нелепом, диковинном хороводе диссонансов и аккордов.

Но в то же время в целом получался довольно плавный, хотя и заунывный строй звуков, а явно фальшивые ноты полуразбитых инструментов оказывались настолько необычными, что не оскорбляли его музыкального слуха, подобно звучанию выбившейся из общего ритма скрипки.

Он просидел так довольно долго, полностью как это и было в его характере, отдавшись небывалому доселе восприятию странной музыки, и наконец, когда сумерки стали сгущаться, а со стороны долины повеяло прохладой, побрел в свое временное пристанище.

— Но вы не заметили в этом ничего тревожного? — коротко спросил Силянс.

— Абсолютно ничего. Знаете, это показалось мне настолько фантастическим иplenительным, что мое воображение попросту испытало небывалую встряску. Возможно также, — добавил он, намереваясь как можно мягче пояснить свою мысль, — что именно этот сдвиг воображения стал причиной всех последующих впечатлений, поскольку, когда я возвращался в гостиницу, мой рассудок буквально осаждали подкрадывающиеся к нему со всех сторон магические образы этого места, причем я вполне осознавал сущность происходящего со мной. Но было кое-что и другое, чему я ни тогда, ни сейчас не нахожу объяснения.

— Вы имеете в виду какие-то неприятные инциденты?

— Пожалуй, инцидентами их не назовешь. Просто на мой мозг нахлынули волны, словно состоящие из живых ощущений и образов, хотя я и понятия не имею, что стало тому причиной. Случилось это сразу после захода солнца, когда покосившиеся старые строения вычертили на матовом золотисто-красном фоне неба поистине волшебные контуры и силуэты. Вечерняя мгла быстро сгущалась над

извилистыми улочками. Очарование подобного зрелица может стать просто завораживающим, и именно так оно и было в тот вечер. И все же я каким-то образом чувствовал, что нахлынувшие на меня тогда ощущения впрямую не были связаны с тайной и загадкой той сцены...

— То есть это не было лишь неуловимой трансформацией духа, наступившей под воздействием прекрасного зрелица? — подсказал доктор, заметив некоторое замешательство Везина.

— Именно так,— кивнул тот, явно обрадованный этой подсказкой и с этой минуты больше не воспринимавший на свой счет наши снисходительные улыбки.— Впечатление это возникло по какой-то другой причине. Например, в дальнем конце шумной главной улицы, по которой постоянно сновали люди, спешившие домой с работы, делавшие покупки в лавках и у торговцев вразнос, лениво болтали друг с другом, ну, и тому подобное, я заметил, что совершенно не привлекают к себе их внимания, и что никто не смотрит мне вслед как незнакомцу или иностранцу. Меня попросту игнорировали и мое присутствие в их среде не вызывало никакого интереса.

Но потом, чуть позже, меня словно осенило, я со всей убежденностью понял, что вся эта невнимательность к моей персоне, и все их безразличие ко мне были лишь маскировкой, ловкой выдумкой, не более того. На самом деле каждый из них внимательно присматривался ко мне — каждую минуту, каждое мгновение. А игнорирование меня было лишь притворством, искусственным притворством.

Он на секунду умолк и взглянул на нас, желая удостовериться, не вызвала ли эта его тирада знакомые улыбки на наших лицах, но затем, явно приобретенный, продолжал:

— Бесполезно спрашивать меня сейчас, как я это заметил, поскольку я попросту не в состоянии этого объяснить. Открытие это подействовало на меня подобно шоку. Прежде, чем я вернулся к себе в гостиницу, в моем мозгу поселилась еще одна курьезная мысль, которая лишь утвердила меня в моем прозрении. И я могу утверждать, что это также было и остается совершенно необъяснимым для меня. Я хочу сказать, что способен передать вам, как говорится, голый факт — то есть только то, что воспринял тогда я сам.

Низенький человек встал со стула и прошел к коврику,

лежавшему перед камином. Робости он теперь почти не испытывал — теперь, когда вновь затерялся в лабиринтах магии своего былого приключения. Когда он снова заговорил, в глазах его промелькнул живой блеск.

— Итак,— продолжил он чуть более окрепшим от возбуждения голосом,— я находился в магазине, когда впервые заметил это, хотя, надо признать, подобная идея уже довольно долгое время блуждала где-то в подсознании, чтобы потом вот так разом всплыть на его поверхность. Так вот, я покупал носки, да, кажется носки,— он рассмеялся,— и пытался объясниться при помощи своего ужасного французского, когда до меня дошло, что той женщине в магазине было совершенно безразлично, сделаю я у нее хоть какую-то покупку или нет. Ей вообще не было интересно, идет у нее торговля или стоит на месте. Она лишь делала вид, что чем-то торгует.

Это может показаться несущественным или вообще нереальным эпизодом, чтобы увязывать его с тем, что произошло в дальнейшем, однако на самом деле он был отнюдь не таким уж малозначительным. Я хочу сказать, что он явился той искрой, от которой вспыхнул порох, разгоревшийся впоследствии в моем сознании ярким пламенем.

Я неожиданно понял, что весь этот город было на самом деле совсем иным, нежели я представлял себе прежде. Подлинная активность и настоящие интересы его обитателей находились в каком-то ином месте и таили в себе совсем иное, нежели лежало на поверхности. Их реальная жизнь также протекала не здесь и совершенно иначе, чем я ее себе представлял, а вся их бурная деятельность являлась лишь наружной оболочкой, маскировавшей истинные цели. Они покупали и продавали, ели и пили, ходили по улицам, тогда как главное русло их существования пролегало вне пределов моего разумения, где-то под землей, в глухих потайных местах.

Владельцев магазинов и лавок совершенно не волновало, куплю я их товар или нет; в гостинице с полнейшим безразличием относились к тому, поживу я у них еще или сейчас же съеду; их жизнь протекала вдали от течения моей собственной жизни, подпитываемая из сокрытых, загадочных источников. Все это было грандиозной, тщательно спланированной и разработанной мистификацией, предпри-

нятой, возможно, ради моей же выгоды, а может и ради удовлетворения собственных интересов. И все же главное содержание их бытия оставалось скрытым от меня. Я начинал ощущать себя в качестве некого чужеродного вещества, которое каким-то образом проникло в живой организм и было им своевременно обнаружено, после чего вся структура этого тела стала пытаться решить вопрос о целесообразности поглощения этого вещества, либо, напротив, его отторжения. Точно так же вел себя в отношении меня и этот город.

Подобное фантастическое видение блуждало в моем мозгу, пока я возвращался в гостиницу. Меня не переставала мучить мысль о том, где же сосредоточена главная, основная жизнь обитателей города, что составляло истинную сущность их подлинного и доселе непонятного мною бытия.

Теперь же, когда мои глаза хотя бы отчасти приоткрылись, я стал подмечать также и другие вещи, которые обескураживали меня. Первой из них, пожалуй, являлась неестественная тишина, царившая в этом городе. Весь он — и это я могу утверждать со всей определенностью, был словно окутан чем-то звуконепроницаемым. Несмотря на то, что улицы его были вымыщены булыжником, люди передвигались по ним бесшумно, мягко, словно кошки. Ничто практически не издавало ни малейшего звука, все оставалось приглушенным, смягченным, затихшим. Доносившиеся до меня голоса были едва слышны и звучали негромко, спокойно, подобно кошачьему мяуканью. Казалось, что ничто шумное, буйное или выразительное не могло существовать в сонной атмосфере мягкой полудремы, которая способствовала погружению этого небольшого холмистого города в сладкое забытье. Чем-то все это напоминало мне эту женщину в гостинице: кажущийся, внешний покой затенял собой внутреннюю активность и целеустремленность.

Но что странно — при всем этом нигде не было заметно ни малейшего признака вялости или, тем более, спячки. Люди вели себя бодро, даже энергично, только над всеми ними словно зависла таинственная, волшебная пелена мягкой приглушенности.

Везин на мгновение прикрыл глаза ладонью, словно восставшая в памяти картина оказалась слишком уж живой. Голос его перешел на шепот, отчего последняя группа слов

прозвучала почти неслышно. Нам было ясно, что он говорит чистую правду и рассказывает о вещах, которые ему нравятся и одновременно вызывают чувство острой ненависти.

— Я вернулся в гостиницу,— продолжал он чуть более громким голосом,— где и пообедал. Теперь я уже отчетливо ощущал, что меня повсюду окружает новый, странный мир, вытеснивший собой реальность прошлого бытия. Вне зависимости от того, нравилось мне все это или нет, меня окружало нечто новое и недоступное моему пониманию. Я уже сожалел о том, что столь поспешно сошел с поезда. Меня захлестнули ветры странствий, хотя я всегда с отвращением относился к самой идее участия в каких-либо приключениях. Более того, все это казалось мне лишь началом приключения, происходившего где-то глубоко внутри меня, в той зоне моего естества, которую я не мог ни исследовать, ни измерить. Наряду с изумлением в моем мозгу вдруг начало зарождаться подозрение о реальной опасности, нависшей над тем, что я вот уже более сорока лет по праву считаю собственной «личностью».

Я поднялся к себе в комнату и лег в постель, хотя рассудок продолжали одолевать непривычные для меня мысли, точнее сказать, некие призрачные видения. В качестве своеобразной разрядки я принял вспоминать прозаический, шумный поезд и всех его докучливых, но вполне здравых и нормальных пассажиров. Теперь я уже почти жаждал вновь оказаться среди них. Но мысли мои почему-то устремились в зыбкую даль. Я думал о кошках, мягко передвигающихся двуногих существах, и о тишине жизни, погруженной в темный, беззвучный, недоступный органам моих чувств мир.

II

Один день сменял другой, а Везин все продолжал жить в гостинице, задержавшись в ней явно дольше, чем сам предполагал поначалу. Он замечал, что все время пребывает в какой-то дреме, полусонном состоянии. В сущности, он ничего не делал, но место это словно зачаровывало его, и он никак не мог найти в себе сил покинуть город. Ему всегда нелегко давались любые решения и он не раз ловил себя на мысли: как это он так стремительно воз-

намерился сойти с поезда? Словно кто-то другой загодя подготовил его к этому шагу — пару раз его воспоминания перескакивали на смуглолицего француза, который сидел напротив него в купе. Если бы только ему удалось понять смысл той длинной фразы, заканчивавшейся загадочными словами про «спячку и кошек»... Его очень интересовало, что бы это могло значить.

Между тем приглушенная мягкость городка почти превратила его в своего пленника, и он пытался в свойственной ему робкой, несколько сумбурной манере отыскать истоки этой загадки и всего того, что за нею стояло. Однако его слабый французский, равно как и врожденная неприязнь к любым активным действиям не позволяли ему просто так подойти к кому-то и обратиться с расспросами. Поэтому он принял решение, более отвечавшее склонностям своей натурь — ждать и оставаться пассивным наблюдателем.

Погода по-прежнему оставалась спокойной, тихой и это его вполне устраивало. Он все так же бродил по городку и вскоре познакомился со всеми его улицами и переулками. Окружающие люди как бы нейтрально присутствовали при всех его блужданиях, явно не одобряя их, но и не чиня ему каких-либо препятствий. Между тем самому ему с каждым днем становилось все яснее, что он находится под их пристальным наблюдением. Город следил за ним подобно тому, как кошка следит за мышью, а он так и не приблизился к уяснению того, чем все они были так заняты и в чем состояла истинная сущность их активности. Это по-прежнему оставалось для него полнейшей тайной. Сами же люди, как и ранее, походили на мягких, загадочных кошек и котов.

И все же осознание того, что он ежеминутно находится под их неусыпным наблюдением и молчаливым контролем с каждым днем получало все новые подтверждения.

Например, когда он дошел до самой окраины городка и вступил на территорию небольшого общественного сада, располагавшегося у подножия крепостного вала, и там присел на одну из залитых солнцем скамей, он поначалу — именно поначалу — оставался в полном уединении. В непосредственной близости от него не было видно ни души, вся территория маленьского парка — а она отлично просматривалась — пустовала и его дорожки оставались совершенно безлюдными. Но вот, где-то минут через десять

после его прихода туда, он увидел неподалеку от себя чуть ли не настоящую толпу, как минимум человек двадцать: кто-то бесцельно бродил по покрытым гравием дорожкам и любовался цветами, а другие, как и он сам, присели на деревянные скамьи, подставив лица теплым солнечным лучам. Ни один из них, казалось, не обращал на него ни малейшего внимания, и все же у него не оставалось никаких сомнений в том, что пришли они туда исключительно с целью наблюдать за ним. Они продолжали вести за ним неустанную слежку. На удицах изображали из себя крайне занятых людей, спешивших куда-то по своим неотложным делам — и вдруг все это враз оказывалось позабыто и у них не осталось других забот кроме как понежиться на солнышке, полностью отбросив все свои проблемы.

Через пять минут после его ухода парк обычно снова пустел, лавочки повсеместно освобождались. Но на заполненных людской массой улицах все начиналось заново; он никогда не оставался наедине с самим собой, постоянно занимал все их помыслы.

Постепенно он стал подмечать, как умно они организовывали свою слежку, ни на мгновение не обнаруживая ее явно. На первый взгляд они вроде бы ничего особенного и не делали. Нет, поведение их оставалось как бы чуть посторонним, косвенным, замаскированным. Про себя он посмеивался над тем, в какие слова облачались его подобные мысли, но фразы эти, тем не менее, абсолютно точно отражали суть происходящего.

Жители города искоса поглядывали на него, что, естественно, вынуждало их изменять направление взгляда в целом. В движениях их полностью отсутствовала какая-то нарочитость — разумеется, в том, что касалось непосредственно его персоны. Прямые, решительные действия с их стороны, похоже, исключались полностью. Они вообще ничего не делали явно. Если он заходил в магазин, чтобы что-то купить, продавщица сразу же устремлялась к дальнему концу прилавка и принималась сосредоточенно перебирать какие-то товары, но стоило ему задать вопрос, как она сразу же на него отвечала, тем самым подтверждая тот факт, что все это время осознавала его присутствие, но одновременно показывала, что обслужить его она могла только таким странным способом. Да и в целом она вела себя как ти-

личная кошка. Даже в столовой гостиницы, где он обычно питался, учтивый официант с бакенбардами, гибкий и неслышный во всех своих движениях, никогда не шел напрямую к его столику, чтобы принять заказ или привезти какое-то блюдо. Он передвигался зигзагами, как-то неуверенно, даже бесцельно, подчас направляясь в совершенно противоположную сторону, однако в последний момент неожиданно поворачивал и оказывался рядом с его столиком.

Везин задумчиво улыбался, вспоминая про то, как стал подмечать все эти вещи. Кроме него в гостинице не проживало ни одного туриста, но ему на память приходила пара престарелых мужчин, также остановившихся в этом месте и обедавших вместе с ним, и он вспоминал, сколь нелепо и странно они заходили в столовую. Поначалу они на секунду задерживались в дверях, а по окончании этой беглой рекогносцировки наконец входили, передвигаясь, как и официант, как-то бочком, держась поближе к стенам, словно не определившись, какой столик им все же хотелось занять; в самую последнюю секунду они совершали короткую пробежку к облюбованному им месту. И снова ему в голову приходила мысль о кошачьих повадках.

Были и другие мелкие инциденты, которые также производили на него впечатление неотъемлемой части этого странного, безмятежного городка со всей его приглушенной, неявной жизнью. Например, его крайне обескураживало то, с какой непостижимой быстротой люди то появлялись непонятно откуда, то столь же стремительно растворялись в пространстве. Он понимал, что все это, конечно, могло иметь под собой самые естественные причины, и все же не вполне представлял себе, каким образом городские улицы поглощали их тела, после чего мгновенно «выстреливали» обратно, хотя поблизости не было видно ни дверей, ни каких-то иных входов, которые помогли бы уяснить суть происходящего.

Как-то он решил пойти следом за двумя престарелыми женщинами, которые, как ему показалось, наблюдали за ним на улице — это было неподалеку от гостиницы,— и он увидел, как они в нескольких метрах от него свернули за угол. Когда же он, следуя едва ли не по пятам за ними, повторил их маневр, то увидел лишь пустынную улицу, на которой не было ни единой живой души. Единственное место,

где они могли бы укрыться от него, было крыльцо дома, находившееся не менее, чем метрах в пятнадцати от угла, однако даже тренированный спортсмен не смог бы столь стремительно добраться до него.

Точно таким же внезапным образом люди возникали словно из ничего, когда он ни коим образом не ожидал этого. Однажды до него донеслись звуки какой-то ссоры или даже драки, происходившей за невысокой стеной. Он поспешил выяснить, в чем там дело, однако увидел лишь группу горластых девушек или женщин, увлеченно обсуждавших что-то друг с другом, и как только его голова появилась поверх стены, шум сразу же умолк — все перешли на свойственный жителям города приглушенный шепот. Несколько секунд в упор разглядывая его, они как-то разом подобрались, после чего быстро и одновременно крадучись юркнули в выходившие во двор двери домов и сараев. Он заметил, что в голосах их звучали похожие, странно-похожие интонации, походившие на рычание дерущихся животных, возможно даже кошек.

И все же общий настрой города продолжал ускользать от него, оставался неуловимым, переменчивым, отгороженным от всего остального мира, и в то же время наполненный напряженной, настоящей жизнью; и поскольку сейчас он также являлся составной частью этой самой жизни, подобная утайка озадачивала и раздражала, более того, начинала пугать его.

Из тумана, который начал медленно окутывать его чувства, постепенно стала возникать мысль о том, что жители города ожидают, когда он по-настоящему раскроет себя, займет более четкую и конкретную позицию, сделает то или сделает это, и когда это произойдет, они, в свою очередь, они каким-то образом отреагируют на его действие — примут или отвергнут его. И все же до него никак не доходило, какого именно решения они от него ждали.

Пару раз он осознанно шел за какой-нибудь группой людей, намереваясь по возможности разобраться, для чего они собрались, но те всякий раз довольно скоро обнаруживали его присутствие и немедленно расходились — каждый шел дальше своей дорогой. Все оставалось практически неизменным: ему никак не удавалось установить круг их подлинных интересов. Собор всегда пустовал; старая церковь

Святого Мартина, располагавшаяся на другом конце города, также никем и никогда не посещалась. И покупки свои эти люди делали отнюдь не потому, что им хотелось что-то купить, а просто потому, что так полагалось поступать. В лавки они практически не заходили, ларьки огибали стороной, в кафе не заглядывали. Но улицы были неизменно заполнены деловито снующими людьми.

Этого просто не может быть, говорил он себе и сам же посмеивался над тем, что ему в голову вообще могла прийти подобная нелепая мысль. Ведь не может же быть так, чтобы его окружали люди-призраки, у которых лишь ночью начинается настоящая жизнь, и добровольно они выходят наружу лишь после захода солнца? Разве возможно такое, чтобы в дневное время они накидывали на себя маску бодрого притворства, тогда как подлинная их активность начиналась лишь с наступлением темноты? А может, у них души ночных существ, и весь этот благодатный городок находится в руках — лапах кошек?

Столь причудливая мысль потрясла его, словно ударила током; он даже невольно съежился, почувствовав приступ страха. И хотя он продолжал изредка посмеиваться над подобными мыслями, сознание его постепенно начинало испытывать нечто большее, нежели обычную неловкость, приходить к выводу, что неведомые ему силы все чаще подергивают, а то и просто тащат его за тысячи невидимых нитей, привязанных к самой сердцевине его естества. В душе его начинало медленно шевелиться нечто такое, что располагалось бесконечно далеко от его обычной повседневной жизни, что дремало на протяжении долгих лет — и тут же он ощущал, как к сердцу и мозгу его несутся едва заметные, стремительные сигналы, коротечные импульсы, порождавшие причудливые мысли и даже воплощавшиеся в отдельные незначительные поступки. У него было такое ощущение, что ставкой в этом состязании с неведомыми силами является нечто жизненно важное, как для его тела, так и для всей души.

Всякий раз, когда он вскоре после захода солнцаозвращался в гостиницу, Везин замечал фигуры горожан, робко крадущихся от дверей своих магазинов, бредущих по улицам в обоих направлениях и огибающих углы домов, и неизменно при его приближении беззвучно, как тени

растворявшихся в наплывавших сумерках. Когда же двери гостиницы ровно в десять часов нагло запирались, у него, естественно, полностью пропадала любая возможность посмотреть, как выглядит город в ночное время, хотя мысль об этом постоянно будоражила его сознание.

«...из-за их спячки, и из-за их кошек», — эти слова теперь все более часто звенели у него в ушах, хотя за ними по-прежнему не просматривалось никакого доступного ему смысла.

Более того, некая сила заставляла его ночью спать мертвцким сном.

III

Случилось это, кажется, на пятый день его пребывания в городе — хотя в этой части его рассказ иногда допускал некоторые отклонения, — когда он наконец сделал открытие, вселившее в его сердце еще большую тревогу, едва ли не подведя его к грани резкого психического надлома. Прежде он уже замечал, что под воздействием окружающей обстановки в его характере уже начали происходить некоторые незначительные изменения, отчасти изменившие кое-какие его привычки, хотя некоторое время он упорно старался отрицать их существование. На сей же раз произошло нечто такое, что застало его врасплох и нельзя было с небрежной легкостью отвергнуть.

Даже в лучшие свои годы Везин не отличался особой активностью, предпочитая занимать позицию скорее пассивного, во многом безразличного созерцателя, хотя, когда обстоятельства того требовали, был способен также на решительные, энергичные, а подчас и весьма жесткие действия. И то открытие, которое он сейчас сделал, и которое столь сильно потрясло его, в сущности было не таким уж сложным для понимания и заключалось в том, что его внутренняя энергия, сила постепенно, но неуклонно убывала, явно превращаясь в ничто. Он внезапно обнаружил, что почти не в состоянии принять какое-либо решение. Именно на пятые сутки он впервые обратил внимание на то обстоятельство, что уже довольно долго живет в этом городе, тогда как по ряду причин, сущность которых до сих пор про-

должала оставаться не вполне понятной ему, гораздо благоразумнее и безопаснее было бы как можно скорее уехать отсюда.

Но он понимал, что не может уехать!

Подобное состояние трудно выразить словами, а потому он скорее жестами и мимикой передал доктору Силянсу ту степень собственного бессилия, которую испытал в тот момент. Как он сам сказал, все это подглядывание и присматривание словно обвило его ноги невидимой сетью, недоступными взору путами, которые не позволяли ему свободно передвигаться и исключали возможность побега. Он чувствовал себя подобно мухе, угодившей в хитроумно сплетенную паутину; он был пленен и лишен возможности к бегству и спасению.

Это было поистине гнетущее открытие. Воля его словно погрузилась в пучину оцепенения, и он постепенно утратил всякую способность принимать решения. Одна лишь мысль о каком-то энергичном действии — нацеленном, разумеется, на побег, — вызывала у него состояние панического ужаса. Все течения его жизни словно повернули вспять, устремившись внутрь него самого, пытаясь вынести на поверхность нечто такое, что лежало захороненным на недосыгаемой глубине, заставляя его вспомнить нечто давно забытое. Ему казалось, что где-то в пучине его естества распахнулось окно, через которое он увидел совершенно новый мир, но тот, как ни странно, отнюдь не показался ему абсолютно незнакомым. За окном же в его воображении виделся диковинный занавес, и когда он также взмыл вверх, взор его смог устремиться дальше и наконец постичь отдельные детали тайной жизни этих необыкновенных людей.

Неужели именно поэтому они следят за мной и чего-то выжидают? — спросил он себя, чувствуя, как отчаянно бьется в груди сердце. Правда ли, что они ждут того момента, когда я присоединюсь к ним — или напрочь отвергну их? Может ли быть такое, чтобы решение все еще оставалось за мной, а не за ними?

Именно в тот момент до него впервые дошел зловещий смысл всего этого приключения, отчего он почувствовал уже не смутную, а вполне явную тревогу. На карту была поставлена вся его хрупкая личность — и где-то в глубине своего сердца он внезапно превратился в труса.

Иначе с чего бы он вдруг стал передвигаться всюду кра-
дучись, тихо, стараясь производить как можно меньше шу-
ма и постоянно оглядываясь назад? Почему он ни с того ни
с сего взял за правило едва ли не на цыпочках перемещать-
ся по коридорам этой почти пустынной гостиницы, а оказы-
ваясь за ее пределами, стремился иметь у себя за спиной
надежное прикрытие? И почему, если на самом деле не бы-
ло никакого страха, он вдруг с такой неожиданной ясно-
стью осознал глубокую мудрость местной традиции с захо-
дом солнца не выходить на улицу? В самом деле, почему?

Когда Джон Силянс принял в мягкой форме доби-
ваться от него ответов на все эти вопросы, он с извиняю-
щимся видом признал, что ему абсолютно нечего сказать.

— Просто я почувствовал, что если не стану проявлять
повышенную осторожность, со мной может произойти не-
что очень неприятное. Мне действительно стало страшно.
Это было инстинктивное чувство; такое ощущение, словно
мне противостоит, на меня ополчился весь город. Я ока-
зался всем им зачем-то нужен, и если они доберутся до ме-
ня, то я лишусь самого себя, по крайней мере той части
собственной личности, которую знал все эти годы. Впрочем,
я ведь не психолог,— робко добавил он,— и лучше, пожа-
луй, не смогу описать собственное состояние.

Следующее свое открытие Везин сделал во время про-
гулки по внутреннему дворику гостиницы примерно за
полчаса до обеда. Зная, что у него еще остается немногого
времени, он решил подняться к себе наверх и, пройдя по
длинному узкому коридору в свою маленькую уединенную
комнату, в полной тишине хорошенько все обдумать.

Во дворике в тот момент кроме него никого не было, но
в душе Везина постоянно таилась вероятность того, что в
любой момент из двери может появиться та самая полная
женщина, которую он определенно побаивался и которая
под предлогом вязания усядется где-нибудь в укромном
уголке и примется следить за ним. Это случалось уже не раз
и ему было невыносимо ее присутствие. Он хорошо помнил
то свое первое предчувствие, вполне бредовое по самой сво-
ей сути, что как только он повернется к ней спиной, она тут
же бросится на него и в едином прыжке вцепится сзади в
шею. Разумеется, это была сущая чепуха, но в те дни такая
мысль постоянно преследовала его, а известно, что как

только сознанием человека овладевает какая-то идея, она уже перестает быть чепухой.

Он стал тихо подниматься по лестнице. За окнами еще не сгостила темнота и поэтому лампы в коридоре пока не горели. Проходя мимо сумрачных контуров гостиничных номеров — тех самых помещений, двери которых ему ни разу не доводилось видеть открытыми и в которых, как ему казалось, никто не жил,— он споткнулся о невидимую неровность старого пола, но все же устоял на ногах и продолжал идти дальше, ступая по укоренившейся теперь привычке — на цыпочках.

Примерно на середине последнего отрезка коридора, который вел к двери его комнаты, ему предстояло сделать резкий поворот, к которому он сейчас как раз приближался, чуть касаясь вытянутой рукой стены. Неожиданно его пальцы наткнулись на нечто такое, что определенно не могло быть стеной, поскольку объект этот двигался. На ощупь это было что-то мягкое, покрытое шерстью или мехом, источавшее неописуемо приятный запах и по высоте доходившее ему до плеча. Он сразу же подумал о пушистом, мягкком, очаровательно пахнущем котенке. Но уже в следующее мгновение понял, что это нечто иное.

Вместо того, чтобы попытаться разобраться в обстановке — нервы его, как он сам выразился, и без того были напряжены до предела,— Везин лишь отпрянул назад, насколько позволяла ширина коридора, и прижался спиной к противоположной стене. Существо это, кем бы оно ни было, с негромким шелестящим звуком проскользнуло мимо него и, легко ступая по ступенькам, спустилось по лестнице и исчезло. До его ноздрей донеслось слабое дуновение теплого ароматизированного воздуха. Везин на мгновение задержал дыхание и замер на месте, по-прежнему чуть опираясь на стену, после чего почти бегом бросился дальше по коридору, заскочил к себе в комнату и поспешно затворил дверь.

Теперь его гнал отнюдь не страх — это было странное возбуждение, странное и одновременно сладостное. Нервы его действительно были напряжены, а по всему телу разлился упоительный, приятный жар. Сознание его подобно яркой вспышке озарила мысль: точно такое же чувство он испытал двадцать пять лет назад, когда еще мальчишкой впервые влюбился. Его захлестнули и подхватили теплые

течения жизни, которые затем вздыбились, взметнулись к самому мозгу и закружились там в плавном чувственном водовороте. Он неожиданно испытал прилив нежности, трепетной трогательности, любви...

В комнате было довольно темно и он натолкнулся на стоявший рядом с окном диван, ни на мгновение не представая мучить себя вопросом, что же случилось с ним и что все это значило? Однако в тот момент ему было ясно лишь одно: в нем самом произошла стремительная, волшебная перемена и ему уже не хотелось никуда уезжать; не требовалось даже уговаривать его остаться в этом городе. Встреча в коридоре все поменяла местами. Его продолжал окутывать странный, пьянящий сердце и дурманящий разум аромат. Теперь он определенно знал, что мимо него проскользнула какая-то девушка, и пальцы его в темноте скользнули по ее лицу. И еще он каким-то сверхъестественным образом почувствовал, что она поцеловала его — поцеловала в губы.

Дрожа всем телом, он опустился на диван и попытался сбраться с мыслями. Ему было совершенно непонятно, каким образом одно лишь появление девушки в том узком коридоре смогло подобно электрическому току пронзить все его существо, после которого он до сих пор продолжал ощущать столь сладостное упоение. Но именно так оно и было!

Он понял, что бессмысленно отрицать это, равно как и пытаться подвергнуть сухому анализу пережитое чувство. Его жилы наполнились каким-то древним огнем и пламя сейчас подпалило всю наполнившую тело кровь, а то, что ему было сорок пять лет, а отнюдь не двадцать, не имело ровным счетом никакого значения. Из всего этого внутреннего смятения и крайнего замешательства следовал один не поддающийся сомнению вывод о том, что сама атмосфера, одно лишь случайное прикосновение этой девушки, совершенно незнакомой ему и невидимой в темноте, оказалось достаточным, чтобы развернуть доселе спящий в его сердце костер, заставить все его естество очнуться из безвольной спячки и окунуться в пучину безудержного возбуждения.

Чуть позже, однако, прожитые годы все же начали давать о себе знать, он несколько успокоился, а когда снаружи постучали и голос слуги известил его о том, что обед

подходит к концу, он заставил себя подняться и медленно побрел в сторону столовой.

При его появлении все находившиеся там люди подняли головы, поскольку он сильно запоздал, однако Везин спокойно занял свое привычное место в дальнем углу и приступил к трапезе. Нервы его продолжали хранить остатки волнения, однако уже то, что он миновал внутренний дворик и холл, так нигде и не повстречав знакомую тучную женщину, отчасти успокоило его. Он стал с такой стремительностью поглощать пищу, что почти наверстал упущенное время — и в этот самый момент его внимание привлекло неожиданно поднявшееся всеобщее оживление.

Стул его стоял так, что входная дверь и большая часть помещения оставались у него за спиной. Однако ему не было необходимости оборачиваться, чтобы понять, что тот самый человек, который проскользнул мимо него в темном коридоре, теперь зашел в столовую. Он почувствовал его появление задолго до того как увидел или услышал. Затем до него дошло, что пожилые господа, которые помимо него самого являлись единственными постояльцами гостиницы, стали один за другим подниматься со своих стульев и обмениваться приветствиями с кем-то, кто проходил сейчас между столиками.

Наконец он также обернулся, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, и увидел молоденькую девушку, которая изящной и гибкой походкой шла через центр зала, явно направляясь к его угловому столику. Двигалась она с чарующей, изящной грациозностью, чем-то похожая на молодую пантеру, и ее появление наполнило его сердце столь сладостным смятением, что он поначалу даже не обратил внимание на ее лицо и не уловил других деталей внешности этого существа, вновь переполнившего его ощущением трепетного восторга.

— Ah, Ma'amselle est de retour!* — донесся до него возбужденный шепот старого официанта и он понял, что она являлась дочерью хозяеки гостиницы. И в тот же миг он услышал ее голос — девушка стояла рядом с ним и обращалась именно к нему.

Перед его взором чуть зашевелились алые губы, промелькнули поблескивающие, смеющиеся зубы, на висках

* — О, мадемузель вернулась! (Франц.)

заколыхались локоны чудесных темных волос. Все остальное походило на сновидение, в котором его собственные эмоции восставали перед глазами подобно густым облакам, взор его мгновенно туманился и он толком не понимал, что делает. Везин лишь догадывался, что она приветствует его очаровательным легким поклоном; что ее красивые большие глаза пристально всматриваются в его лицо; что ноздри ему щекочет тот же аромат, который он впервые ощутил в темном извилистом коридоре, и что вся она чуть подалась вперед, слегка опираясь рукой о краешек его стола. Она стояла совсем близко от него — в этом он не сомневался — и объясняла, что хотела бы узнать, как живется в гостинице гостям ее матери, и что сейчас ей захотелось бы лично представиться также и ему как самому запоздалому постельцу.

— Месье живет у нас уже несколько дней,— услышал он голос официанта, на что девушка проговорила сладким, поющим голоском:

— Но я надеюсь, месье не собирается пока нас покидать? Моя матушка слишком стара, чтобы создать гостям должный комфорт, но коль скоро я опять здесь, думаю, все будет в порядке.— Она радостно рассмеялась.— Я сама позабочусь об этом месье.

Преодолевая внезапный наплыв эмоций и желая проявить учтивость, Везин приподнялся в ответ на столь милые речи и что-то пробормотал, и в этот миг пальцы его случайно дотронулись до ее руки, по-прежнему касавшейся края стола. Он снова почувствовал, что его словно пронзило ударом электрического тока, в груди что-то задрожало, заколыхалось. Он перехватил взгляд девушки, пристально всматривавшейся в его лицо, и в следующее мгновение осознал, что снова опустился на свой стул, что девушка уже удаляется от него, и что сам он пытается есть салат при помощи десертной ложки и ножа.

Стремясь поскорее вернуться к себе в комнату и одновременно страшась этого, он поспешил проглотил остатки обеда и сразу после этого покинул столовую. Ему было необходимо побывать наедине с собственными мыслями. На сей раз коридор был освещен и он не столкнулся ни с какими непредвиденными препятствиями. И все же изогнутый проход был наполнен тенями, а последний отрезок пути по-

сле поворота к двери комнаты показался ему намного длиннее, чем прежде.

Он шел по коридору словно по извилистой тропе, вилявшей по горному склону, и, ступая по ней на цыпочках, почему-то чувствовал, что сейчас она выведет его за пределы дома и он окажется в густом лесу. В душе его звучала мягкая музыка, мозг был переполнен диковинными образами. Наконец добравшись до своей комнаты, он не стал зажигать свечи, а просто сел у распахнутого окна, надолго погрузившись в думы, которые непрошенной волной нахлынули на него со всех сторон.

Э-ю часть своего повествования Везин изложил доктору Силянсу почти без каких бы то ни было уговоров с его стороны, хотя временами и испытывал некоторое смущение и замешательство. По его словам, он и понятия не имел, каким образом этой девушки удалось оказать на него столь сильное воздействие, причем еще до того как он поднял на нее свой взгляд. Одной лишь близости ее в том темном коридоре оказалось достаточно, чтобы он мгновенно вспыхнул огнем. Везин в жизни не увлекался проблемой колдовства и на протяжении долгих лет всячески стеснялся всего того, что могло хоть как-то походить на нежные взаимоотношения с противоположным полом, ибо всегда отличался застенчивостью и слишком хорошо осознавал свои недостатки. И вот это чарующее милое существо подошло к нему, причем сделало это вполне осознанно. И в дальнейшем ее манеры оставались безупречными, хотя она явно искала любой возможности, чтобы встретиться с ним. Ее поведение отличалось подчеркнутым целомудрием, мягкостью, хотя в нем определенно присутствовали завлекающие компоненты. Одним словом, можно было сказать, что она целиком покорила его одним лишь первым взглядом своих сияющих глаз, даже если и не смогла достичь этого одним лишь волшебством своего присутствия в темном гостиничном коридоре.

— Вам показалось, что она излучает добродетель и тепло? — поинтересовался доктор Силянс. — И у вас не возникло никакого другого ощущения? Например, тревоги?

Везин резко поднял на него свой взгляд, сопровождаемый все той же застенчивой улыбкой, но ответил не сразу. При воспоминании об этом приключении он неизменно по-

крывался краской смущения, а его карие глаза надолго устремляли свой взор в пол.

— Пожалуй, я бы так не сказал,— наконец вымолвил он.— Сидя у себя в комнате, я действительно начал было испытывать некоторые сомнения. Во мне стала назревать убежденность, что было в ней что-то... как бы это получше выразиться... нечестивое, что ли. Нет-нет, я не имею в виду ничего постыдного — ни физическое, ни интеллектуальное,— но все же нечто такое, от чего у меня почему-то мороз начинал пробирать по коже. Я тянулся к ней и одновременно опасался ее, словно она чем-то отталкивала меня, даже больше того...

Он заколебался, еще больше покраснел и так и не завершил фразу.

— Прежде мне никогда не доводилось испытывать ничего подобного,— с некоторым смущением продолжал он.— Пожалуй, это действительно походило на некое колдовство. Как бы то ни было, но чувство это оказалось настолько сильным, что я начинал подозревать, что останусь в этом городе на долгие годы, если, конечно, буду каждый день видеть ее, слышать ее голос, наблюдать за тем, как грациозно она передвигается, а иногда, возможно, и ощущать прикосновение ее руки.

— А скажите, что, по-вашему, было источником, причиной ее власти над вами? — спросил доктор Силянс, умышленно не глядя в глаза рассказчику.

— Странно, что именно вы задали мне подобный вопрос,— в голосе Везина прозвучал легкий, но, похоже, максимально возможный для него намек на чувство собственного достоинства.— Пожалуй, ни один мужчина не в состоянии убедительно рассказать о том, в чем заключена магия воздействия покорившей его женщины. Я, во всяком случае, на это неспособен. Могу лишь сказать, что эта девушка действительно околдовала меня, и при одной лишь мысли о том, что она живет и спит в одном со мною доме, я сразу же начинал испытывать неописуемый восторг.

— Но должен заметить вам одно обстоятельство,— продолжал он и теперь глаза его ярко засияли.— Дело в том, что она словно синтезировала, аккумулировала в себе все те странные, неведомые мне силы, которые столь загадочным образом манипулировали и самим городом, и его

обитателями. Двигалась она гладко, бархатно, повторяю, как пантера, неслышно перемещаясь из стороны в сторону, в точности повторяя присущую окружавшим меня людям манеру все делать исподволь, словно косвенно, скрывая свои потаенные цели — те самые цели, которые предусматривали именно меня в качестве своего главного объекта.

К моему ужасу и одновременно восторгу она держала меня под неустанным и пристальным наблюдением, но при этом вела себя настолько беззаботно и в целом безупречно, что любой другой, менее чувствительный, если мне позволительно будет так выразиться, и не столь подготовленный с точки зрения происшедшего ранее человек мог бы вообще ничего не заметить. Она всегда оставалась спокойной, умиротворенной и, казалось, одновременно пребывала в самых различных местах, а потому мне ни разу не удавалось скрыться от нее. Я всюду сталкивался со взглядом и смехом ее больших глаз — в любом углу моей комнаты, в коридорах, она безмятежно взирала на меня через окна домов или наблюдала за мною в самых оживленных местах городских улиц.

После той первой встречи, столь сильно поколебавшей душевное равновесие нашего маленького господина, их отношения стремительно становились все более близкими. По природе своей Везин был довольно чопорным человеком, а мир подобных людей обычно имеет столь узкие рамки, что любое мало-мальски необычное потрясение буквально выбивает их из привычной колеи, а потому они инстинктивно побаиваются любой оригинальности. Однако довольно скоро он стал забывать про свою былую сдержанность. Поведение девушки неизменно отличалось скромностью, а будучи в некотором роде представительницей своей матери, она, естественно, постоянно находилась с гостями. В подобной ситуации между людьми легко устанавливаются взаимоотношения своеобразного товарищества. Кроме того, она была молода, чарующе мила, она была француженкой и... он ей определенно нравился.

В то же время было во всем этом нечто, крайне трудно поддающееся описанию — некая неуловимая атмосфера иного места и другого времени, — которая заставляла его быть постоянно начеку, а иногда даже вздрагивать от неожиданно нахлынувшего смутного ощущения опасности. Все

это скорее походило на горячечный сон, полупьянящий, полуутревожный; подчас он и сам толком не понимал, что говорит или делает, будто им двигали загадочные импульсы, в которых он лишь слабо угадывал собственные желания.

И хотя мысль об отъезде вновь и вновь вспыхивала в его сознании, она с каждым разом заметно слабела, и потому шли дни, а он так и не уезжал, становясь с каждым из них все более неотделимым от убаюкивающей жизни этого солнечного города, и все последовательнее теряя черты своей личности. Он чувствовал, что совсем скоро занавес внутри него устрашающим рывком окончательно взмоет вверх и он неожиданно для себя окажется лицом к лицу с тайной сущностью окружающей и пока скрытой от него жизни. Только к тому времени он уже успеет преобразиться в какое-то совершенно другое существо.

Между тем он продолжал подмечать различные признаки того, как кто-то искусно пытается увлечь его идеей подольше пожить в этом городе: цветы на столике в спальне, новое, более удобное кресло в углу комнаты, даже некоторые дополнительные блюда к его обеденному столу. Его беседы с «мадемузель Ильзой» также становились все более регулярными и приятными, и хотя они редко выходили за рамки разговоров о погоде или городских достопримечательностей, он подмечал, что девушка всякий раз стремилась их продолжить, а иногда ухитрялась вставить в них какую-нибудь странную фразу, смысла которой он никогда до конца не понимал, но которая неизменно казалась ему значительной и важной.

Именно эти случайные ремарки, полные неведомого ему содержания, непостижимым образом указывали на ту самую скрытую цель, которую преследовала она сама, и при мысли об этом ему всякий раз становилось как-то не по себе. Теперь у него не оставалось сомнений в том, что и жители города, и она сама старались сделать так, чтобы он остался навечно.

— Неужели месье до сих пор так и не принял своего решения? — мягко проговаривала она ему на ухо, когда они в предобеденный час сидели рядышком в залитом солнцем внутреннем дворике — знакомство их развивалось все убыстряющими темпами.— Если это так трудно, мы все должны помочь ему совершить этот шаг!

Вопрос этот поразил его, поскольку в точности соответствовал ходу его собственных мыслей. Задан он был с легким смехом, а на щеку девушки упал со лба темный локон, когда она повернулась и чуть плутовато заглянула ему в глаза. Возможно, он не вполне понял сокрытый в вопросе сугубо французский подтекст, поскольку от ее близкого присутствия он всякий раз еще больше путался в и без того непростых фразах, произносимых на этом языке. Но и сами эти слова, и та манера, в которой она их произнесла, и что-то еще, что оставалось скрытым за всем этим в ее сознании, попросту испугало его. У него сложилось убежденность в том, что весь город ждет от него, когда же он примет решение по какому-то крайне важному вопросу.

Вместе с тем ее голос и то обстоятельство, что она сидела так близко от него, облаченная в свое мягкое темное платье, оказывали на него поистине ошеломляющее, возбуждающее воздействие.

— Мне и в самом деле непросто отсюда уехать,— пробормотал он, захлебываясь в волнах ее бездонных глаз,— особенно теперь, когда мадемуазель Ильза снова с нами.

Его самого удивила удачность этой фразы и прозвучавшая в ней маленькая восторженная галантность. Но уже через секунду он прикусил язык и даже пожалел о том, что произнес ее.

— Таким образом, можно сказать, что вам понравился наш город, или вы все же собираетесь покинуть нас? — спросила она, словно не замечая комплимента.

— Он обврежил меня, но еще больше меня обврежили вы,— пролепетал он, чувствуя, что язык словно перестал подчиняться. Он был уже готов сказать нечто совершенно иное, как по содержанию, так и по тональности, но в этот момент девушка легко вскочила со своего стула и устремилась вперед.

— Сегодня у нас на обед луковый суп! — закричала она и, обернувшись, радостно засмеялась, глядя в его сторону,— и мне надо посмотреть, как там у них на кухне идут дела. Ведь если месье не понравится обед, он может покинуть нас!

Везин видел, как она пересекла внутренний дворик, передвигаясь с легкостью и грациозностью, присущей кошачьей породе, а простое черное платье облегало ее словно

мех на теле какого-то гибкого животного. У застекленных дверей крыльца она еще раз обернулась и посмотрела на него, а затем на несколько секунд задержалась у входа, чтобы обменяться парой слов со своей матерью, которая, как и обычно, сидела неподалеку с вязальными спицами в руках.

Но как получилось, что в тот самый миг, когда его взгляд упал на эту неуклюжую, обрюзгшую женщину, обе они странным образом изменились, буквально преобразились? Откуда появилось в них это подчеркнутое, почти надменное достоинство и ощущение власти, которое словно по мановению волшебной палочки окутало обеих женщин? Что изменилось в этой грузной dame, отчего она внезапно приобрела осанистость королевской особы, и что вознесло ее на трон, словно в некой темной и страшной пьесе, в которой она размахивает своим скипетром над багровым пламенем загадочной, бурной оргии? И почему эта юная особа, почти подросток, гибкая как тростинка и грациозная как молодая пантера, столь стремительно обрела странную, зловещую величавость и стала передвигаться так, словно вокруг ее головы кружатся пламя и дым, а под ногами простирается ночная темень?

Затаив дыхание, Везин продолжал сидеть, словно прикованный к своему месту. Затем это необычное видение столь же внезапно, как и появилось, бесследно исчезло, и солнечный свет вновь озарил их. Девушка со смехом заговорила с матерью о луковом супе и с улыбкой глянула в его сторону поверх своего узенького изящного плеча, что навело его на мысль о розе, тронутой поцелуем росы и чуть склонившейся под тяжестью летнего воздуха.

И действительно, луковый суп в тот день был особенно хорош, поскольку он заметил на своем столике еще один прибор и с замиранием сердца услышал негромкое пояснение официанта насчет того, что «мадемузель Ильза сегодня удостоит его чести отобедать вместе с ним, как того требует традиция в заведении ее матери».

И действительно, на протяжении всего этого восхитительного обеда она сидела напротив, спокойно щебеча на своем милом французском и проявляла заботу о том, чтобы его как следует обслуживали, добавляя к салату приправу и даже помогая ему накладывать то или иное блюдо. В тот же день, но чуть позже, когда он покуривал, сидя во

внутреннем дворике и мечтая лишь о том, чтобы поскорее снова увидеть девушку, уже свободную от дел, она вновь вышла к нему. Когда он поднялся навстречу, она, остановившись, выдержала застенчивую мимолетную паузу, а затем произнесла:

— Моя мама говорит, что вам надо получше ознакомиться с достопримечательностями нашего городка, и я тоже так думаю. Возможно, месье не откажется, если я стану его гидом? Я могу показать ему абсолютно все, поскольку наша семья живет здесь на протяжении уже многих поколений.

Прежде, чем он успел подыскать хотя бы единственное слово, чтобы выразить свое удовольствие от этого предложения, она взяла его за руку и повела на улицу — сопротивляться он даже и не думал, — причем все ее манеры при этом, как и прежде, отличались подкупающей непосредственностью, в которой не было и намека на резкость или нескромность. Лицо ее также светилось радостью и откровенной заинтересованностью, а в своем коротком платье и с писпадающими волосами она скорее походила на очаровательного семнадцатилетнего ребенка — невинного и игривого, гордящегося родным городом и совсем уже взрослому восторгающегося его древней красотой.

Так вместе они и шли и она показывала ему то, что, как ей казалось, заслуживало особого внимания: покосившийся старый дом, в котором некогда жили ее предки; мрачный, аристократического вида особняк, в котором на протяжении столетий проживала семья ее матери; старинная рыночная площадь, на которой несколько веков назад целыми дюжинами сжигали заживо ведьм. Она ни на секунду не переставала оживленно комментировать увиденное, хотя он не понимал и десятой доли из всего сказанного ею, продолжая тащиться рядом, проклиная свои сорок пять лет и всем сердцем ощущая игривое преимущество ее беззаботной юности. Она говорила и ему казалось, что и Сурбитон, и вся Англия остались где-то далеко позади, почти в другой эпохе мировой истории. Голос ее ласкал в его душе нечто безэмерно старое, то что дремало где-то в глубине его существа, убаюкивал поверхностные слои его сознания, также заставляя их погрузиться в сон и одновременно вызывая к пробуждению нечто гораздо более древнее. Подобно

городу со всей его тщательно отработанной и выверенной претензией на современную активную жизнь, верхние пласти его разума постепенно размягчались, немели, теряли былую чувствительность, зато все более давало о себе знать то, что доселе пребывало в глубоком сне. Громадный Занавес покачивался из стороны в сторону и был готов в любое мгновение взмыть ввысь.

Наконец он стал лучше понимать суть происходящего. В нем оживало понимание духа и настроения всего этого города, и девушка эта, несомненно, являлась верховной жрицей происходящего. Именно она определяла судьбу того, чему суждено было свершиться. В мозгу его проплывали новые мысли и возникали их свежие толкования, а он все шел рядом с ней и никогда еще этот живописный, чуть покосившийся городок, мягко раскрашенный лучами предзакатного солнца, не казался ему столь прекрасным и маниющим.

Правда, его несколько встревожил и озадачил один непонятный случай — сам по себе совершенно незначительный, но оттого еще более необъяснимый, вызвавший у сопровождавшей его девушки приступ откровенного ужаса и сорвавший с ее губ пронзительный крик. Везин всего лишь указал рукой в сторону завитков сизого дыма, курившегося над кучами опавших листьев и замысловато извивавшегося на фоне красных крыш, после чего побежал к стене, жестами призывая ее последовать за ним, чтобы вместе полюбоваться прорывающимися сквозь бурую массу язычков пламени. Однако, едва взглянув на тлеющие листья, девушка вздрогнула словно от неожиданности, выражение ее лица разительно изменилось, она повернулась и опрометью бросилась бежать, успев прокричать лишь какие-то разрозненные слова, из которых ему удалось уловить лишь то, что ей страшно и хочется как можно скорее покинуть это место, а заодно увести и его самого.

Однако, уже через пять минут она была, как и прежде, совершенно спокойна и счастлива, словно не случилось ничего такого, что могло бы потревожить или смутить ее, так что вскоре они оба забыли про этот досадный случай.

Потом они любовались зреющим развалин крепостной стены, вслушиваясь в звуки причудливого городского оркестра, который он слышал в день своего приезда. Как и пре-

жде, он испытал трепетное волнение, что, возможно, отчасти помогло ему мобилизовать свой неуклюжий французский язык. Стоя рядом с ним, девушка также чуть подалась вперед. Здесь они были совершенно одни. Движимый безотчетным, не знающим раскаяния импульсом, он принялся что-то лепетать, толком не понимая, что именно — о его странном восхищении ею. Уже при первых его словах она легонько спрыгнула со стены, приблизилась к нему и с улыбкой на губах остановилась, едва не касаясь его коленей. Шляпку она никогда не носила и теперь солнце слегка ласкало ее волосы, щеку и краешек шеи.

— О, я так рада! — воскликнула она, мягко хлопнув в ладоши перед его лицом. — Так рада! Ведь раз вам понравилась я, то вам не может не понравиться то, что я делаю, и то, почему я принадлежу.

Он уже начал сожалеть о том, что столь неожиданно утратил контроль над собой. Что-то в ее словах вызвало у него очередной приступ безотчетного страха, как у моряка, пускающегося в плавание по неизведанному и опасному морю.

— Я хочу сказать, что и вы почувствуете в нашей настоящей жизни, — мягко добавила она, словно заметив его смятение и желая теперь задобрить своего спутника. — Вы вернетесь к нам.

Невинное дитя давно уже целиком подчинило его себе; он чувствовал, как его все больше захлестывают волны ее власти; от нее исходило нечто такое, что попросту лишало его способности что-либо воспринимать и вселяло глубокое осознание силы ее личности. Он не сомневался в том, что вся эта изящная грация таила в себе внушительную, величавую, неизведанную им доселе мощь.

Он снова увидел ее, словно идущую сквозь дым и пламя, в окружении разбушевавшейся, неукротимой стихии, и вновь рядом с ней была ее ужасная мать. Все это едва уловимо проскользнуло в ее улыбке, во всем облике чарующей невинности.

— Я знаю, что так оно и будет, — повторила она, удерживая его магией своих глаз.

Кроме них на старинном крепостном валу не было ни души, и осознание того, что она подчиняет его себе, наполнило его кровь сладостным, чувственным упоением.

Сдержанная небрежность и простота ее манер вызвали в нем новый взрыв безудержного очарования, и все, что еще оставалось от былого мужского естества, резко восстало наперекор этому жутковатому слиянию, заставив вспомнить о себе со всей яростью давно забытой юности. И все же в груди продолжало зреть жгучее желание взмолиться перед ней, молить ее забрать все то, что еще оставалось от его ничтожной личности и продолжало отчаянно биться за спасение собственного «я».

Девушка снова остановилась и, встав рядом с ним, облокотилась о край стены; она глядела на темнеющую вдали равнину, застывшая недвижимо, словно каменная статуя. Он же обеими руками цеплялся за остатки собственной смелости.

— Скажите, Ильза,— произнес Везин, бессознательно подражая мурлыкающей мягкости ее голоса, хотя и понимая, что говорит вполне искренне,— в чем состоит смысл этого города,— и что это за настоящая жизнь, о которой вы тогда сказали? И почему люди день и ночь подсматривают за мной? Скажите, что все это значит? Объясните, наконец,— добавил он чуть более поспешно, с некоторой страстью в голосе,— что вы на самом деле такое — вы сами?

Она повернула голову и посмотрела на него из-под полуопущенных век; слабый румянец, тенью скользнувший по ее лицу, выдавал нараставшее напряжение.

— Мне кажется...,— пробормотал он, смущенно заикаясь под ее пристальным взглядом,— что у меня есть право знать это...

— Внезапно она широко раскрыла глаза.— Значит, вы меня любите? — мягко спросила девушка.

— Клянусь вам,— порывисто воскликнул он, одновременно чувствуя, что его тело вздымается силой невидимого прилива,— что я никогда прежде не испытывал... я никогда не встречал девушку, которая бы...

— В таком случае, у вас действительно есть право знать,— спокойно прервала она его сбивчивое признание,— ибо любовь объединяет все секреты.

Она сделала паузу и Везин почувствовал, будто его пронзило обжигающее потрясение. Слова девушки словно приподняли его над землей, он испытал прилив лучезарного

счастья, за которым сразу же, как по некоему чудовищному контрасту, пришла мысль о смерти. Он знал, что она в упор смотрит на него, и тут же услышал ее голос.

— Настоящая жизнь, о которой я говорю,— прошептала она,— это старая, очень старая жизнь наших душ, жизнь, которая протекала давным-давно и к которой вы также принадлежите, как принадлежали до сих пор.

В глубине его сознания колыхнулась слабая волна воспоминания. Слыша ее слова, он инстинктивно осознавал, что она говорит сущую правду, хотя пока и не вполне улавливал ее истинный смысл. Он слушал ее и его нынешняя жизнь словно утекала куда-то вдаль, оставляя ему ту личность, которая была намного старше и громаднее его, нынешнего. Именно это ощущение потери, безнадежной утраты его сегодняшнего «я», наводило на мысли о смерти.

— Вы прибыли сюда,— продолжала девушка,— с целью отыскать ее, и люди почувствовали ваше присутствие. Они ждут, каким же будет ваше решение — покинете вы их, так и не найдя ее, или же...

Она неотрывно смотрела ему в глаза, хотя лицо ее начало постепенно меняться, словно увеличиваясь в размере и темнея от числа прожитых лет.

— Их мысли постоянно бередят вашу душу, отчего вам кажется, что они наблюдают за вами, хотя глаза их здесь абсолютно ни при чем. Намерения и устремления их внутренней жизни взывают к вам, домогаются вас. Когда-то, давным-давно, вы тоже были частью единой с ними жизни, и сейчас они хотят, чтобы вы снова вернулись к ним.

Везин слушал эти слова и его робкое сердце захлестывали волны накатывающегося страха; но глаза девушки удерживали его в тенетах радостного упоения, а потому он не испытывал ни малейшего желания спасаться бегством. Она завораживала его, причем воздействие ее почти не затрагивало его нынешнего естества.

— В одиночку эти люди, разумеется, не смогли бы поймать и удержать вас,— продолжала девушка.— Движущий мотив недостаточно силен — минувшие годы заметно ослабили его. Но я,— она на мгновение умолкла и устремила на него доверчивый взгляд своих восхитительных глаз,— я обладаю магией, которая способна покорить и задержать вас. Чарами своей любви. Я могу вернуть вас в прошлое

и сделать так, что вы станете жить со мной в былой жизни, ибо сила древних уз, если я вознамерюсь воспользоваться ею, неодолима. И я воспользуюсь ею. Я по-прежнему хочу вас. И вы, столь бесценная душа моего смутного, далекого прошлого,— она прижалась к нему, так, что теперь ее дыхание касалось его глаз, а голос обратился в сладостное пение,— будете моим, поскольку любите меня и целиком находитесь в моей власти.

Везин слышал и одновременно не понимал сказанных ею слов; его охватил безумный восторг. Весь мир рас простерся у его ног, сотканный из музыки и цветов, а он летал где-то высоко над ним, пронзая своим телом солнечное сияние чистого, неизведенного ранее наслаждения. Он не находил в себе сил, чтобы сделать хотя бы один-единственный вдох, от ее чудесных слов отчаянно кружилась голова. Они опьяняли его.

И все же где-то вдали, за чертой всех этих сладостных ощущений продолжал существовать страх, витали ужасающие мысли о смерти. Сквозь голос девушки наружу прорывались языки пламени и клубы черного дыма, лизавшие и обжигавшие его душу.

У него было такое ощущение, будто они общаются друг с другом телепатически, поскольку его французский никогда не смог бы ухватить всего ею сказанного. И все же она прекрасно понимала его, а то, что говорила сама, походило на многократное повторение давно забытых стихов. И эта смесь сладости и боли, долетавшая до него вместе со звуками ее голоса, была слишком велика, чтобы вместиться в его малую душу.

— Но я же оказался здесь совершенно случайно... — услышал он собственные слова.

— Нет! — страстно воскликнула девушка, — вы оказались здесь, потому что я позвала вас! Долгие годы я звала вас, и вы пришли, потому что всегда принадлежали мне, и я заполучу вас.

Она снова встала, подошла ближе, глядя на него уже с некоторым дерзким вызовом во взоре — это была дерзость власти.

Солнце скрылось за башнями старого собора, а со стороны равнины поднялась и окутала их густая темень. Стихла музыка городского оркестра. Недвижимо висели

листья платанов; Везин почувствовал слабую дрожь. Вокруг не было слышно ни звука — лишь их тихие голоса да мягкий шорох платья девушки. В его ушах шумел стремительный поток собственной крови, а сам он почти не осознавал, где находится и что делает. Некая ужасная магия воображения ввергла его в самую пучину гробницы собственного бытия и несмолкаемым голосом продолжала вещать, что слова ее заслоняют от него реальную правду. Он и сам видел, что эта вроде бы простая, юная французская девушка, со странной неопровергимостью в голосе произносящая все эти слова, удивительно преображается в совершенно иное существо. Он вслушивался в ее речи и в мозгу его вырастала и оживала картина, которая непостижимым образом становилась неподдельной реальностью, не принять которую он просто не мог. Как и прежде, он увидел ее, высокую и величавую, передвигавшуюся по дикой, изломанной гуще лесов и горных пещер, позади ее головы извивались языки пламени, а у ног вихрились клубы дыма. Темные листья обрамляли ее волосы, легко и плавно взметаясь в порывах ветра, и члены ее проступали под жалкими лохмотьями диковинного одеяния. Там были и другие, и их глаза со всех сторон устремляли на нее алчущие взгляды, хотя ее собственный взор неизменно оставался прикованным лишь к Одному — тому, кого она вела за руку.

Она исполняла заглавную партию в какой-то буйной оргии под аккомпанемент музыки напевных голосов, и танец, которым она управляла, окольцовывал громадную и ужасную фигуру, восседавшую на троне и задумчиво взиравшую сквозь зловещие испарения на происходящее, покуда бесчисленные дикие лица и силуэты теснились вокруг нее в безумном хороводе. Но тот, кого она вела за руку, на самом деле был он сам, а чудовищный образ, застывший на троне, как он также понимал, была ни кто иная как ее мать...

Видение это возникало перед его внутренним взором, обрушившись с высоты долгих, похороненных в прошлом лет, и громко взывая к нему голосом пробуждающегося воспоминания. А затем оно стало словно растворяться в дымке, и он опять увидел ясные округлые очертания глаз девушки, неотрывно глядевших на него, и она вновь превратилась в очаровательную молоденькую дочь хозяйки гостилицы, а к нему самому наконец-то вернулся дар речи.

— А вы,— трепетно прошептал он,— вы, дитя видений и колдовского воображения, как получилось, что вы очаровали меня, заставили полюбить вас еще до того как увидел?

С оттенком редкостного достоинства в каждом движении она чуть приблизилась к нему.

— Зов Прошлого,— сказала девушка и с гордостью добавила,— и потом, в реальной жизни я ведь принцесса...

— Принцесса?! — восхликал он.

— ...а моя мать — королева!

При этих словах Везин окончательно потерял голову. Восторг разрывал его сердце, повергая в неведомый доселе экстаз. Слышать этот сладостный, поющий голос, видеть эти пленительные маленькие губы, говорящие подобные вещи — все это полностью лишило его способности контролировать себя. Он заключил ее в объятия и принялся покрывать несопротивляющиеся губы бесчисленными поцелуями.

И все же, пока он делал это, объятый жарким пламенем страсти, он не мог отделаться от осознания омерзительной мягкости, порочной податливости ее тела, ощущал, что ее ответные поцелуи грязнят его душу... Когда же она наконец высвободилась и скрылась в темноте, он продолжал все так же стоять, ошеломленный, прислонясь к каменной стене, содрогаясь от ужаса, пронзившего его при прикосновении ее уступчивого тела и внутренне проклиная ту слабость, которая, как он уже смутно осознавал, сулит ему неминуемую погибель.

А из тени старинных зданий, в которой она скрылась, в неподвижное молчание ночи прорвался жуткий, протяжный крик, который он поначалу принял за смех, но в котором затем с уверенностью распознал почти человеческий кошачий вопль.

IV

Везин еще долго стоял, прислонившись спиной к стене, наедине со своими взволнованными эмоциями и лихорадочно скачущими мыслями. Наконец до него дошло, что он совершил одну вещь, которая требовалась для возврата давно минувшего прошлого. Этими поцелуями

он признал существование векового прошлого и оживил его. К нему вновь вернулось воспоминание о мягком, едва осозаемом, ласковом прикосновении в темном коридоре и он невольно вздрогнул. Девушка сначала подчинила его себе, а затем подвела к совершению одного-единственного шага, который был ей необходим. Его подстерегли — по истечении веков,— схватили и покорили.

Он и раньше смутно подозревал это и потому искал пути к бегству, а значит и спасению. Но в любом случае сейчас он был бессилен управлять своими мыслями или волей, ибо сладостное, фантастическое безумие происшедшего взметнулось в его сознании подобно древнему заклинанию и он упивался своим очарованием, поскольку неуклонно приближался к миру, который был гораздо больше и намного неистовее того, к которому он был приучен до сих пор.

Луна, бледная и громадная, как раз всходила над походившей на море долиной, когда он наконец поднялся, чтобы вернуться в гостиницу. Косые лучи луны придавали окружающим домам совершенно иной вид, отчего их крыши, уже начинавшие поблескивать от росы, будто выше взметнулись в небо, а фронтоны и причудливые старые башни маячили вдали, словно укрытые пурпурным покрывалом.

В серебристой дымке собор смотрелся совершенно нереально. Везин шел медленно, стараясь держаться в тени. Улицы были абсолютно пустынны и безмолвны; все двери захлопнуты, ставни окон затворены. Кругом не было видно ни души. Все заполняло молчание ночи. Ему казалось, что он бредет по городу мертвых, кладбищу с гигантскими, гротескными надгробиями.

Не переставая удивляться тому, куда же столь бесследно исчезла шумная дневная жизнь города, он прошел к задней двери гостиницы, намереваясь никем не замеченным пройти к себе в комнату. Он благополучно достиг внутреннего дворика и пересек его, также стараясь прижаться поближе к безопасной тени у стены. Везин скользил вдоль нее, мелко семяня на цыпочках — точно так же, как вели себя престарелые постояльцы гостиницы, передвигаясь по столовой, но затем ужаснулся, поймав себя на мысли, что делает это совершенно машинально. И в тот же миг его поразил странный импульс, ударивший в самый центр созна-

ния: ему страстно захотелось опуститься на четвереньки и так бежать дальше — бесшумно и быстро.

Он посмотрел наверх и в голову ему пришла идея заскочить на подоконник своей комнаты, вместо того, чтобы подниматься по лестнице. Это казалось ему наиболее простым и естественным путем. Везин подозревал приближение начала некоей ужасной трансформации, превращения его в нечто совершенно другое, и потому чувствовал страшное напряжение.

Луна взобралась еще выше и тени на той стороне улицы, по которой он двигался, стали заметно гуще. Он старался придерживаться самых темных мест и наконец добрался до крыльца со стеклянными дверями.

В отличие от обыкновения сейчас там горел свет — другие постояльцы, похоже, еще не легли спать. В надежде проскользнуть через холл незамеченным, он осторожно открыл дверь и прокрался внутрь, но в то же мгновение заметил, что в холле кроме него есть кто-то еще.

Слева от него у стены лежал какой-то крупный темный предмет — поначалу ему показалось, что это забытая кем-то домашняя утварь. Неожиданно предмет шевельнулся и он подумал, что это просто громадная кошка, очертания которой были отчасти искажены игрой света и тени. Затем предмет неожиданно расправился прямо у него перед глазами и Везин понял, что видит перед собой хозяйку гостиницы.

Чем она могла заниматься в подобной позе, оставалось уделом его чудовищных догадок, но в тот самый момент, когда она встала и посмотрела на него, он сразу же ощутил во всем ее облике грозное достоинство. На память тут же пришли слова девушки о том, что ее мать была королевой. Грузная и зловещая, она стояла под маленькой масляной лампой лицом к лицу с ним в пустынном холле.

В сердце Везина шевельнулся страх, скорее даже некое подобие какого-то древнего благоговейного ужаса. Он чувствовал, что должен сейчас поклониться и каким-то образом высказать ей свое почтение, причем импульс этот был поистине непреодолимым, даже яростным, словно превратившимся в устойчивую привычку. Он быстро огляделся — кроме них в холле так никто и не появился, — после чего размеренно и почтительно склонил голову.

— Enfin! M'sieur s'est donc decide. C'est bien alors. J'en suis contente.*

Слова эти прозвучали звонко, словно донеслись до него через чистое открытое пространство.

Затем массивная фигура неожиданно двинулась по выложеному каменной плиткой гостиничному полу и ухватила его трепещущие руки. Вместе с нею на него словно надвинулась непреодолимая сила, охватившая его целиком.

— On pourrait faire un p'tit tour ensemble, n'tst-ce pas? Nous y allons; cette nyit et il faut s'exercer un peu d'avance pour cela. Ilse, Ilse, viens donc ici. Viens vite!**

И она закружила его у подножия лестницы, буквально зашлась в танце, который показался ему странным и одновременно ужасно знакомым. Их нелепая пара танцевала в пустом холле, причем ни один из партнеров не произносил ни единого слова. Все происходило тихо, мягко, словно крадучись. А потом, когда воздух в помещении сгустился и стал походить на дым, и его озарила красная, похожая на пламя вспышка, он почувствовал, что к ним присоединился кто-то еще — и в этот момент рука его, высокользнувшая из ладони матери, оказалась подхваченной дочерью. Ильза пришла на зов и он увидел ее: в темные волосы девушки были вплетены листья вербены, а сама она облачилась в какие-то лохмотья весьма причудливого наряда, прекрасного как ночь и чудовищно, вызывающе, отвратительно соблазнительного.

— На шабаш! На шабаш! — закричали обе женщины. На шабаш ведьм!

В узком холле продолжалась безумная пляска, женщины, казалось, окружали его со всех сторон, причем, насколько он мог смутно припомнить, их стало гораздо больше — сплошная черная масса. Фитиль лампы некоторое время слабо подрагивал, а затем и вовсе погас и они оказались в полной темноте. В сердце его словно пробудился дьявол, ставший делать ему свои бесчисленные мерзкие намеки, и Везину стало страшно.

Внезапно они опустили его руки — он услышал голос

* Наконец-то! Месье принял свое решение. Хорошо. Я довольна.

** Мы могли бы все вместе отправиться на прогулку, не так ли? Этой ночью мы приедем сюда, но к этому надо заранее подготовиться. Ильза, Ильза, иди же сюда. Иди скорее!

матери, прокричавший, что время настало и что им надо идти. Он так и не успел заметить, в каком направлении скрылись женщины, только понял, что опять стал свободен, и тут же стал пробираться сквозь темноту. Он тотчас же наткнулся на невидимое во мраке основание лестницы и стремительно бросился вверх по ней, словно по пятам его преследовал ад.

В комнате Везин рухнул на диван, уткнулся лицом в ладони и застонал. Быстро перебрав в мозгу с десяток путей возможного бегства, он признал все их одинаково неприводными, а потом пришел к выводу, что в сложившейся ситуации самым лучшим для него будет спокойно сидеть и ждать своей участи. Ему надо было знать, что произойдет дальше. По крайней мере, в уединении своей спальни он находился в относительной безопасности, поскольку дверь была прочно заперта.

Он встал, потихоньку распахнул окно, которое выходило во внутренний дворик и через стеклянные двери открывало частичный обзор холла.

Едва он сделал это, как до его слуха со стороны улицы сразу же донесся нестройный гул оживленной людской активности — это были звуки шагов и голосов, приглушенных расстоянием. Он робко выглянул и стал вслушиваться. Луна светила достаточно ярко, хотя его окно продолжало оставаться в тени — серебристый диск зависал позади дома. Вскоре до него с очевидной ясностью дошло, что жители городка, которые еще совсем недавно пребывали за запертymi дверями своих домов, стали выходить наружу, явно озабоченные какими-то тайными и, скорее всего, нечестивыми помыслами. Он продолжал внимательно прислушиваться.

Ненадолго воцарилась тишина, но вскоре он распознал признаки какого-то движения, происходившего в самом доме. Со всех сторон по-прежнему залитого лунным светом двора до него доносились едва шелестящие, крадущиеся звуки. Ночной мрак заполняли шорохи живых существ. Казалось, они исходили отовсюду. В воздухе почувствовался резкий, едкий запах, но Везин пока не понимал, откуда он происходит.

Взгляд его неотрывно уставился на окна противоположной стены, достаточно ярко освещенной мягкими лучами лунного света. В оконных стеклах отчетливо отражалась

крыша, простиравшаяся у него над головой, и он увидел очертания темных тел, длинными, плавными шагами перемещавшихся по черепичным плитам вдоль бордюрного камня. Двигались они быстро и практически бесшумно, похожие на громадных кошек, бесконечной процессией отражаясь в расщепленном стекле, после чего стали перепрыгивать на более низкие уровни, на время исчезая из его поля зрения. До него доносился лишь мягкий топот их прыжков. Иногда их тени падали на противоположную белую стену и тогда он не мог уже с определенностью сказать, были ли это тени человеческих существ, или же кошек. Они очень быстро превращались из одного в другое. Трансформация выглядела поистине потрясающе, донельзя реально, поскольку в прыжок они взмывали как люди, но почти сразу же после этого преображались в воздухе и приземлялись уже как животные.

Двор под ним уже был полон движущихся темных силуэтов, тайком пробирающихся к крыльцу со стеклянными дверями. Все они держались настолько близко к стене, что ему почти не удавалось разобрать очертания их тел. Однако увидев, что все они сходятся к месту их единого массового сбоя — к холлу гостиницы, — он сразу же признал в них те самые прыгучие существа, отраженные контуры которых он видел в стеклах противоположной стены. Они собирались со всех концов города, пробираясь по крышам к назначенному месту и перепрыгивая с одного уровня на другой, пока не опускались на каменное покрытие двора.

Затем до его слуха донесся новый звук и он увидел, что повсюду над ним распахиваются окна, и в каждом из них появляется человеческое лицо. Мгновение спустя фигуры стали поспешно спрыгивать во двор, причем, как и прежде, едва оторвавшись от подоконников, они оставались людьми, а во дворе приземлялись уже на четыре конечности и с невероятной быстротой превращались в кошек — громадных, молчаливых кошек и котов, после чего мощными потоками вливались в основную массу, скопившуюся в холле.

Значит, все эти гостиничные номера отнюдь не пустовали — они постоянно были кем-то заняты.

Но что интересно: то, что он сейчас увидел, уже не переполняло его невинную душу безграничным изумлением, поскольку он хорошо помнил подобное зрелище. Оно было

прекрасно ему знакомо. Такое уже случалось с ним и раньше, сотни раз, причем он сам принимал участие в подобных вещах и испытывал на себе дикое безумие происходящего.

Теперь очертания старого дома совершенно преобразились, двор словно увеличился в размерах, а сам он, казалось, смотрел вниз с недосягаемой высоты сквозь курящиеся слои испарений. Глядя и вспоминая происходящее, он внезапно почувствовал, как из тьмы веков на него с яростью нахлынула старая, пронзительная, такая сладостная боль; кровь стремительно заструилась по жилам, когда в сердце вновь послышался отголосок Призыва к Танцу, и он в очередной раз ощущал привкус древней магии Ильзы, закружиившейся рядом с ним.

Неожиданно он отпрянул назад. Большая гибкая кошка взметнулась снизу в сторону его подоконника, к самому его лицу, и пристально уставилась на него своими вполне человеческими глазами. «Идем,— казалось, звала она,— идем к нам на Танец! Меняйся, стань как прежде! Скорее преображайся и приходи!»

Он слишком отчетливо разобрал этот безгласный зов существа.

Оно снова, подобно молнии, на мягких подушечках лап спрыгнуло на камень, а следом за ним и остальные также десятками повалились вниз, мелькая у него перед глазами, преображаясь в процессе падения и стремительно, мягко убегая прочь — поближе к месту сорища. И вновь он испытал прежнее мерзкое желание последовать их примеру, промурлыкать старое заклинание, а потом опуститься на четвереньки и проворно устремиться вперед, взмыв в воздух в едином мощном прыжке.

О, страсть эта прибывала в нем как вода в половодье, переворачивая ему все нутро, направляя в ночь пылающую жажду его сердца — туда, к старому, давно забытому Танцу Колдунов Шабаша Ведьм! Звезды водили над ним свои хороводы; он снова почувствовал на себе магическое воздействие луны. Буйный ветер, рвавшийся из пропасти и со стороны леса, перескакивавший с утеса на утес, метавшийся над долиной, разрывал его на части, готовый унести с собою вдаль... Он слышал крики танцующих, их дикий смех, и вместе с этой девушкой-дикаркой находился в яростном, стремительном танце вокруг трона, на котором

восседала фигура с величественным скипетром в руках...

Затем столь же внезапно все вокруг него затихло, смолкло, лихорадка в сердце чуть улеглась. Мягкий лунный свет заполнял безлюдную пустоту внутреннего дворика. Все застыли в неподвижности — процесия собиралась устремиться в небо. А его оставляли здесь — одного.

Везин потихоньку, на цыпочках пересек комнату и открыл дверь. Доносившееся с улиц отдаленное бормотание мгновенно усилилось, окрепло, резанув его по ушам. С величайшей осторожностью он продвигался по коридору. У начала лестницы остановился, прислушался. Холл, в котором они совсем недавно находились, утопал во мраке и безмолвии, но через открытые двери и окна в дальнем конце здания по-прежнему доносился мощный звук все более удалявшейся толпы.

Он стал спускаться по скрипучим деревянным ступенькам, мечтая и одновременно страшась встретить кого-нибудь, кто мог бы указать ему дорогу, но так никого и не находя; потом пересек темный холл, совсем недавно заполненный живыми, движущимися существами, и наконец через распахнутые двери выбрался на улицу. Невозможно было поверить в то, что его действительно оставили в покое, забыли, совершенно сознательно позволили скрыться.

Везин нервно огляделся, скользнул взглядом вдоль улицы; затем, так никого и не увидев, медленно побрел по тротуару.

Пока он шел, весь город казался ему совершенно пустынным, покинутым, словно ветер сдул с него все живое. Двери и окна домов были распахнуты в ночь, ничто даже не шелохнулось; все было залито тишиной и лунным светом. Над его головой громадным покрывалом раскинулась ночная тьма. Мягкий и прохладный воздух подобно прикосновению громадной мохнатой лапы ласкал его лицо. Он постепенно приходил в себя и шагал все быстрее, предпочитая, однако, все так же держаться в тени. Нигде не было заметно ни малейшего признака недавнего великого и нечестивого исхода, и лишь луна продолжала свой путь по безоблачному, безмятежному небу.

Почти не соображая, куда несут его ноги, Везин открыто пересек рыночную площадь и подошел к крепостному валу, откуда, насколько он помнил, вела узенькая тропинка,

выходившая на шоссе — там он уж наверняка смог бы добраться до какого-нибудь соседнего городка, а потом выйти к железнодорожной станции.

Но прежде он остановился и глянул вниз, видя прямо у себя под ногами похожую на серебристую карту диковинной волшебной страны раскинувшуюся великую долину. Его сердце наполнило ощущение дивной, неподвижной красоты, отчего он с особой остротой почувствовал смятение и нереальность всего происходящего. Воздух оставался недвижимым, листья платанов даже не колыхались, контуры ближайших предметов смотрелись столь же отчетливо как и днем, а где-то вдали во мгле и подрагивающей дымке сливались и растворялись окружавшие его поля и леса.

Неожиданно у него перехватило дыхание и он застыл, словно прикованный к месту, когда его взор соскользнул с линии горизонта и опустился на ближайшую к нему панораму, раскинувшуюся на равнине прямо у него под ногами. Вся нижняя часть склонов холма, укрытая от лучей лунного света, сейчас просто-таки сияла, и сквозь это странное зарево он увидел бесчисленные движущиеся фигуры, проворно снующие в прогалинах между деревьями. Наверху же, подобно колыхающимся на ветру листьям, мелькали летающие силуэты, которые то на мгновение зависали на фоне неба, а то с криками и диковинным пением падали вниз, мелькая между ветвями и устремляясь в самую середину полыхающей зоны.

Он как зачарованный какое-то время стоял и смотрел на происходящее, а затем, движимый одним лишь ужасным инстинктом, который, казалось, с самого начала контролировал все его приключение, стал поспешно взбираться по кромке широкой парапетной плиты, изредка замирая на месте и с трудом удерживая равновесие, чтобы скользнуть взглядом на раскинувшуюся под ним долину. В одно из таких мгновений, пока он стоял, замерев на месте, его глаза выхватили неожиданное движение среди теней домов. Он резко повернулся и увидел контуры крупного животного, стремительно метнувшегося через открытое пространство позади него, а затем после летящего прыжка опустившегося на кромку стены чуть пониже того места, где стоял он сам. Словно ветер оно подлетело к нему и, остановившись, расправилось во весь рост. Лунный свет словно встрепе-

нулся от внезапно нахлынувшей дрожи и он почувствовал, как в страхе заколотилось его сердце. Рядом с ним стояла Ильза, неотрывно глядя на него своими неподвижными глазами.

Он заметил, что лицо и тело девушки были покрыты слоем какого-то темного вещества, ярко поблескивавшего в лучах лунного света. Она протянула к нему руки и он увидел, что на ней были все те же потрепанные лохмотья причудливого наряда, который поразительно шел ей; у висков в волосах извивались листья руты и вербены, а глаза ее сверкали дьявольским блеском. Он с трудом подавлял в себе дикое желание приблизиться и заключить ее в свои объятия, а потом взмыть с нею вместе с их головокружительного насеста и полететь над простиравшейся внизу долиной.

— Смотри! — прокричала она, указывая рукой, на которой трепетали и вздымались края лохмотьев, в сторону сияющего в отдалении леса.— Видишь, они ждут нас! Лес ожил! Все Великие уже собрались и скоро начнется Танец! Вот мазь — вотри ее и приходи!

Минуту назад небо оставалось чистым и безоблачным, но еще когда она говорила луна странным образом потемнела и ветер принял отчаянно трепать верхушки пальм, колыхавшиеся почти на уровне их ног. Его шальные порывы доносили до них звуки хриплого песнопения и криков, восходивших с нижних склонов холма, а едкий запах, который он впервые ощущил тогда, в гостинице, окруживал его сейчас со всех сторон.

Преображайся! Преображайся! — снова прокричала она и голос ее возвысился, становясь похожим на песню,— но не забудь хорошенъко натереть кожу перед полетом. Идем! Идем со мной на шабаш, на безумие его яростного упоения, туда, где нам уготованы сладостные и ужасные таинства. Она уже взошла на трон. Вотри мазь! Идем со мной!

Прыгая по стене с пылающим взором и разметав в ночи космы своих волос, она вознеслась на высоту росшего неподалеку от них дерева. Затем она снова приблизилась к нему, ее ладони прикоснулись к коже его лица и шеи, втирая в него жгучую мазь, от которой кровь его наполнялась древней магической силой, способной сокрушить все доброе.

Из глубины леса послышался дикий рев и, услышав его,

девушка в очередной раз запрыгнула на стену, явно упиваясь своим неистовым восторгом.

Там сатана — воскликнула она, кидаясь к нему и пытаясь подтащить к самому краю стены. — Сатана прибыл! Тайнства зовут нас! Приноси к нам свою вероотступную душу, и мы станем прославлять его, и кружиться в танце, покуда не погаснет луна и весь мир не исчезнет во мраке забвения!

Стремясь всего лишь скинуть с себя магию ее зловещего зова, Везин яростно пытался освободиться от ее хватки, тогда как страсть тем временем разрывала его тело изнутри, почти подчиняя своему контролю все желания. Он что-то пронзительно закричал, совершенно не отдавая себе отчета в собственных словах, потом издал еще один вопль. Это были старые дикие позывы, древние, давно забытые желания и обычаи, инстинктивно нашедшие путь наружу и обретшие силу голоса, поскольку хотя самому ему и казалось, что он кричит что-то совершенно невнятное, слова эти несли в себе глубокий смысл и были вполне доступными пониманию. Это был зов древних веков, и его услышали там, внизу. На него ответили.

Ветер трепал полы его плаща, а воздух вокруг постепенно все больше темнел от взлетающих снизу, со стороны долины тел — огромной массы тел. Звуки хриплых голосов хлестали его по ушам, с каждым мгновением становясь все громче. Порывы ветра колыхали его тело из стороны в сторону, заставляя шататься на кромке рассыпавшейся под ногами каменной стены. Ильза продолжала цепляться за него своими длинными сверкающими руками, мягкой, но крепкой хваткой удерживая его за шею. Причем, сейчас это была уже не одна только Ильза — его окружала уже добрая дюжина их, возносившихся снизу, но падавших откуда-то сверху. Едкий запах натертых мазью тел вызывал удушье, но одновременно и усиливал возбуждение древнего безумья шабаша. Танец ведьм и колдунов оказывал честь и выражал хвалу олицетворению зла на земле.

Пройдет еще какое-то мгновение и он покорится, исчезнет, ибо воля его окончательно надломилась и поток страстных воспоминаний захлестнул весь разум, но — как часто бывает, когда какой-то незначительный пустяк, сущая мелочь меняет всю суть того или иного приключения — в этот самый момент он ступил на непрочно

державшийся камень у края стены и с оглушительным шумом рухнул на землю. К счастью, он упал у самого основания стены, подняв облако пыли и вызвав грохот накиданных повсюду обломков камней, а не полетел в зияющую бездну, круто обрывавшуюся чуть далее по направлению к долине.

Они тут же неловко сгрудились вокруг него, подобно мухам, слетевшимся на кусок еды, однако, падая он на мгновение освободился от их хватки — и в этот короткий миг свободы в мозгу его промелькнула мысль, которая, как выяснилось позднее, принесла ему спасение. Не успев еще встать на ноги, он увидел, как они принялись неуклюже карабкаться вверх по стене, словно способность летать была дана им, как и летучим мышам, лишь в падении с высоты, и не позволяла подняться в воздух с ровного места. Увидев их, облепивших стену подобно тому, как рассаживаются на крыше коты, темных и странно бесформенных, с сияющими как факелы глазами, он внезапно вспомнил, какой страх тогда вызвал у Ильзы вид настоящего пламени.

С быстротою молнии Везин выхватил из кармана коробок спичек и подпалил кучу сухих листьев, валявшуюся у подножия стены.

Вконец иссохшие, они мгновенно вспыхнули и ветер быстро растянул языки пламени вдоль основания стены, а затем стал взметать их в высоту. С отчаянными криками и воплями все это собрище теней, сидевшее на вершине каменной кладки, перекинулось сначала на ее противоположную сторону, а затем в давке и смятении рухнуло в бездну, на самое дно простиравшейся внизу долины, оставляя Везина, потрясенного и почти бездыханного, на мгновенно опустевшей площадке.

— Ильза! — слабо позвал он.— Ильза! — Сердце его страдало при мысли о том, что она и в самом деле устремилась одна, без него к грандиозному Танцу, и что сам он теперь лишился возможности поучаствовать в этом устрашающем торжестве. В то же время облегчение его было столь велико, а потрясение от происшедшего настолько громадным, что вскоре он уже почти не осознавал, что кричит и лишь продолжал свое завывание в жестоком порыве нахлынувших эмоций...

Огонь у стены продолжал разгораться, на небе появил-

лась луна, высвободившая свои ясные и мягкие лучи из временного заточения. Бросив последний встревоженный взгляд на развалины крепостной стены и испытав благоговейный трепет перед расстилавшейся под ним долиной, где все еще продолжали тесниться и летать тени, он повернулся лицом к городу и медленно побрел в направлении гостиницы.

Пока он шел, его сопровождали доносившиеся из по-блескивавшего где-то внизу леса жуткие завывания и странное совиное уханье, с каждым новым порывом ветра становившиеся все слабее, пока его фигура окончательно не затерялась в тени домов.

V

Вас, наверное, удивила столь бесцветная концовка всей этой истории,— проговорил Везин, поднимая раскрасневшееся лицо и смущенный взгляд на доктора Силянса, который по-прежнему сидел в своем кресле с блокнотом в руках.— Но дело в том, что э... с того самого момента в моей памяти словно возник провал. У меня нет четкого представления о том, как я добрался до дома и что вообще делал потом.

Мне представляется, что в гостиницу я так больше и не заходил. Смутно помню лишь как бежал по длинной белесой дороге, залитой лунным светом, мимо лесов и деревень, по-прежнему безлюдных, а потом наступил рассвет, я увидел башни крупного города и пришел на железнодорожную станцию.

Но я припоминаю, как задолго до всего этого остановился где-то на полпути и оглянулся на притулившийся у склона холма городок, ставший местом моего необычного приключения. Мне тогда пришла в голову мысль о том, что он очень похож на громадного, чудовищного кота, раскинувшегося на равнине; две его передние лапы превратились в центральные улицы, а сдвоенные башни собора походили на рваные кончики ушей, устремившихся в темное небо. Вплоть до сегодняшнего дня эта картина продолжает стоять у меня перед глазами.

И еще одно запомнилось в моем бегстве — острое, пронзительное воспоминание о том, что я так и не расплатился

за гостиницу. Впрочем, стоя на той пыльной дороге, я сразу же решил, что стоимость оставшихся в чемодане вещей вполне способна компенсировать мою задолженность.

Что же до всего остального, то в кафе на окраине того большого города я перекусил хлебом с кофе, затем прошел на станцию, чуть позже сел на поезд и в тот же вечер оказался в Лондоне.

— И как долго, на ваш взгляд, вы пробыли в том странном городе? — спокойно спросил доктор Силянс

Везин поднял на него застенчивый взгляд.

— К этому я как раз хотел перейти, — проговорил он, неловко ерзая на стуле. — В Лондоне я обнаружил, что чуть ли не на целую неделю ошибся в подсчетах. В городе я прожил больше недели, а значит и вернуться должен был пятнадцатого сентября — а вместо этого приехал домой десятого!

— Иными словами, получается, что в той гостинице вы пробыли всего пару ночей, не так ли? — настойчиво спросил доктор.

Везин чуть заколебался и снова заерзal ногами.

— Наверное, я где-то нагнал упущенное время, — наконец проговорил он. — Где-то или как-то. У меня и в самом деле оставалась в запасе целая неделя. Даже и не знаю, как это можно объяснить. Но я изложил вам факты как они есть.

— Все это произошло с вами в прошлом году. После этого вы ни разу больше не приезжали в тот город?

— Да, это было прошлой осенью, — пробормотал Везин, — и больше я туда не осмелился даже ногой ступить. Да и никогда, наверное, не смогу этого сделать.

— А скажите, — продолжал доктор Силянс, заметив, что его собеседник, похоже, окончательно выговорился, — вам никогда не доводилось читать о старых колдунах или ведьмах, которые существовали в средневековые времена? Может, вы вообще когда-либо интересовались подобными вещами?

— Никогда! — с чувством воскликнул Везин. — Насколько я помню, мне даже в голову никогда не приходило ничего подобного.

— Или, возможно, проявляли интерес к проблеме перевоплощения?..

— Никогда... до того как все это приключилось. Потом, правда, меня это и в самом деле заинтересовало,— со значением в голосе проговорил он.

Можно было заметить, что на душе у него все же осталось нечто такое, чем бы ему хотелось поделиться с доктором, однако он почему-то опасался касаться этой темы. Лишь после неоднократного и подчеркнуто тактичных подсказок и намеков Силянса он набрался смелости и заявил, что хотел бы показать ему отметины, оставшиеся у него на шее — как раз там, где ее касались покрытые мазью пальцы девушки.

Он расстегнул воротник рубашки и чуть распахнул ее, чтобы доктору было виднее. Там на коже виднелась слабая красноватая полоска, тянувшаяся через плечо, лопатку к позвоночнику. Она в точности соответствовала тому месту, где могла лежать ладонь девушки в момент объятия. С другой стороны шеи, но чуть выше, располагалась аналогичная отметина, хотя и не столь отчетливо различимая.

— Именно в эти места она и вцепилась там, на крепостном валу,— прошептал он и в глазах его появился слабый странноватый блеск.

* * *

Прошло еще несколько недель, когда у меня возник повод проконсультироваться у доктора Силянса. Постепенно разговор переключился на тему рассказа Везина.

Я узнал, что после нашей предыдущей встречи доктор провел своего рода собственное расследование и его секретарь установил, что кто-то из дальних предков Везина действительно проживал в том городе, где с ним произошло это загадочное приключение. Двое из них, обе женщины, в свое время были преданы суду по обвинению в колдовстве и затем заживо сожжены на костре. Более того, не составило особого труда выяснить, что та гостиница, в которой останавливался Везин, была построена примерно в 1700 году, причем на том самом месте, где был сооружен костер и произошла казнь. В древности город этот был своего рода оплотом всех ведьм и колдунов округи, и после того памятного судилища их стали сжигать чуть ли не дюжинами.

— И все же странно,— продолжал доктор,— что Везину ничего не было известно об этом. Впрочем, это и в самом деле отнюдь не тот тип истории, которую бережно переда-

вали бы из поколения в поколение своим детям. Поэтому я склонен верить в то, что он действительно ничего об этом не знает.

Все это приключение, похоже, стало своего рода живым воскрешением древних воспоминаний, спровоцированным непосредственным контактом с теми силами, которые, видимо, до сих пор продолжают существовать в том месте и — но это представляется мне странным совпадением — с душами тех людей, которые, как оказалось, сыграли главную роль в пережитых им событиях. Мать и дочь, оказавшие на него столь странное воздействие, скорее всего были главными — не считая его самого — участницами сцен и обрядов колдовства, которые в тот период времени владели воображением всей страны.

Нелишне почитать рассказы о том, как эти ведьмы заявляли о своей способности превращаться в различных животных — как в целях маскировки, так и для того, чтобы в максимально сжатые сроки поспевать к месту проведения своих оргий. Ликантропия, или способность превращаться в волков, считалась тогда вполне реальным явлением, а умение преображаться в кошек путем втирания в кожу особой мази, производимой якобы самим сатаной, также практически ни у кого не вызывало сомнений. Суды над ведьмами убедительно доказывают, сколь широко были распространены тогда подобные верования.

Доктор Силянс процитировал несколько отрывков из произведений некоторых писателей, подтвердив тем самым, что каждая деталь приключения Везина имела под собой вполне реальную основу, позаимствованную из практики темных веков.

— Однако,— продолжал он,— я не сомневаюсь в том, что в данном конкретном случае все описанные события произошли исключительно в воображении нашего героя. Дело в том, что мой секретарь действительно обнаружил распись Везина в книге постояльцев той самой гостиницы, причем в ней отмечено, что прибыл он к ним 8 сентября, а уехал совершенно неожиданно, так и не уплатив по счету. Произошло это два дня спустя и у них до сих пор находятся его вещи, включая довольно грязный коричневый чемодан и кое-что из туристских принадлежностей. Я возместил его задолженность — всего несколько франков — и

переправил багаж его владельцу. Девушки в тот день в городе не оказалось, хотя хозяйка гостиницы, крупная женщина, очень похожая на ту, которую описал Везин, сказала моему секретарю, что гость произвел на нее очень странное впечатление неимоверно рассеянного человека. После его неожиданного исчезновения она долго переживала по поводу того, что он мог стать жертвой нападения бандитов в одном из близлежащих лесов, где нередко бродил в одиночестве.

Мне хотелось лично переговорить с ее дочерью и самому выяснить, что в его рассказе являлось выдумкой, а что произошло на самом деле. Несомненно, ее страх перед видом огня и самим процессом горения, являлся интуитивным воспоминанием о прошлой мучительной гибели на костре; это также объясняет, почему она несколько раз представляла перед ним, словно объятая дымом и пламенем.

— А что в отношении этих отметин у него на теле? — нетерпеливо спросил я.

— Подобное нередко является результатом острых истерических реакций, — ответил доктор, — как своего рода клеймо религиозного чувства. Аналогичные кровоподтеки нередко появляются у погруженных в гипноз пациентов, которым внушается мысль о том, что они подвергаются какому-то резкому физическому воздействию, например, ожогу. Странно, однако, что у Везина они держатся так долго, поскольку обычно уже через несколько дней бесследно исчезают.

— Знаете, доктор, у меня сложилось впечатление, будто он продолжает вспоминать об этом случае, словно раз за разом возвращается в пережитое.

— Возможно. И это заставляет меня опасаться того, что точку во всей этой истории пока ставить рано. Боюсь, мы еще услышим о нем. Увы, это один из тех случаев, когда я практически бессилен чем-либо ему помочь.

Голос доктора прозвучал мрачно, явно опечаленно.

— А что вы думаете по поводу того француза в поезде? — спросил я. — Того, кто предупредил его насчет этой дремоты и кошках? Не правда ли, странное совпадение?

— И в самом деле, очень странное, — медленно проговорил доктор. — И объяснить его могу лишь как крайне маловероятное совпадение, не более...

— То есть?

— Я имею в виду то, что этот человек также, по-видимому, гостили в том городе и испытал точно такие же ощущения. Хотелось бы мне отыскать этого господина и переговорить с ним. Впрочем, на это я практически не надеюсь, ибо даже приблизительно не знаю, где его искать, а потому могу лишь предполагать, что странное психическое сходство, даже родство, некая сила, которая и поныне живет в нем с того же самого далекого прошлого, загадочным образом сблизила его с Везином и вызвала беспокойство в связи с тем, что с ним может там случиться, а потому он и решил его предостеречь.

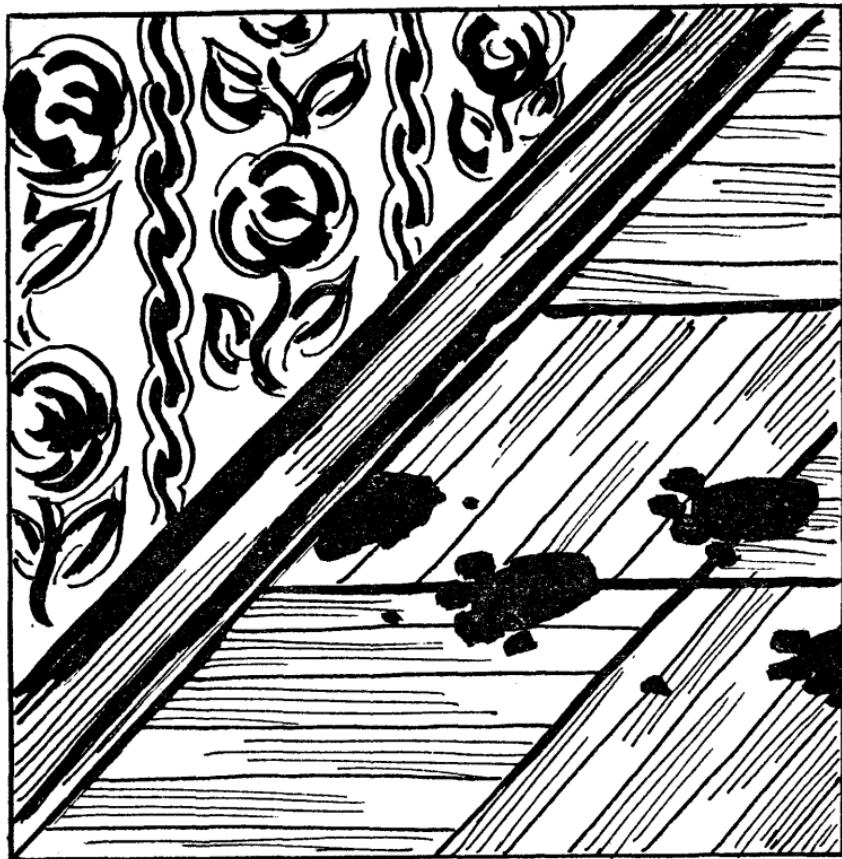
— Да,— продолжал доктор, словно обращаясь к самому себе,— я подозревая, что в этой истории Везин оказался втянутым в водоворот сил, своими корнями уходящими в далекое прошлое, и что он заново пережил сцену, в которой несколько веков назад часто играл главенствующую роль. Энергия и активность действовавших тогда процессов крайне долгое время не в состоянии выработать себя до конца. Пожалуй, про них даже можно сказать, что они вечны. В данном случае они, однако, оказались не столь мощными, чтобы изобразить всю картину целиком, а потому наш герой оказался в ситуации смешения прошлого и настоящего. И все же он обладал достаточной чувствительностью, чтобы осознать реальность происходящего, противостоять деструктивному возврату — хотя бы в воспоминаниях — к прошлому и более низкому уровню своего развития.

— О да,— проговорил после паузы доктор, подходя к окну, чтобы поглядеть на темнеющее небо; про мое присутствие он словно забыл,— подсознательные всплески воспоминаний, подобные этому, могут быть подчас крайне болезненными, а иногда и по-настоящему опасными. Мне остается лишь надеяться на то, что эта нежная душа сможет в конце концов вырваться из наваждения страстного и бурного прошлого, хотя в глубине я сомневаюсь в этом, очень сомневаюсь.

В голосе его отчетливо прозвучала печаль, а когда он снова повернулся ко мне, лицо его выражало безмерную тоску и даже скорбь души человека, чье желание помочь другой человеческой душе подчас оказывается более сильным, нежели его реальные возможности.

Уильям Уинтл

ЧЕРНАЯ КОШКА

Возможно, именно неувядающая слава «Черного кота» Эдгара По явилась главной причиной того, что приводимый ниже почти одноименный рассказ оказался незаслуженно обойденным вниманием составителей многочисленных антологий данного жанра.

Писатель периода позднего викторианства, Уильям Джеймс Уинтл собрал и опубликовал значительную коллекцию английских народных песен, написал ряд работ по проблемам христианства, а также посвященных некоторым его современникам, точнее современницам, к числу которых относятся, в частности, легендарная медсестра Флоренс Найтингейл и даже сама королева Великобританий. В наше время эти патриотические словоизлияния писателя практически преданы забвению, тогда как все свое внимание нынешние книголюбы отдают поиску его «странных» и «жутких» рассказов.

Как и другие произведения данного жанра, «Черная кошка» первоначально была задумана с целью позабавить его юных домочадцев, проводящих долгие зимние вечера, сидя перед камином, а заодно и лишить их на много ночей вперед спокойного и безмятежного сна.

Если на свете и существовало животное, к которому Сидней питал особо острую неприязнь, то им, несомненно, являлась кошка. И ведь нельзя было сказать, чтобы он не любил животных. Так, он с неизменной любовью относился к старой охотничьей собаке, некогда жившей у него, однако как-то так получилось, что именно кошки пробуждали в нем самые порочные, можно сказать, даже низменные чувства. Ему постоянно казалось, что если он уже появлялся на свет в какой-то иной жизни, то наверняка представлял в ней в образе мыши или птицы, а потому, если можно так выразиться, унаследовал от них инстинктивный страх и ненависть по отношению к врагу своего далекого прошлого.

Присутствие кошки оказывало на него поистине странное воздействие. Поначалу его словно охватывало волной неподдельного отвращения. Перед глазами постоянно маячил злобный взгляд животного; он пристально вслушивался в окружавшие его звуки, пытаясь различить среди них характерную кошачью поступь; когда же он мысленно представлял себе, как к нему приближается пушистый, мохнатый зверь, то тут же невольно вздрогивал и готов был бежать, куда глаза глядят.

Однако подобные эмоции довольно скоро уступали место совершенно иному чувству — зачарованного восхищения. Он буквально всей душой тянулся к существу, являвшемуся источником его беспринципного страха, подобно тому, как принято считать (хотя и совершенно ошибочно), что птица тянется к околовавшей ее змее. Ему хотелось погладить животное, ощутить ладонью, как трется о нее его голова; и все же одно лишь представление о том, что в данный момент делает этот пушистый зверь, ввергало его в состояние неописуемого ужаса.

Чем-то это походило на болезненное влечение, когда человек находит истинное блаженство в причинении себе самому физической боли. А затем наступал период острого, пронзительного, не поддающегося никакому сравнению страха. Как бы Сидней не пытался скрыть это ощущение, но он смертельно боялся оставаться в одном помещении с кошкой. Изо дня в день в неизменной настойчивостью он старался преодолеть в себе это чувство, однако всякий раз терпел поражение. Все его естество словно восставало про-

тив всем известного дружелюбия домашних кошек, отвергало их пресловутую робость и застенчивость и сокрушало распространенные суждения относительно того, что они физически не способны причинить серьезный вред взрослому и сильному человеку. Однако все это оказалось бесполезным — он боялся кошек, и отрицать это не имело никакого смысла.

В то же время Сидней отнюдь не считал себя их лютым врагом, а потому никогда в жизни даже пальцем не тронул бы ни одной из них. Вне зависимости от того, сколь сладок был его сон, потревоженный ранним утром вокальными упражнениями объятых любовной истомой усатых злодеев, ему и в голову не могла прийти мысль запустить в них чем-нибудь увесистым. Зрелище оголодавшего кота, оставленного на произвол судьбы уехавшим в отпуск хозяином, переполняло его сердце чувством обостренной жалости, в чем-то походившим на жгучую боль. Он с неизменной регулярностью делал взносы в фонд приюта для бездомных кошек. Таким образом, если давать характеристику его отношению к этим животным, то следовало бы признать, что оно отличалось крайней непоследовательностью и противоречивостью. Однако от правды все равно не уйти — он действительно недолюбливал и опасался кошек.

Возможно, подобная одержимость отчасти подпитывалась тем обстоятельством, что Сидней предпочитал вести во многом праздный образ жизни. Если бы его мозг был чаще занят какими-то неотложными делами, то со временем, скорее всего по достижению зрелого возраста, он смог бы преодолеть свою страсть. Однако положение состоятельного человека и унаследованная от предков неприязнь к любой физической работе, требующей приложения значительных усилий, а также пара-тройка увлекательных хобби, в мягкой и успокаивающей форме заполнявших его время, никак не позволяли ему окончательно избавиться от этих навязчивых фантазий. Между тем опыт учит нас, что те или иные причуды или капризы, если их определенным образом поощрять и поддерживать, со временем начинают навязывать хозяину собственную волю. Именно такая участь и постигла беднягу Сиднея.

В то время он занимался подбором материалов для своей книги, посвященной конкретному периоду жизни

Древнего Египта, что предполагало довольно усердное изучение коллекций Британского и других музеев, равно как и поиск в букинистических магазинах редких книг по данной теме. Периодически освобождаясь от подобной деятельности, он возвращался к себе домой — в старинный особняк, который, как и большинство других обветшальных домов такого рода, являлся для соседей объектом многочисленных загадочных историй и пересудов. Например, считалось, что некогда — хотя при этом и не конкретизировалось, когда именно, — там произошла зловещая трагедия, и с тех пор в доме, естественно, поселились приведения, время от времени дающие о себе знать.

Среди местных распространителей слухов особенно почиталось туманное словечко «нечто», поскольку оно позволяло включать в себя бесчисленную массу неточных воспоминаний и туманных утверждений. Возможно, сам Сидней пребывал в полном неведении относительно того, какого рода слава закрепилась за его домом, поскольку обычно вел уединенный образ жизни и почти не контактировал с соседями. Но если даже эти рассказы и достигали его ушей, то он все равно не подавал виду, либо и вправду относился к ним с полнейшим безразличием. Если не считать досадной истории с его антикошачьими настроениями, то в целом он отличался весьма уравновешенной психикой и едва ли оказался бы подверженным воздействию каких-то вымышленных или хотя бы недостаточно проверенных фактов.

С учетом всего этого тайна, окружавшая его безвременную кончину, вызвала крайнее изумление в кругу его друзей, а ужас, сопровождавший последние дни его жизни, получил лишь частичное освещение, да и то благодаря обнаруженному дневнику и другим бумагам, которые и послужили основой для этого рассказа. Многие обстоятельства продолжают оставаться весьма смутными и пока недоступными для сколько-нибудь убедительного прояснения, поскольку единственный человек, который мог бы пролить дополнительный свет на эту таинственную историю, увы, уже покинул нас, а потому в своем повествовании нам придется опираться лишь на весьма фрагментарные и, соответственно, неполные записи.

Создается впечатление, что за несколько месяцев до своей кончины Сидней сидел у себя в саду и что-то читал,

когда его взгляд упал на небольшой ком земли, очевидно, оставленный садовником рядом с дорожкой. В общем-то, в нем не было ничего необычного, и все же этот комок земли странным образом привлек к себе его внимание. Он попытался было продолжить чтение, однако эта самая обычная кучка земли продолжала притягивать к себе его внимание. Мысли его то и дело возвращались к этому объекту, а взор то и дело соскальзывал на загадочный комок. Сидней был не из тех людей, кто с легкостью позволил бы мыслям рассеиваться подобным образом, а потому упорно продолжал попытки сосредоточиться на книге. Но это была уже настоящая борьба, и он в конце концов сдался. Он вновь поднял взгляд на ком земли — на сей раз с некоторым любопытством,— как на причину своей столь нелепой заинтересованности.

Вскоре он окончательно пришел к выводу, что причин интересоваться предметом вроде бы не было, однако тут же замер на месте, поняв, что таковые все же существуют. Дело в том, что земляной комок в точности воспроизводил очертания тела черной кошки, причем готовой в любой момент броситься на него! Сходство и в самом деле было поразительным, поскольку как раз в том месте, где у нормальной кошки должны были находиться глаза, в сгустке земляной массы желтели два небольших кусочка галечника.

В первое мгновение Сидней почувствовал такое же отвращение и страх, как если бы перед ним оказалась настоящая черная кошка, но затем резко поднялся — земляной ком сразу же утратил сходство с живым созданием кошачьей породы. Он снова сел и рассмеялся над абсурдностью посетившей его мысли, хотя в душе все же осталось какое-то ощущение беспокойства и смутного страха. В общем, ему все это явно не понравилось.

Где-то недели через две он рассматривал новые образцы египетского антиквариата, попавшие в руки знакомого лондонского специалиста. Большинство из них принадлежали к уже знакомым разновидностям и особого интереса у него не вызывали, хотя изредка попадались и весьма занятные образцы, которые он принял изучать с большой тщательностью. Особо его заинтересовали дощечки из слоновой кости, на которых, как он рассчитывал, могли сохраниться слабые следы древней письменности. Если бы это

оказалось так, то находка стала бы подлинным открытием, поскольку частные послания подобного рода всегда представляли собой большую редкость и могли пролить дополнительный свет на подробности личной жизни людей той эпохи, обычно не находившие отображения в клинописных надписях на каменных памятниках.

С головой окунувшись в это занятие, он испытал чувство неописуемого ужаса, которое стало медленно овладевать им, и он словно впал в состояние сна наяву, имевшего большое сходство с самым настоящим кошмаром. Ему вдруг почудилось, что он гладит громадную черную кошку, которая буквально на глазах увеличивалась в размерах, покуда не превратилась в настоящего исполина. Ее мягкий мех густой массой окутывал его пальцы, обвивая их подобно бесчисленному числу шелковистых живых змеек, а кожа испытывала жгучую боль от огромного количества крошечных укусов ядовитых зубов. Поначалу зверь тихонько мурлыкал, но постепенно его урчание стало усиливаться, пока не переросло в грохот оглушительного водопада, затмившего собой все его остальные ощущения. У него было такое чувство, будто он погружается в пучину неотвратимой катастрофы, когда, собрав остатки сил, все же напрягся и вырвался из оков колдовского заклятья.

В то же мгновение он обнаружил, что его ладонь машинально поглаживает маленькую и пока еще не развернутую мумию какого-то животного, которое при ближайшем рассмотрении оказалось кошкой.

Следующий инцидент, о котором он посчитал необходимым сделать соответствующую запись, приключился несколько дней спустя. Поздно вечером он в привычной для себя манере улегся в постель и тут же крепко уснул. Где-то под утро Сидней увидел довольно тревожный сон, очень похожий на ночной кошмар, который обычно встречается в детском возрасте. Где-то далеко в небе внезапно стали увеличиваться две звезды; параллельно с этим усиливалось их сияние, и вскоре он заметил, что они с невероятной скоростью летят ему навстречу. Сидней понимал, что пройдет еще несколько мгновений и они поглотят, растворят его в море света и пламени.

Звезды продолжали приближаться, чуть растягиваясь и раскрываясь, словно гигантские пылающие бутоны,

и излучая все более слепящий, искрящийся свет, а затем, зависнув почти у него над головой, внезапно превратились в два громадных светящихся кошачьих глаза, переливающихся желтовато-зеленым сиянием.

Он с криком вскинулся в постели, мгновенно проснулся и сразу же увидел сидевшую на подоконнике огромную черную кошку, которая угрюмо всматривалась в него своими блестящими желтыми глазами. Прошло еще несколько мгновений, и кошка бесследно исчезла.

Самым загадочным во всей этой истории было то, что забраться на такой подоконник можно было, лишь имея крылья,— кошка попросту не смогла бы на него вкарабкаться. Более того, при последующем осмотре сада он не обнаружил под окном ничего такого, что хотя бы отдаленно могло походить на следы ее недавнего присутствия.

Дата следующего приключения осталась не до конца выясненной, поскольку запись о нем Сидней сделал с явным запозданием. Можно было лишь предположить, что это случилось через несколько дней после ночных кошмаров. Сиднею зачем-то понадобилось подойти к стоявшему в комнате запертому шкафу — в нем хранились старинные рукописи и другие ценные бумаги, а ключ от шкафа постоянно находился при нем. Насколько он помнил, на протяжении последнего месяца он ни разу не заглядывал в него, но затем ему понадобилось, видимо, просмотреть серию записей, имевших отношение к его любимому занятию. Едва открыв створки шкафа, он сразу почувствовал незнакомый и довольно странный запах — не то, чтобы мускусный, но определенно смахивавший на какое-то животное, возможно, даже кошачий. Взгляд Сиднея тотчас же застыл на месте, а сам он испытал крайнее раздражение при виде того, что все бумаги в шкафу пребывали в полнейшем беспорядке. Разрозненные листы попали в щели между полками и стенками, а на переднем плане лежала бесформенная, словно умышленно развороченная бумажная груда.

Приглядевшись, он все же обнаружил, что некое подобие формы у этой кучи все же было, и она чем-то напоминала птичье гнездо: по краям кольцеобразного утолщения высывались концы листов бумаги, а в центре имелось нечто, похожее на круглую лунку. Со стороны можно было подумать, будто там действительно лежала птица или какое-то

иное животное, уютно свернувшееся в клубок и безмятежно спавшее, причем по размерам оно в точности соответствовало габаритам кошки.

Сидней почувствовал слишком острую досаду при виде подобного беспорядка, чтобы в данный момент предаваться анализу столь специфической формы бумажной кипы; однако эта особенность, наконец, дошла до его сознания, когда он принял наводить в шкафу порядок. Некоторые из бумаг были чем-то слегка испачканы, а при ближайшем рассмотрении он обнаружил на рукописях налипшие черные волоски, очень похожие на кошачью шерсть.

Примерно неделю спустя он вернулся домой позже обычного — его задержало заседание научного общества, членом которого он являлся. Сидней уже вынимал из кармана цепочку с ключами, чтобы открыть входную дверь, когда почувствовал, что что-то прикоснулось к его ноге. Он посмотрел вниз и ничего не увидел, но уже через мгновение снова ощущил аналогичное прикосновение. На сей раз ему показалось, что он заметил черную тень, неподвижно застывшую рядом с его правой ногой. Приглядевшись внимательнее, Сидней толком ничего не разобрал, однако, заходя в комнату, в очередной раз ощущил чье-то мягкое касание, скользнувшее по брючине.

Ненадолго задержавшись в прихожей, чтобы снять плащ, он краем глаза заметил слабую и легкую тень, которая будто бы взметнулась вверх по лестнице. Это определенно была всего лишь тень, а не что-то материальное и плотное, поскольку свет горел достаточно ярко и он все вокруг себя видел вполне отчетливо. Однако вокруг него не было никаких движущихся предметов, которые могли бы отбросить такую тень; более того, в том, как она передвигалась, определенно было что-то кошачье.

Следующие записи в дневнике Сиднея, судя по всему, также были посвящены этому странному явлению, поскольку они представляли собой перечень словно бы случайных совпадений, а сам по себе тот факт, что он посчитал нужным их отметить, лишний раз подчеркивал силу постигшей его одержимости. Взяв из словаря английского языка цифровые значения букв, составляющих слово КОШКА, он сложил их и получил число двадцать четыре, после чего стал перечислять случаи, когда это число имело

самое непосредственное отношение к его жизни.

Получалась довольно интересная картина. Родился он двадцать четвертого числа в доме номер двадцать четыре; матери его в то время было двадцать четыре года. Когда ему самому исполнилось столько же, скончался его отец, оставивший сыну солидное наследство. Было это ровно двадцать четыре года назад. Когда он в последний раз подсчитывал свои капиталы, то обнаружил, что, не считая стоимости земли и домов, они составляли примерно двадцать четыре тысячи фунтов. В течение трех различных периодов времени живя в трех разных городах, он всякий раз останавливался в домах под номером двадцать четыре — это было также номером его теперешнего дома. Более того, номер его читательского билета в читальном зале Британского музея оканчивался также двойкой и четверкой, а его доктор и адвокат проживали в домах, имевших порядковый номер двадцать четыре.

Он сделал еще несколько аналогичных пометок, однако все они имели несколько надуманный характер и в данном рассказе едва ли заслуживают особого упоминания. Весь этот перечень завершался довольно-таки зловещим вопросом: «Закончится ли все это также числом двадцать четыре?»

Вскоре после того, как были сделаны эти записи, произошло одно довольно серьезное событие, также заслуживающее упоминания в его дневнике. Однажды вечером Сидней спускался по лестнице, когда в одном из слабо освещенных ее углов он заметил нечто, при ближайшем рассмотрении казавшееся кошкой. С привычной неприязнью к этим животным он невольно отпрянул назад, однако, присмотревшись, обнаружил, что это была лишь тень, падавшая от какой-то резной детали верхней части лестницы. Он невольно рассмеялся и отвернулся, но в тот же момент заметил, что тень действительно шевельнулась! Спускаясь по ступеням, он дважды спотыкался, опасаясь наступить на воображаемую кошку, но уже через долю секунды действительно опустил ногу на что-то мягкое, резко отскочившее в сторону. Качнувшись, он всем телом грохнулся на пол и довольно сильно ушибся.

Встав на ноги при помощи подоспевшего слуги, Сидней доковылял до библиотеки и там обнаружил, что брюки чуть

повыше щиколотки порваны. Странным, однако, было то, что, как он выяснил, в ткани брючны зияли три параллельных вертикальных разрыва — в точности такие, какие могли быть оставлены кошачьими когтями. Острая боль не помешала ему присмотреться повнимательнее, и он обнаружил три глубокие царапины, своим расположением в точности соответствовавшие разрывам на брючине.

На полях страницы, где находилась запись об этом инциденте, он позже приписал несколько слов: «Эта кошка несет в себе побор», а тональность последующих записей в дневнике и некоторых писем, помеченных близкими датами, со всей очевидностью указывала на то, что все его по мыслы в те дни несли на себе более или менее явный отпечаток смутного, но определенно недоброго предчувствия.

На следующий день произошло еще одно незначительное, но столь же тревожное событие. Нога у Сиднея все еще побаливала, и он решил весь день повалиться на диване с любимой книгой в руках. Где-то в третьем часу пополудни он услышал слабый приглушенный удар, словно от приземления кошки, прыгнувшей с достаточно приличной высоты. Он поднял взгляд и действительно увидел притулившуюся на подоконнике черную кошку с пылающими глазами; прошла еще доля секунды, и она спрыгнула в комнату. Но пола при этом так и не достигла, а если это и случилось, то она определенно прошла сквозь него. Он видел, как она прыгнула, видел ее словно застывшей в середине полета, видел, как она вот-вот должна была опуститься на пол, и вот — ее нигде нет!

Ему очень хотелось поверить в то, что все это — лишь оптический обман, иллюзия зрительного восприятия, однако наперекор подобному допущению стоял нелепый, но непреложный факт, заключавшийся в том, что в своем прыжке с подоконника кошка задела цветочный горшок — и вот он лежит на полу, разбитый и являющийся неопровергимым свидетельством всего происшедшего.

На сей раз Сидней не на шутку испугался. Плохо, когда тебе мерещатся разные вещи, не имеющие под собой реальной основы, но гораздо хуже, если подобное происходит в действительности, хотя с очевидностью противоречит общепринятым законам природы. В данном случае разбитый цветочный горшок явно указывал на то, что если чер-

ная кошка представляла собой всего лишь то, что мы за неимением более подходящего определения привыкли называть привидением, то это было привидение, способное вызывать вполне осозаемые физические последствия. Если оно могло свалить цветочный горшок, то определенно способно царапаться и кусаться — а перспектива быть атакованной кошкой из какого-то иного пространства всегда является такого рода идеей, с которой очень трудно смириться.

Вне сомнения, у Сиднея теперь были вполне реальные основания для опасений. Мифическая кошка — или как кому будет угодно называть это существо — в некотором смысле слова набирала силу и уже могла в более открытой и действенной форме заявить о своем присутствии и жестокости.

В ту же ночь это нашло свое яркое подтверждение. Сиднею приснилось, будто он гулял по зоопарку, когда из клетки вырвалась зловещего вида черная пантера и кинулась на него. Удар откинул его назад, сбил с ног, а затем зверь прижал его к земле своей громадной массой. Когти животного тянулись к его горлу, а яростные желтые глаза вперились ему в лицо — и в этот момент ужас прошедшего неожиданно положил конец кошмару, и он проснулся. Пока сознание медленно возвращалось к нему, он и в самом деле ощущал на груди огромную тяжесть, а открыв глаза, заглянул прямо в глубину двух пылающих желтых огней, словно впаянных в бархатно-черную морду.

Кошка соскочила с кровати и в едином прыжке скрылась за окном. Но рамы его были закрыты, и Сидней не услышал звука разбивающего стекла. Заснуть в ту ночь ему так больше и не удалось, хотя утром его ожидало новое потрясение. На подушке он обнаружил несколько небольших пятен крови, а внимательный осмотр перед зеркалом выявил две группы крошечных ранок на шее. Размерами они едва превосходили булавочные уколы и были расположены двумя полуокружьями, по одной на каждой стороне шеи — в точности такие, какие могли остаться, как если бы кошка пыталась спереди обеими лапами сжать его шею.

Эта была последняя запись, сделанная в дневнике Сиднея, хотя из содержания ряда написанных им в тот день писем можно было сделать вывод о том, сколь серь-

езно он оценивал сложившуюся ситуацию. В них он отдавал инструкции своему душеприказчику и обговаривал некоторые детали по ведению его дел очевидно, предвидя свой близкий конец.

Что именно случилось во время финального акта той трагедии, оставалось загадкой, и можно было лишь догадываться по оставшимся следам, однако не вызывал сомнения тот факт, что в свои последние минуты он пережил поистине дикий кошмар.

В ту ночь управляющий дома неожиданно проснулся от странного шума, который, по его словам, очень походил на рычание разъяренной кошки; горничная же, комната которой располагалась как раз над спальней Сиднея, утверждает, что во сне ей послышалось, будто хозяин один или два раза вскрикнул.

Когда утром в обычное время в дверь спальни Сиднея постучали, он не откликнулся; сразу же выяснилось, что дверь заперта изнутри. Управляющий вызвал подмогу, и замок сломали. Хозяин дома сидел на корточках на полу, прислонившись спиной к стене напротив окна. Ковер был пропитан кровью, а причина смерти сомнений не вызывала. Горло несчастного было разорвано с обеих сторон, а обе сонные артерии попросту измочалены. Насколько можно было судить по общей картине происшествия, Сидней лежал в постели и подвергся нападению во сне, поскольку все белье было залито кровью. Очевидно, он сел в кровати, чтобы отразить атаку неведомой твари. Выражение безумного ужаса на его искаженном лице, по словам очевидцев, невозможно было передать словами.

И окна, и дверь в комнате были наглухо закрыты, а потому оставалось загадкой, каким образом напавшее на него существо проникло в спальню, хотя можно было предположить, как оно ее покинуло. На полу остались отпечатки ног гигантской кошки, которые вели от трупа к противоположной стене — и там обрывались. Обратно кошка не возвращалась, но до тех пор так и неизвестно, прошла ли она сквозь стены, или же попросту растаяла в воздухе. Таинственным образом она забралась в спальню и столь же загадочно исчезла, а в промежутке между этим совершила свое кровавое деяние.

По странному совпадению трагедия произошла как раз в сочельник — двадцать четвертого декабря.

Брэм Стокер

ЖЕЛЕЗНАЯ ДЕВА

Имя автора бессмертного «Дракулы» давно известно любителям произведений про вампиров, оборотней и прочих порождений бесовских сил. Между тем, в жизни Брэм Стокер, похоже, в большей степени полагался на реальные и вполне материальные средства и способы самоутверждения, не особенно рассчитывая на снадобья мифического свойства. Красноречивым подтверждением тому является его энергичная привязанность к спорту, благодаря которой он смог превратиться из слабого, чахлого ребенка во вполне цветущего молодого человека, обладавшего весьма живой и творческой фантазией.

В равной степени и в своей литературной деятельности он активно опирался на обширный фактический материал, который часто ложился в основу его вполне мистических (а может и не таких уж и нереальных?) произведений. В самом деле, так ли невероятна ситуация, которую он с присущим им мастерством отразил в приводимом ниже рассказе?

Нюрнберг в ту пору все еще хранил остатки своего былого величия, нарушить которое не могли даже бесчисленные толпы туристов, заполнивших и сам город, и его живописные окрестности. Мы с женой вторую неделю наслаждались медовым месяцем и очень хотели чтобы кто-то разделил с нами радость безмятежного отдыха, а потому с нескрываемым удовлетворением приняли в свою компанию симпатичного Элиаса Хэтчисона — доселе абсолютно незнакомого нам молодого человека из американской Небраски, с которым случайно познакомились во Франкфурте. Хэтчисон сказал тогда, что давно мечтал взглянуть на руины сожженного много веков назад маленького городка, расположавшегося неподалеку от Нюрнберга, однако долгое путешествие в одиночку, как выяснилось, способно нагнать страшную тоску даже на такого активного и бодрого человека, как он. Мы сразу уловили его намек и предложили присоединиться к нам.

Сравнивая потом наши записи, мы с женой обнаружили, что разговаривать друг с другом старались очень робко, осторожно, словно задавшись целью скрыть от окружающих упоение своим счастьем, хотя, надо заметить, редко достигали поставленной цели, то разом умолкая, а то столь же внезапно и одновременно начиная говорить снова. Последнее замечание, пожалуй, отчасти поясняет то обстоятельство, что в общении не только с посторонними людьми,

но и оставаясь наедине, мы все же испытывали некоторую нерешительность и смущение, заранее тщательно продумывая, какое слово произнести и какой поступок совершить.

Начав же путешествовать втроем, мы, однако, очень скоро убедились в том, что не ошиблись, предложив Хэтчисону разделить нашу компанию. Присутствие постороннего человека практически полностью устранило любые поводы для случайных ссор молодоженов и подчас даже вынуждало нас с Амелией искать уединения в самых необычных на первый взгляд местах. Более того, как утверждает моя жена, она с тех пор стала настойчиво рекомендовать своим подругам приглашать в свадебное путешествие третьего спутника.

Одним словом, наша троица дружно осваивала Нюрнберг, и мы с Амелией искренне заслушивались красноречивыми пояснениями нашего заокеанского друга и дружелюбно посмеивались над старомодными оборотами его речи, когда он рассказывал о своих бесчисленных путешествиях, на основе которых можно было бы, пожалуй, написать целую книгу.

К концу нашего отпуска оставался еще один объект взаимного интереса, который мы до сих пор не облазали вдоль и поперек — старинная крепость Бург,— и в назначенный день мы отправились к нему вдоль наружной крепостной стены, с востока окружавшей древний город.

Бург стоял на возвышавшейся над городом скале, а с северной стороны его окружал неимоверных размеров ров, чем-то даже напоминавший простое ущелье. Нюрнберг должен был бы гордиться тем, что в прошлом эту стену никому так и не удалось разрушить, иначе бы красота города заметно поблекла. Ров у подножия стены уже несколько столетий не использовался по своему прямому назначению и сейчас на его склонах уютно расположились чайные плантации и фруктовые посадки, причем некоторые из деревьев поднимались на достаточно внушительную высоту.

Прогуливаясь по прогретой июльским солнцем верхней кромке стены, мы частенько останавливались, чтобы полюбоваться раскинувшейся перед нами изумительной панорамой зелени и света. Особенно великолепно смотрелась безбрежная равнина, на которой расположились небольшие поселки и деревни, а по краям ее окаймляла цепь голубых

холмов, достойных кисти Лорейна. Налюбовавшись этим зрелищем, мы обычно переводили наши взоры на сам город с его бесчисленными и причудливыми остроконечными фронтонами, широкими красными крышами и прорубленными в мансардах домов маленькими оконцами. Справа от нас высилась громада Бурга, а за ней маячила мрачная Башня пыток, возможно, самое интересное место в городе. Веками традиции нюрнбергской «Железной девы» словно олицетворяли все те ужасы и жестокость, на которые когда-либо был способен человек. Бродя по Нюрнбергу, мы с нетерпением ожидали, когда же настанет черед Башни, и наконец дождались этого часа.

Во время одной из кратковременных остановок мы приблизились к самому краю возвышавшейся над рвом стены и заглянули вниз. До раскинувшихся внизу садов было не более пятнадцати-двадцати метров и солнечные лучи неистово били по кронам их крепких деревьев. Жара разморила нас, времени было достаточно и мы не спешили.

Прямо под нами у края стены мы заметили темное пятно — это была большая черная кошка, безмятежно развалившаяся на солнце. Вокруг нее весело ревзился крошечный черный комочек — ее котенок. Мамаша то приподнимала кончик хвоста, помахивая им как игрушкой перед носом дитя, то слегка отталкивала его лапой, словно поощряя к продолжению игры. Видимо, желая поддержать их забаву, Хэтчисон поднял с земли внушительных размеров камень и прицелился, явно намереваясь бросить его вниз.

— Смотрите,— сказал он,— сейчас я брошу рядом с ними этот булыжник — пусть погадают, откуда он свалился.

— Только осторожно,— на всякий случай проговорила моя жена,— не задеть бы маленького.

— Уж если кто и промахнется, мадам, то только не я. У меня меткий глаз. И вообще я нежен и ласков как цветущая вишня. Обидеть беспомощное существо для меня — все равно что снять скальп с головы младенца. Не беспокойтесь, я брошу достаточно далеко от них.

Он перегнулся через край парапета, вытянул руку на полную длину и разжал пальцы.

Вероятно, есть на свете какая-то неведомая сила, меняющая и исказжающая наше представление о размерах вещей

и расстоянии между ними, а может, дело было просто в том, что стена оказалась не вполне отвесной — во всяком случае через несколько мгновений камень с глухим стуком, донесшимся до нас сквозь слой тугого жаркого воздуха, обрушился на голову котенка, из которой во все стороны брызнули крошечные окровавленные мозги.

Кошка-мать метнула ввысь резкий взгляд и мы увидели, как ее глаза — полыхающее зеленое пламя — уставились на Хэтчисона. Затем она посмотрела на котенка, на его безжизненное тельце — совершенно неподвижное, если не считать мелкого конвульсивного подрагивания вытянутых лапок, по которым струились тонкие как волоски ручейки крови. Из груди ее вырвался приглушенный вопль, так похожий на крик человеческого существа, она склонилась над своим чадом и принялась зализывать страшную рану, время от времени издавая слабый, глухой стон.

Внезапно она, казалось, поняла, что котенок мертв и вновь посмотрела вверх, в нашу сторону. Никогда мне не забыть этого взгляда, вобравшего в себя, пожалуй, всю существующую на свете ненависть. Ее зеленые глаза сверкали ярким пламенем, острые белые зубы сияли в ореоле алои влаги, тягуче капавшей с губ и уголков пасти. Сжав челюсти, она до предела выдвинула на обеих лапах когти и взметнулась почти вертикально вверх, явно пытаясь достать до нас. Вывернувшись на излете дугой, она — опять дикая случайность? — рухнула на труп котенка и ее черная шелковистая спина и бока повернулись к нам, поблескивая кровью и размытыми мозгами малыша.

Лицо Амелии страшно побелело, и я поспешил отвести ее подальше от края стены. Усадив жену на скамью, я вернулся к Хэтчисону, который продолжал молча наблюдать за разъяренным животным.

— Пожалуй, самая лютая тварь, которую я когда-либо видел, — признался он. — Лишь однажды мне довелось видеть в глазах живого существа еще большую ярость, правда, тогда это был человек, женщина. Это была индианка из племени апачей, сводившая счеты с местным бандитом по кличке «Щепка». Эту кличку он получил за то, что буквально разорвал на части младенца женщины, которого эти говорозы похитили во время одного из своих налетов, а его матери устроили пытку огнем — медленное поджаривание

на горящих лучинах. Тогда эта индианка бросила на него такой взгляд, что он, пожалуй, должен был прорости на морде громилы. Целых три года она преследовала бандита, пока ее соплеменники не схватили его и не передали ей. Вот тогда-то мне и довелось увидеть ту улыбку, о которой я говорю. Наш отряд ворвался в индейский лагерь, но, обнаружив «Щепку», я сразу понял, что это уже не жильтц — он был готов вот-вот испустить дух. По его лицу проползала последняя судорога, но мне почему-то показалось, что ему отнюдь не жаль уходить из этой жизни. Крутой был парень, что и говорить, и за все им содеянное я никогда не протянул бы ему руки — ведь он был белым человеком, во всяком случае казался таковым. Однако, думаю, за свои злодеяния он получил от нее сполна.

Слушая слова Хэтчисона, я одновременно поглядывал на кошку и успел заметить, что она все так же продолжала отчаянные попытки запрыгнуть на стену. Снова и снова она отбегала далеко назад и затем бросалась почти вертикально вверх, иногда достигая значительной высоты. Похоже, ее нимало не беспокоила та боль, которую она не могла не испытывать, всякий раз тяжело падая на землю. Напротив, она с удвоенной энергией, даже с какой-то рьяностью повторяла свои попытки, а облик ее с каждым разом становился все более угрожающим.

Хэтчисон был в общем-то добрым малым — мы с женой неоднократно отмечали проявления его истинной любви и сочувствия к животным как к почти разумным существам, — и сейчас можно было видеть, что он отнюдь не остался равнодушным к этим проявлениям отчаянной ярости осиротевшего животного.

— Представляю, что должна сейчас чувствовать эта бедняга, — проговорил он. — Ну-ну, малышка, извини меня, я же не хотел, просто так вышло. Хотя тебе, конечно, от этого не легче. Нет, правда, раньше со мной никогда ничего подобного не случалось. Вот до чего доводят дурацкие игры взрослых! Похоже, мне с моими руками-крюками даже с кошками нельзя играть. Послушайте, полковник — как я успел заметить, он весьма свободно награждал людей, в шутку, разумеется, всевозможными званиями и титулами, — я не хочу, чтобы из-за этого случая у вашей жены сложилось превратное представление о моей персоне.

Честное слово, я никак не ожидал, что так получится.

Он подошел к Амелии и пространно извинился. Моя жена заверила его в том, что не сомневается в чистой, хотя, конечно, и очень прискорбной случайности этого трагического инцидента. Затем мы вместе подошли к краю стены и заглянули вниз.

Потеряв Хэтчисона из виду, кошка пересекла ров и уселилась на его противоположном краю. Вся ее поза свидетельствовала о том, что она готова в любое мгновение броситься вперед. И действительно, едва заметив нашего друга, она прыгнула с дикой, почти непостижимой яростью, которая могла бы показаться гротескной, не будь столь реальной. Вновь приблизившись к стене, она не стала предпринимать новых попыток взобраться или заскочить на нее, и лишь неотрывно смотрела на Хэтчисона, словно надеясь на то, что от ненависти и лютой злобы у нее вырастут крылья, на которых она сможет преодолеть разделявшее их расстояние.

Амелия чисто по-женски всерьез восприняла все происходящее и озабоченно порекомендовала Хэтчисону:

— Вам надо быть настороже. Будь это животное поближе, оно не преминуло бы убить вас. Посмотрите, у нее глаза настоящего убийцы.

Хэтчисон беззаботно рассмеялся:

— Извините, мадам, просто не мог сдержаться. Мужчина, воевавший с медведями-гризли, страшится обычной кошки!

Услышав его смех, кошка неожиданно изменила свое поведение. Оставив попытки взобраться или запрыгнуть на стену, она снова подошла к мертвому котенку и принялась лизать его как живого.

— Смотрите! — воскликнул я.— Вот она — реакция слабого существа на присутствие настоящего мужчины. Даже эта зверюга в разгар лютой ярости распознала голос господина и подчинилась ему.

— Как индианка... — пробормотал Хэтчисон, после чего мы продолжили нашу прогулку по крепостной стене.

Время от времени заглядывая через край парапета, мы заметили, что кошка по-прежнему неотступно следует за нами, идя как бы параллельным курсом. Поначалу она то и дело возвращалась назад к котенку, но когда расстояние между нами стало слишком уж большим, взяла его в зубы

И так продолжала свое шествие. Правда, спустя некоторое время мы увидели, что она снова одна — видимо, спрятала труп где-нибудь в укромном месте. Эта настойчивость кошки лишь усилила тревогу Амелии, которая еще пару раз ненавязчиво повторила свое предупреждение. Американец же продолжал отшучиваться, но, заметив, что женщина не на шутку встревожена, сказал:

— Мадам, повторяю, не стоит преувеличивать опасность этой зверушки. Ну что вы, в самом деле. И потом, я достаточно бдителен и даже вооружен.— Он улыбнулся и похлопал себя по кобуре небольшого пистолета, укрепленной на поясе под рубашкой.— Чтобы покончить с вашими беспокойствами, я просто подстрелю эту драную кошку, которой вздумалось раздражать благородных дам, хотя и рискую оказаться в полиции за ношение оружия без специального разрешения.

С этими словами он посмотрел вниз и кошка, заметив его, с негромким урчанием скрылась в зарослях высоких цветов.

— Ручаюсь,— продолжал Хэтчисон,— что у этой зверюги достаточно хорошо развито чувство самосохранения. Полагаю, больше мы ее не увидим. Сейчас вернется к своему котенку и устроит ему персональную панихиду.

Амелии не хотелось продолжать этот разговор, и Хэтчисон, видимо, из сочувствия к ней, также отказался от прежнего намерения пристрелить кошку.

Недолго посовещавшись, мы отошли от стены и направились к деревянному мосту, соединявшему Бург с пятиугольным зданием Башни пыток. Проходя по нему, мы, однако, обнаружили, что кошка продолжает следовать за нами по земле. При виде нас к ней будто вернулась прежняя свирепость и она еще раз попыталась было, отчаянным прыжком заскочить на стену. Хэтчисон не смог удержаться от смеха.

— Ну, прощай, старушка! Извини, что попортил тебе нервы. Впрочем, время — лучший лекарь. Будь здоров!

Заканчивая долгую прогулку по прекрасному ансамблю готической архитектуры, мы почти забыли про неприятный утренний инцидент. Раскидистые и благоухающие в своем цветении лимонные деревья, шелест листвы и дивная

красота простиравшегося перед нами ландшафта почти стерли из памяти досадный случай с котенком.

В тот день мы оказались единственными посетителями Башни пыток и эта малолюдность была нам явно на руку, поскольку предоставляла практически неограниченные возможности и время, чтобы тщательно изучить каждый экспонат. Да и старый служитель Башни, чувствовалось, несколько оживился, увидев в нас единственных в этот час поставщиков чаевых. Естественно, он был готов выполнить любую нашу просьбу.

Башня пыток и вправду была мрачным местом, даже несмотря на то, что тысячи посетителей неизбежно привносили в ее атмосферу оттенок живого веселья и робости. Когда мы входили внутрь, строение буквально излучало волны гнетущего недружелюбия, и мне даже показалось, что страшная история башни словно впиталась в осевшую на ее стенах вековую пыль.

Сначала мы осмотрели нижнюю часть помещения. Некогда она утопала в почти непроглядном мраке, да и сейчас солнечный свет, проникавший в нее через распахнутые настежь двери, как бы растворялся в толще стен, чуть оттеняя их грубую каменную кладку. Глубокие борозды и царапины на стенах, будь они живыми, наверняка смогли бы поведать о многих совершенных здесь тайных злодеяниях и человеческой боли. Чадящее пламя длинной свечи на стене уже начинало действовать нам на нервы, и потому мы откровенно обрадовались, когда служитель проводил нас по деревянной лестнице к выходу на залитую солнцем площадку.

Едва миновав перекидной мост, связывающий обе части башни, Амелия неожиданно резко прижалась ко мне. Страх ее был вполне обоснован, поскольку очередное строение казалось еще более зловещим, чем предыдущее. Света здесь, правда, было побольше — ровно настолько, чтобы разглядеть угрюмое обрамление окружавших нас стен. Создатели башни как бы намекали на то, что лишь им, каменщикам, работавшим наверху, были доступны радости яркого солнечного света и окружавшей их панорамы. Еще снизу мы заметили, что в стенах были прорублены оконца, очень маленькие, глубоко утопленные в толщу камня, но все же это было хоть какое-то подобие окон, тогда как остальным помещениям приходилось довольствоваться лишь крохотны-

ми отверстиями не шире бойниц. Некоторые из них были расположены так высоко над полом, что, даже подняв головы, мы могли разглядеть через них лишь крохотные кусочки неба.

В нишах стояли беспорядочно прислоненные к стенам всевозможные мечи, палаши, сабли и другое оружие с широкими лезвиями и острыми краями. Неподалеку расположились несколько деревянных колод, на которых некогда рубили головы; в ряде мест дерево было испещрено глубокими бороздами с неровными, потрескавшимися от времени краями — здесь топор палача, пронзив плоть жертвы, впивался в толщу колоды. По кругу на стенах в неуловимом для неискушенного глаза порядке висели несчетные орудия пыток, один вид которых никого не мог оставить равнодушным. Цепи, обросшие тонкими иглами, от прикосновения которых все тело пронизывала резкая, жгучая, как удар бича, боль, канаты с тугими узлами, на первый взгляд совсем не страшные, но оставлявшие после нескольких ударов на теле узника кровоточащие раны шириной с ладонь. Бесчисленные «пояса», «башмаки», «перчатки», которые по воле истязателей могли вдвое уменьшаться в размерах; плетеные железные шлемы, стискивавшие человеческую голову и превращавшие ее в сплошное кровавое месиво; крюки и ножи с длинными рукоятками — обычный инструментарий тогдашних стражей порядка.

Увидев эти и многие другие орудия пыток, Амелия оказалась чуть ли не на грани обморока. В какое-то мгновение, видимо, почувствовав головокружение, она присела на один из «стульев пыток», но затем, сообразив, резко вскочила с него, тут же сбросив с себя остатки предобмороочного состояния. Мы оба сделали вид, что она лишь побоялась испачкать платье, а Хэтчсон в подтверждение этой версии добродушно рассмеялся.

Однако центральным объектом этого сосредоточения ужасов был, несомненно, особый механизм, известный под названием «Железная дева», который располагался в самом центре помещения. У нее было грубое, похожее на колокол металлическое «туловище» — оно лишь отдаленно напоминало женскую фигуру и, пожалуй, только фантазия автора, ее создавшего и отлившего спереди некое подобие человеческого лица, оправдывало название этого монстра. Снару-

жи проржавевшее покрытие «Девы» облепил толстый слой пыли, а в середине корпуса, примерно на уровне талии, располагалось большое кольцо, через которое была продета веревка, одним концом закрепленная за впаянный в стену крюк.

Служитель потянул за веревку и показал, что с ее помощью статуя раскрывалась — передняя ее часть откидывалась наподобие двери, открывая доступ внутрь, где в полный рост мог разместиться человек. По своей толщине дверь ничуть не уступала основному корпусу фигуры, а потому служителю пришлось всем телом откинуться назад, чтобы как следует натянуть веревку. Кроме того, в конструкции «Девы» была одна особенность — центр тяжести двери размещался несколько сбоку, а потому при малейшем ослаблении противовеса она нагло захлопывалась.

Внимательно осматривая корпус «Девы», мы заметили, что изнутри она также вся покрылась ржавчиной, рыжим пухом выстилавшей чрево дьявольского сооружения. Но лишь приблизившись и заглянув внутрь, мы поняли, в чем заключалось истинное и главное предназначение «Железной девы». На внутренней стороне двери были укреплены длинные металлические шипы, массивные у основания и острые, как шило, на концах. Располагались они таким образом, что захлопывающаяся перед отчаявшимся узником дверь своей громадной массой вгоняла шипы в его тело: два верхних пронзали глазницы, а нижние разрывали сердце и другие жизненно важные органы.

Услышав столь подробное объяснение, моя жена вновь почувствовала себя дурно, так что мне пришлось проводить ее вниз и усадить на скамью. Вернувшись минут через десять — я все же уговорил Амелию продолжить осмотр, пообещав не показывать больше подобных страстей, — мы застали Хэтчисона стоявшим перед дверью «Девы» и пребывавшим в явно философическом расположении духа.

— Знаете, — проговорил он, когда мы подошли, — пока вы отсутствовали, я подумал: мои старые знакомые — тот самый злосчастный «Щепка» и эта индианка — видимо, были уверены, что превзошли всех и вся в искусстве причинять страдания человеческому существу. Бедолаги! Знай они, что человечество еще за несколько веков до их появления на свет создало подобную железную куклу, им при-

шлось бы оставить свои детские забавы с поджариванием людей на огне лучины. Не отказался бы я показать что ему, что ей, пару вещиц из тех, что висят на этих стенах.— Прозненея эти слова, он снова о чем-то задумался, после чего продолжал:

— А знаете, мне сейчас захотелось на минутку залезть внутрь ее. Интересно узнать, что чувствует человек в подобной ситуации.

— Нет, прошу вас! — воскликнула Амелия.— Это слишком ужасно.

— Думаю, мадам, что испытание собственных чувств меня не шокирует. Мне довелось бывать в нескольких переделках, так что я успел приобрести кое-какой опыт, а за одно и выдержку. Помните, я рассказывал вам, как провел ночь в утробе дохлой лошади, пока вокруг меня полыхала загоревшаяся от молнии прерия? В другой же раз мне пришлось залезть в брюхо сдохшего полмесяца назад буйвола — залезть, да еще и виду не показывать, что я там находюсь, иначе разбушевавшиеся индейцы непременно уже небили бы мне живот камнями. Так что, как говорится, не привыкать.

Поняв, что он действительно настроился на этот эксперимент, я посоветовал ему не мешкать и поскорее осуществить свою затею.

— Понял, понял, генерал,— кивнул он.— Но я, пожалуй, еще не готов. Думаю, те несчастные, кому довелось быть моими предшественниками, попадали в брюхо этой «Девы» отнюдь не по своей воле. Наверняка существовал обычай связывать их, чтобы они и пальцем не могли пошевелить. Мне хочется, чтобы все было по правилам.

Он вынул золотую монету и кинул ее служителю.

— Возьми, хранитель ужасов, и не особенно терзай свою совесть. Я пока что не собираюсь устраивать собственные похороны.

Старик для виду еще немного посопротивлялся, заявляя, что это, мол, совершенно против правил, однако в конце концов раздобыл где-то толстую веревку и ею крепко связал верхнюю часть тела Хэтчисона. Затем тот втиснулся вглубь тела «Девы» и старик принялся вязать ноги нашего друга. Амелия со страхом взирала на эту процедуру, однако не решалась проронить ни слова.

Наконец служитель закончил работу и теперь Хэтчисон стоял спеленатый как дитя, и столь же беззащитный. По его лицу блуждала довольная и в чем-то даже тщеславная улыбка.

— Черт побери,— пробормотал он,— а здесь все же тесновато. У нас в Небраске гробы и те делают попроще. Эй, старик, а теперь отвяжи веревку от крюка и конец возьми в руки, да только держи покрепче! Потом начнешь потихоньку отпускать и притворять дверцу. Интересно, как все это будет выглядеть...

— Нет-нет, прошу вас,— снова взмолилась Амелия.— Я этого просто не выдержу.

Но американец заупрямился.

— Слушайте, адмирал,— обратился он ко мне,— а почему бы мадам немного не подышать свежим воздухом? В самом деле, следует позаботиться о ее нервах, даже если я, оказавшись за восемь тысяч миль от собственного дома, решил немного поразвлечься. В конце концов, мужчина не может все время ходить как ухоженный баран на ферме. Давайте быстренько все это проделаем, а потом вместе посмеемся над моей забавой.

Не знаю, то ли женское любопытство оказалось слишком сильным, то ли что еще, но Амелия решила все же остаться — прижавшись ко мне и вцепившись в мой локоть, она неотрывно смотрела на Хэтчисона. Тем временем служитель начал медленно отпускать веревку и дверь стала постепенно приближаться всеми своими шипами к телу узника. Лицо Хэтчисона светилось возбуждением, он внимательно всматривался в надвигающиеся на его глаза иглы.

— Похоже, со дня отъезда из Нью-Йорка я не испытывал ничего подобного,— продолжал бормотать он.— Ну что это за континент — Европа! Вот бы сюда парочку индейских банд... Эй, судья! — прокричал он служителю,— помедленнее там, я же плачу тебе деньги, так что дай мне возможность насладиться зрелищем и возбуждением!

Похоже, служитель унаследовал от своих далеких предков навыки истязателя, и его движения, то приближавшие, то удалявшие от Хэтчисона зловещую дверь, снова стали действовать Амелии на нервы, и без того довольно напряженные. Я бросил на нее встревоженный взгляд и, к своему удивлению, обнаружил, что она не обращает никакого вни-

мания на манипуляции служителя — взгляд ее словно прирос к одной точке где-то в глубине камеры.

Последив за ним, я увидел все ту же черную кошку, притулившуюся в дальнем конце помещения. Животное сверкало зелеными глазами, горевшими как сигнал опасности, и цвет их еще более усиливался на фоне подсохшей красной влаги, покрывавшей мохнатую спину и ощерившуюся пасть.

— Это опять она! — воскликнул я.— Смотрите, та же кошка!..

Не успел я закончить эту фразу, как животное одним махом преодолело разделявшее нас расстояние и оказалось рядом с «Железной девой». Сейчас кошка походила на ликующего демона, оказавшегося рядом с еще более сильным покровителем зла. Глаза излучали ненависть, вставшая дыбом шерсть чуть ли не вдвое увеличивала ее действительные размеры, хвост хлестал из стороны в сторону, словно у тигра, видящего перед собой добычу. Хэтчсон тоже заметил ее и, как мне показалось, глаза его засверкали изумленным восторгом.

— Черт побери, эта «индианка» объявила нам войну! Что ж, посражаемся, моя милая. Только пока отгоните ее подальше, а то со всеми этими веревками я и пальцем пошевелить не смогу, если она вздумает выцарапать мне глаза. Эй, стариk, не забывай про веревку!

Теперь Амелия уже сама попросила проводить ее наружу. Я обнял супругу за талию и повел к выходу, краем глаза успев заметить, что кошка, выгнув спину, изготовилась для прыжка на своего врага.

Однако произошло нечто совсем иное. Неожиданно для всех она с диким, даже каким-то адским воем бросилась на... служителя, нацелив вытянутые когти прямо ему в лицо. Они до сих пор стоят у меня перед глазами — длинные как клинки, которыми она с безжалостной силой вцепилась в лицо бедного старика. Еще один взмах, и от его левого глаза чуть ли не до самого подбородка потянулась красная, слезящаяся бурой кровью полоса.

С криком ужаса и боли служитель отпрянул назад, к стене, выпуская веревку из рук. Я бросился, было, к нему, но опоздал — длинный жгут молнией метнулся сквозь кольцо, и ничем не сдерживаемая громада металла с оглу-

шительным звоном и лязгом соединилась с корпусом «Девы».

За какое-то мгновение перед тем, как все это произошло, я успел заметить застывшее на лице Хэтчисона выражение безмерного ужаса; в глазах его словно промелькнула смертельная тоска по чему-то далекому, неведомому...

С губ несчастного не сорвался ни единый звук. Шипы сработали отменно. Когда я все же набрался сил и открыл дверцу «Девы», то понял, что конец, к счастью, был почти мгновенным — острые иглы настолько глубоко вошли в тепло Хэтчисона, что буквально рассекли череп на три равные части. Ниже я смотреть не стал...

Лишенное опоры, но продолжавшее оставаться связанным, тело вывалилось наружу и с мокрым, чавкающим звуком рухнуло на пол у моих ног, вытянувшись во всю длину. Голова повернулась и застыла, а лицо устремило к потолку безжизненный взгляд.

Я подскочил к жене, обхватил ее и вывел на свежий воздух, поскольку понимал, что сейчас обморок неизбежен. Едва усадив ее на скамью, я бросился обратно.

Наш служитель сидел, прислонившись к деревянной колонне и оглушая помещение надсадным стоном, одновременно стараясь хоть как-то сдержать носовым платком струившуюся по лицу кровь.

А на лице Хэтчисона сидела та самая кошка, с довольно выражением слизывавшая — как тогда с котенка — кровь с пустых глазниц нашего мертвого спутника.

Думаю, никто не посчитает меня жестоким за то, что, схватив один из стоявших у стены мечей, я рубанул им по этой чертовой ведьме, отчего тело ее надвое разлетелось в разные стороны.

Артур Порджес

БАРАБАНЩИК

Артур Порджес всегда считался автором детективных произведений, и, как это и бывает довольно часто в подобных случаях, его произведения, относящиеся к другим жанрам, оказались во многом забыты или обойдены вниманием критиков и читающей публики. Между тем он не только является творцом детектива, расследующего хитросплетения криминального замысла, сидя в инвалидном кресле, но также опубликовал ряд рассказов сугубо мистического, сверхъестественного и «ужасного» толка, обычно отличающихся четкой проработанностью сюжетной линии. Возможно, в этом оказывается его строгий научный подход к подготовке своих произведений, и немудрено — ведь автор долгое время являлся преподавателем математики в университете.

Содержание его снов резко и неожиданно изменилось. Очаровательная девушка, которую он преследовал по залитому лучами солнца саду, бесследно исчезла. Он искал ее всюду и, так и не найдя, впал в отчаяние, поскольку лишь во сне мог наслаждаться обществом молоденьких стройных девушек. Он уже собирался было высledить одну из ее призрачных сестер, когда впервые заметил, что небо сильно потемнело. Перед глазами поплыла странная, почти неуловимая для взгляда дымка, которая стала медленно, но неумолимо опускаться на окружавший его игравый и беззаботный мир. Солнце превратилось в едва различимое, маслянисто-багровое пятно, в мгновение ока придав веселому ландшафту непривычный и даже зловещий оттенок.

В последнее время подобные перемены происходили с ним все чаще. Безмятежная и счастливая в ярком свечении Земли Снов, к нему приходила его давно забытая юность, и он забавлялся, наслаждаясь притоком божественных сил и ничем не сдерживаемой свободы, что было достижимо теперь, увы, лишь в сновидениях. Однако постепенно — сначала лишь изредка, а в последнее время все чаще — в этом упоительном, пьянящем плавании в ночи стали происходить внезапные перемены настроения, превращавшие его переживания в сплошную пытку.

Вот и сейчас его со всех сторон окружали порожденные сном миниатюрные, а то и просто крохотные создания, разбегавшиеся в разные стороны подобно муравьям в струе ядовитого аэрозоля; уносясь на своих бесшумных ножках, они оглушали пространство слившимися воедино воплями страха, хором призывая спасителя: «Барабанщик! Барабанщик!»

Барабанщик! Он в очередной раз вспомнил его, а вспомнив, опять испугался. До него с отчетливой и безраздостной ясностью наконец дошло, что теперь он сам стал объектом преследования, оказался низверженным со своего величественного пьедестала, делавшего его повелителем царства снов, в бездонную пропасть выматывающего душу страха. Вместо того, чтобы своюенравно управлять окружавшими его со всех сторон крохотными существами, он сам куда-то мчался, едва ли не летел, скрываясь от неведомого ему преследователя, который не был простой смертью,

но именно от своей загадочной сущности становился еще более страшным и кошмарным.

Как и в прошлые разы, он куда-то бежал, выматываясь до такой степени, что все его тело превращалось в единый комок полыхающей, агонизирующей плоти; ему приходилось, задыхаясь и захлебываясь рываниями, укрываться от таинственного врага, устремляясь к спасительному покрову родного дома. В самое последнее мгновение он каким-то чудом успевал заскочить в него, захлопнуть за собой дверь и... проснуться. Он лежал, насквозь промокший от липкого, холодного пота, с дико бьющимся сердцем, но уже бодрствуя — о, как радовался он этому пробуждению! — и чувствуя себя в безопасном окружении собственной постели.

Некоторое время он продолжал находиться в состоянии полной неопределенности, расходуя драгоценные секунды на то, чтобы разобраться, что же за существо гналось за ним. Оглушенный и одновременно изумленный отравленными воспоминаниями, он оглядывался вокруг себя, боясь устремить взор прямо перед собой и вместе с тем холода при одной лишь мысли о том, что ему и в самом деле удастся разглядеть то, что доселе было столь тщательно от него скрыто.

Там, на дальнем краю подернутой дымкой, воображаемой территории, таилось громадное красное существо, волосатое и зловеще-неуклюжее, с яростной одержимостью пытающееся сокрушить его порожденное сном жалкое убежище. Громадные передние лапы диковинного зверя были устремлены ввысь, а все тело раскачивалось из стороны в сторону, пока оно преследовало свою жертву.

Словно погруженный в клейкую массу собственного страха, он видел, как сужается окружавшая его зона безопасности.

Какой-то шанс на спасение у него, однако, все же сохранялся. Ему надо было спрятаться. Вон за тем деревом — откуда оно появилось? — с толстым стволом. Он проворно юркнул за него и, задыхаясь, обнял его спасительную, покрытую шершавой корой древесную плоть. На какое-то мгновение он почувствовал себя в безопасности, но тут же заметил, что кора начала терять свою былую жесткость, становясь все более гладкой и прохладной. Де-

рево стало чуть поблескивать, преображаясь у него на глазах, а потом сделалось почти прозрачным, будто отлитым из слегка дымчатого стекла. И теперь Барабанщик отчетливо видел его...

Согбенная, напряженная фигура чудовища выпрямлялась во весь рост, лапы триумфально взметались ввысь — спящий тоже словно сбрасывал с себя охватившее его мимолетное оцепенение и судорожно извивался, всей душой желая в такие мгновения взмыть ввысь.

И в тот же миг у него за спиной вновь раздавался хриплый рев. Гонка продолжалась...

На какие-то секунды возможная лишь во сне легкость движений вселила в него надежду на спасение. Он с размахом бросился вперед, уверенно перелетал над канавами, заборами, стволами деревьев и реками, без малейшего усилия проносился над испещренными препятствиями холмами, склоны которых вздымались перед ним почти вертикальной стеной. Его ноги отыскивали спасительную тропу в непостижимом хитросплетении колючего кустарника, и он гигантскими прыжками преодолевал уходящие в небо барьера, возникавшие буквально из ничего и преграждавшие ему путь. Никто не мог бы сравниться с ним по легкости и гибкости движений, он был готов потягаться с самим солнцем, плавно скользившим по небу, отталкивая летящими ногами весь мир; в такие мгновения он был подобен самому богу Меркурию...

Но вскоре омерзительные хрипы Барабанщика вновь стали доноситься до его ушей, а нежные зыбучие пески, заполонившие Землю Снов, все сильнее замедляли его отчаянный бег. Каждый шаг теперь давался ценой громадного напряжения сердечной мышцы, пока он пересекал поросшие мокрой травой луга, опустевшие улицы, захламленные комнаты, по которым никогда не ступала нога человека, длинные-длинные коридоры, за изгибами которых притаились застывшие в готовности к прыжку кошмарные чудовища.

Он продолжал борьбу, подстегиваемый страхом неминуемой гибели, пересекал громадный подвал — черный и промозглый, оскалзливший пол которого загромождали проржавевшие части невообразимых механизмов.

И постоянно ощущал непосредственно у себя за спиной

глухой топот косолапого Барабанщика, преследовавшего его с неумолимой настойчивостью.

Спящий внезапно принял решение — совсем простое, но ранее почему-то ускользавшее от его внимания. Там, впереди, прямо у него по курсу, находилась отвесная скала, с которой он сможет броситься вниз и нырнуть в воду, оставив своего преследователя с носом.

Задыхаясь, он принял карабкаться по каменистому склону, со всем большим трудом извлекая ноги из сырой, вязкой грязи. Добравшись до вершины, он издал торжествующий крик, символизируя этим вызов, который он бросал Барабанщику, и в следующее мгновение с ликованием в сердце кинулся в бездну, в глубине которой меж стенами узкого ущелья бесновался пенящийся матово-черный поток.

Несколько часов длился этот тошнотворно убыстряющийся полет, пронзительный свист в ушах попросту сводил его с ума, но наконец дикая река взметнулась ему навстречу и приняла его в свое чрево. Наконец-то он понял, что это свершилось. Он словно свалился в тесную и все более сужавшуюся расщелину между страницами своей любимой и давно забытой книги — «Сказки братьев Гrimm» — и весь напрягся, ожидая встречи с обжигающим пламенем ледяной воды.

Но получилось почему-то так, что он оказался по пояс в затхлом болоте, тогда как его усталый мозг продолжали терзать булькающие вопли Барабанщика.

А потом он увидел впереди себя железнодорожное полотно, по которому стремительно несся вытянутый, длинный, обтекаемый предмет, весело искрящийся огнями и грохочущий по стыкам рельс. Вот промелькнули окна пассажирского вагона, похожего на фоне неба на яркую цветную вспышку жгучего пламени. Вагон был заполнен изысканно одетыми людьми, которые беззаботно отхлебывали из своих стаканов какие-то напитки и весело болтали. При виде этого зрелища его сердце наполнилось безотчетной, щемящей тоской.

Если его спасут, то он сможет присоединиться к безопасной и счастливой массе пассажиров, а нет — тогда погибнет под громадными грохочущими колесами. В следующее мгновение он увидел себя лежащим на шпалах, съежившегося между рельсами и ожидающего того момента,

когда пыхтящий локомотив сокрушит его своей немыслимой, убийственной массой.

Однако состав неожиданно заскрежетал проржавевшим, старомодным стальным скотосбрасывателем и остановился в нескольких ярдах от его лица. Все огни тотчас погасли, а сам он резко вскочил на ноги и побежал вдоль темных вагонов, колотя во все двери и крича: «Помогите! Впустите меня! Пожалуйста, пожалуйста, ради Бога, впустите меня!» В ответ не послышалось ни звука — разве что доносились глухие, монотонные шлепки подтекающего масла, едва различимое шипение вырывающегося наружу пара, да ехидное, злобное похохотывание клапанов.

И снова этот неумолимый, странно-ритмичный топот когтистых лап: Луб-ДУП! Луб-ДУБ! Прекратив свои тщетные мольбы, он снова сорвался с места и уже не глядел на поезд, который, словно по дразнящей иронии судьбы, вспыхнул всеми своими огнями и вновь устремился вперед — в мир безопасности и света.

Где-то в глубине его сознания зловещий голос повторял бессмысленную фразу, которая эхом вторила топоту ног Барабанщика: «Систола! Диастола! Систола! Диастола!» Неведомый голос презрительно насмехался над ним, пока спящий человек летел вперед, следя непостижимым даже ему самому курсом.

Он уже почти выхолостил все скучные запасы своих сил, и в этот момент, как, впрочем, и всегда, впереди показались знакомые огни родного дома, радостные и дружелюбные — там его поджидало спасительное убежище надежных каменных стен.

Он вскарабкался по ступеням крыльца, чувствуя на спине разгоряченное хриплое дыхание преследовавшего его по пятам Барабанщика. Мохнатая когтистая лапа скользнула по его обнаженной шее, разрывая воротник рубахи, и от этого внезапного прикосновения он почувствовал, как сердце вновь переполняется ощущением дикой, леденящей паники. Но вот дверь захлопнулась, отсекая путь его грозному преследователю, и он побрел по длинному, темному коридору к своей спальне. Вот закрылась очередная тяжелая дверь, щелкнула задвижка, и он, сотрясаясь от раздирающих грудь отчаянных рыданий, рухнул на кровать, застыв в неподвижной позе.

Еще никогда враг не подбирался к нему столь близко, и пока он лежал, тихо вздрагивая от обессиленного плача и едва различимых, бессвязных фраз благодарности и признательности судьбе, в приближающемся рассвете чудесного утра постепенно стали проступать то чётче вырисовывавшиеся, то снова расплывавшиеся очертания знакомых предметов. Вся его одежда промокла от пота; сердце нестройно подрагивало, но снаружи, из сада, доносилось все более громкое чириканье вьюрков, хотя теперь он уже не спал — и был в безопасности.

Едва осознав это, он почувствовал, как его захлестнула мучительная от своей безудержной моци волна облегчения, и он позволил себе безмятежно разметаться на смятых простынях.

— Это все вчерашняя проклятая жирная пища,— про бормотал он себе под нос.— Не надо было даже прикасаться к ней...

И тут же замер, отказываясь верить в чудовищный кошмар. Что это? Чьи тяжелые шаги ступают там, в холле?

Что-то шло по коридору, приближаясь к дверям спальни, и сердце его вдруг забилось в унисон звукам чуть поскрипывающих половиц.

В следующее мгновение раздался оглушительный треск, и массивная дверь разлетелась прямо по центру, словно была сделана не из дерева, а из мокрой картонки. Волосатая лапа, на которой отчетливо прорисовывались тугие мускулы, яростно протиснулась в проломанное отверстие и принялась ощупывать пространство перед собой.

Он закрыл глаза. Грохот сердебиения нарастал в безумном крещендо. Забравшись под одеяла, съежившись под ними и цепенея от страха, он почувствовал, хотя, разумеется, ничего не мог видеть, прыжок Барабанщика, опустившего свое грузное тело на его слабо вздымавшуюся грудь.

От этого внезапного соприкосновения с грубым и лохматым существом биение его сердца замерло, словно подчинившись повелительному взмаху руки невидимого регулировщика жизненного движения. Какое-то бесконечно долгое мгновение он чувствовал усевшееся у него на груди существо и ощущал теплое зловоние его дыхания, вырывавшегося из угрожающее подрагивающих ноздрей.

Из этого второго сна, который, казалось, обманным путем перенес чудовище в его реальный мир, спасения уже не было. Две пучины — одна черная и холодная, а другая пурпурная и теплая — внезапно нахлынули на него, словно вступив между собой в безмолвную и бесполезную тяжбу. Он осознал — правда, уже слишком поздно — что именно уселось ему на грудь, но знание это пришло вместе с окончательным воцарением торжества темноты, ввергнувшей его в ночь, конца которой не было и никогда не будет.

Обнаружили его в то же самое утро. На груди его, аккуратно вобрав когти и мягко урча, покоился большой персидский кот Белшазар, который мирно дремал в теплых лучах солнца, освещавшего перекосившееся от невыносимой боли лицо его хозяина.

Врач поставил диагноз — тромбоз сердечной мышцы. Это действительно означало смерть.

Джозеф Шеридан Ле Фану

БЕЛЫЙ КОТ ИЗ
ДРАГМАНЬОЛА

Родственник драматурга Ричарда Шеридана, Джозеф Шеридан Ле Фану (1814—1873), отказался от карьеры юриста ради журналистики и, в конце концов, стал владельцем и издателем нескольких журналов, в том числе «Журнала Дублинского Университета», в котором он опубликовал многочисленные рассказы на темы ужасов и сверхъестественного. Помимо этого, в период с 1845 по 1873 годы он написал четырнадцать романов, из которых наиболее известны «Дом на Церковном дворе», «Шах и Мат» и «Дядя Сайлес» — шедевры литературы о силах зла. Среди множества его рассказов есть история о вампирах «Кармилла», неоднократно экранизированная: одна из последних ее киноверсий — фильм «Любовники вампира».

К концу жизни увлечение Ле Фану темами смерти и ужасов сделали его одиноким, все более избегающим общества человеком. М. Р. Джеймс, весьма авторитетный эксперт в данной области, считает его лучшим британским автором историй о призраках.

«Журнал общества физических исследований» в январе 1927 года рассказал о призраке белого котенка, который много раз являлся людям на протяжении тринацати лет, причем часто — нескольким очевидцам одновременно. Каждое такое появление белого котенка спустя короткое время сопровождалось смертью человека, каким-либо образом связанного с этим появлением. В рядах случаев последствием была не смерть, а начало неизлечимой болезни.

Есть также много свидетельств о черных фантомных Кошках, чьи появления предшествовали смерти кого-либо из обитателей дома. Специалисты по оккультным наукам единодушны в мнении, что из всех призраков животных призраки Кошек — значительно активнее всех прочих.

Есть знаменитая история о белой кошке, которую каждому из нас поведали в раннем детстве. Я собираюсь рассказать здесь историю белой кошки, которая совершенно не похожа на любезную очаровательную принцессу, на время принявшую кошачье обличье. Та белая кошка, о которой буду говорить я, была куда более зловещим животным.

Когда путешественник, направляющийся из Лимерика в Дублин, оставляет слева холмы Киллалоу, а прямо перед собой видит гору Киипер, то справа он оказывается охваченным множеством холмов пониже. Волнистая равнина, плавно спускающаяся по обе стороны дороги, с разбросанными тут и там группами деревьев придает всему окружающему несколько диковатый и одновременно меланхолический оттенок.

Среди немногих человеческих жилищ на этой одинокой равнине, посыпавших к небу струйки дыма, находилось небрежно крытое соломой строение из обожженной глины, дом «крепкого фермера», как называли в Мюнстере наиболее процветающих представителей класса арендаторов. Дом этот расположился посреди группы деревьев на берегу извилистого ручейка, примерно посередине между горами и дорогой на Дублин. Дом уже в течение нескольких поколений населяли Донованы.

Оказавшись в этой отдаленной местности и желая изучить некоторые древнеирландские рукописи, попавшие ко мне в руки, я искал учителя, который мог мне помочь в древнеирландском. Мне рекомендовали мистера Донована, человека глубоких знаний, мечтательного и безобидного.

Я узнал, что он окончил колледж Святой Троицы в Дублине и теперь зарабатывал на жизнь учитительством. Особое направление моих исследований отвечало его национальным пристрастиям, и потому он охотно пользовался возможностью изложить свои давно выношенные суждения и долго хранившиеся сведения о своей стране и начальных периодах ее развития. Именно он и поведал мне ниже следующую историю, которую я и хочу воспроизвести здесь так, как услышал от него.

Мне довелось самому видеть старый деревенский дом с фруктовым садом, где стволы гигантских яблонь поросли мхом. Я осмотрел причудливый ландшафт, окружавший

дом; лишенную крыши и поросшую плющом башню, которая лет двести назад давала изгнанникам защиту от нападений и насилия; заросший кустарником холм, расположившийся примерно в ста пятидесяти шагах, напоминал о трудах ушедших поколений; темные очертания старого Ки-иера в отдалении; одинокая цепь покрытых вереском холмов, образовавших близкий барьер; множество серых камней и кучки карликовых дубов и берез. Непреходящая атмосфера одиночества делала этот пейзаж вполне достойным фоном для фантастического, дикого и загадочного происшествия. И я вполне мог себе представить, как серым зимним утром, когда все вокруг покрыто снегом, или в холодном великолепии лунной ночи, этот вид мог настроить романтический ум простодушного Дэна Донована на мистический лад и побудить воображение к рождению иллюзий. Справедливости ради, стоит, однако, сказать, что я не встречал еще человека более прямодушного и надежного, на честность которого вполне мог рассчитывать.

«Когда я был еще ребенком,— начал он свой рассказ,— и жил у себя в Драмганьюле, то любил, захватив с собой «Римскую Историю» Голдсмита, отправиться к своему излюбленному месту — плоскому камню, укрытыму ветвями боярышника, рядом с небольшим, но глубоким озерцом, которое, как я слышал, называют «каровым озером». Оно лежало в плавном углублении поля, простиравшегося к северу до старого фруктового сада. Это пустынное место как нельзя более подходило для моих занятий.

Как-то раз, утомившись от чтения, я стал осматривать окрестности, размышляя при этом о героических сценах, про которые только что узнал из книги. Я был в полном сознании, как и сейчас, и вдруг увидел женщину, появившуюся в углу сада и шедшую вниз по склону. На ней было длинное легкое серое платье, такое длинное, что казалось — оно скользит за ней по траве. Внешность ее настолько отличалась от привычной для этих краев, где облик женщины строго зафиксирован традициями, что я не мог отвести от нее глаз. Путь ее лежал по диагонали из одного угла обширного поля в другой, и она двигалась прямо, никуда не отклоняясь.

Когда она подошла ближе, я смог заметить, что ноги ее босы, а взгляд сосредоточен на каком-то отдаленном пред-

мете, дающем ей направление. Путь ее непременно прошел бы рядом со мной, десятью-двенадцатью ярдами ниже места, где я сидел, если бы озерцо нас не разделяло. Но вместо того, чтобы изменить свой курс у края водоема, она пошла дальше так, как будто никакого озера не было, и я увидел так явственно, как сейчас вижу вас, что она идет по поверхности воды.

От ужаса, охватившего меня, я был близок к обмороку. Хотя тогда мне было всего тринадцать лет, я помню каждую мелочь, как будто все это происходит прямо сейчас.

Фигура прошла через просвет в дальнем углу поля и, наконец, исчезла из вида. У меня едва хватило сил добраться домой, я был так взволнован, что практически заболел, и три недели мне не разрешали выходить из дома, ни на минуту не оставляя одного. Я никогда больше не появлялся на этом месте,— таким ужасом было окутано с тех пор для меня все, что там находилось. Даже теперь, по прошествии всех этих лет, я не хотел бы пройти через него.

Виденное я связал с одним таинственным событием, или, если сказать точнее,— со странным обстоятельством, которое на протяжении восьмидесяти лет отличало наше семейство, а вернее — лежало на нем темным пятном. Это не выдумка. Все, кто живет здесь, об этом знают. И все связывали виденное мною именно с этим обстоятельством.

Расскажу о нем как сумею.

Когда мне было четырнадцать лет, то есть через год после видения на поле, как-то вечером мы ожидали отца с ярмарки в Киллоло. Мать не ложилась спать, так как хотела его встретить, а с ней сидел и я, ибо ничего не любил больше подобного бодрствования. Мои братья и сестры, работники фермы, даже мужчины, пригнавшие с ярмарки скот,— все уже мирно спали в своих постелях. Лишь мы с матерью сидели в углу у камина, болтали о том о сем и приглядывали за ужином отца, подогревавшимся над огнем. Мы знали, что отец должен был вернуться раньше тех, кто пригнал скот, поскольку ехал верхом. Он сказал нам, что дождется, пока погонщики выберутся на хорошую дорогу, а затем поспешит к дому.

Наконец, мы услышали голос отца и стук в дверь его тя-

желого кнута. Мать встала с места и впустила отца в дом. Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь видел своего отца пьяным, в отличие от моих сверстников. Но, конечно, он мог позволить себе, как и всякий, стаканчик-другой виски и потому обычно возвращался с ярмарки чуть навеселе, добродушный, с радостным румянцем на щеках.

Нынче же он выглядел потерянным, бледным и печальным. Он вошел, держа в руках седло и узду, бросил их к стене у двери, затем обнял мать и горячо ее поцеловал.

«Добро пожаловать домой, Михаил», — сказала она, отвечая таким же сердечным поцелуем.

«Храни тебя бог, женушка» — ответил он.

И, обняв ее еще раз, отец повернулся ко мне. Я давно уже дергал его за руку, ревниво ожидая внимания к себе. Я был маленьким и легким для своего возраста, поэтому он поднял меня и поцеловал, а затем, пока мои руки обивали его шею, сказал матери: «Запри дверь, милая».

Она так и сделала, а отец, все еще в унынии, поставил меня на пол, подошел к огню и уселся на стул, вытянув ноги к сверкающим углям и тяжело опустив руки на колени.

«Ну же, Мик, дорогой, очнись, — сказала моя мать, явно охваченная тревогой, — расскажи, как шла торговля, все ли было хорошо на ярмарке, или что-то не в порядке, может быть, какие-то проблемы с лендлордом? Что тебя гложет, Мик, драгоценный мой?»

«Ничего такого, Молли. Коровы, благодарение Господу, продавались хорошо, с лендлордом у меня все в порядке, да и остальное тоже. Все прошло без сучка без задоринки».

«Ну, раз все в порядке, то принимайся за ужин, Мики, он как раз подогрелся, и расскажи нам, что новенького».

«Я поужинал по дороге, Молли, и сейчас совершенно не хочу есть», — ответил он.

«Поужинал по дороге?! Зная, что ужин ждет тебя дома и что жена из-за тебя не спит!» — выкрикнула мать с упреком.

«Ты меня не поняла, — ответил отец. — Тут такое случилось, что я всякий аппетит потерял. Ладно, Молли, не буду темнить, а то мне, может быть, недолго осталось, так что я

все тебе расскажу. Вот какое дело — я видел белого кота».

«Боже сохрани нас! — воскликнула мать, мгновенно побледнев, затем попыталась обратить все в шутку и рассмеялась: «Ха! Ты решил подшутить надо мной! Это, наверное, был белый кролик, который в то воскресенье попал в ловушку возле Грэди, в лесу; а еще вот Тейгию видел вчера большую белую крысу».

«Это был ~~же~~ кролик и это была не крыса. Ты что ж, думаешь, я не смогу отличить кролика или крысу от большого белого кота с зелеными глазами размером с полпинни. Спина у него изогнулась на манер моста, он пробежал впереди, пересекая мне дорогу, и, если бы я остановился, то он наверняка стал бы теряться о мои ноги, а то, глядишь, еще вцепился бы когтями мне в глотку — если это вообще был кот, а не что-нибудь похуже!»

Отец совсем тихо закончил свой рассказ, глядя прямо на огонь, провел своей большой ладонью по лбу, потом еще раз и, наконец, тяжело вздохнул, почти застонал.

Охваченная паникой мать молилась. Я тоже был ужасно напуган и готов расплакаться, потому что знал про белого кота.

Похлопав отца по плечу, чтобы хоть немного подбодрить, мать склонилась над ним, поцеловала, и тут же разрыдалась. Отец сжимал ее руки в своих и выглядел очень обеспокоенным.

«Вместе со мной в дом ничего не проникло?» — очень тихо спросил он, повернувшись ко мне.

«Нет, отец,— сказал я,— разве что седло и уздечка, которые ты держал в руках».

«Ничего такого белого не прошло в дверь вместе со мной?» — повторил он вопрос.

«Нет, вообще ничего»,— ответил я.

«Ну и хорошо»,— сказал отец и, перекрестившись, стал что-то бормотать про себя — я понял, что он тихонько молится.

Дождавшись, когда отец закончил, мать спросила, где он увидел это впервые.

«Когда ехал по маленькой дорожке, я подумал, что все остальные остались на большой дороге со скотиной и некому, кроме меня, присмотреть за лошадью. Я решил, что мо-

гу оставить ее там, внизу, на лугу, и я ее туда направил, она была спокойной, ни один волосок на ней не шелохнулся. Я все время ехал верхом, а когда отпустил лошадь и повернул к дому — седло и уздечка были у меня в руках — тут-то я и увидел «это». Оно выскочило сбоку от тропинки, где трава густая и длинная, пересекло мне дорогу, потом вернулось назад, и так появлялось то с одной, то с другой стороны — и все глядело на меня своими сверкающими глазищами; потом мне показалось, что оно ворчит уже где-то сзади, за мной — совсем близко, и это продолжалось до тех пор, пока я не подошел к двери и не позвал вас, и тут вы меня услышали».

Что же в этом происшествии так взволновало моего отца, мою мать, меня самого и, наконец, всех соседей, почему оно вызвало столь дурные предчувствия? Дело в том, что мы все до одного поняли встречу с белым котом, как предупреждение отцу о близкой смерти.

До сей поры такие предзнаменования всегда сбывались. Это случилось и теперь. Через неделю отец подхватил простуду, которая меньше чем за месяц свела его в могилу.»

На этом месте мой честный друг Дэн Донован прервал свой рассказ, и по бесшумным движениям его губ я понял, что он молится о душе своего отца.

Чуть погодя он возобновил повествование.

«Вот уже 80 лет минуло с тех пор, как это предзнаменование впервые коснулось нашего семейства. Восемьдесят? Да, именно так. 90 — ближайшая отметка. В прежние годы мне доводилось беседовать со многими стариками, которые ясно помнили все, связанное с этим заклятием.

А произошло тогда вот что.

Мой двоюродный дед, Коннор Донован в свое время имел в Драмганьоле старую ферму. Он был богаче моего отца и даже моего деда, он арендовал Балрэган и имел на этом хорошие деньги. Но деньги не смягчили его каменного сердца. Мой двоюродный дед был жестоким человеком, во всяком случае — распутным, а это и означает, что в глубине души человек жесток. Он изрядно пил, скверносоловил и богохульствовал в раздражении, и все это было не на пользу его душе.

В те времена жила одна чудесная девушка, из семьи Ко-

улмэнов, что жили в горах неподалеку от Кэппер Каллена. Говорят, там больше такие не живут, что из семейство уже прекратило свое существование. Годы неурожая и голода многое меняют.

Ее звали Эллен Коулмэн. Семья была небогатая. Но девушка была такой красавицей, что для любого могла считаться хорошей партией. Однако худшей судьбы, чем та, что выпала бедняжке, не вообразить.

Моему двоюродному деду Кону Доновану — да простит его Господь! — порой случалось видеть Эллен во время его поездок на ярмарки и в другие места. Он влюбился в девушку, да и кто бы не влюбился?

Он с ней дурно обошелся. Обещал жениться и уговорил с ним уехать, а потом нарушил свое слово. Старая, как мир, история. Она ему наскутила, к тому же он хотел добиться успеха в жизни, завоевать место под солнцем; и вот он женился на девушке из семьи Коллопай, за которой давали большое приданое — 24 коровы, семьдесят овец и сто двадцать коз.

Он женился на Мэри Коллопай и стал еще богаче, а Эллен Коулмэн умерла от горя, однако это не особенно потревожило крепкого фермера.

Он очень хотел иметь детей, но их не было, что стало, пожалуй, его единственным наказанием, поскольку все остальное шло в полном соответствии с его желаниями.

Как-то ночью он возвращался с ярмарки из Ненага. В те годы дорогу пересекал небольшой ручей — позднее через него сделали мостик — в летнее время его русло часто пересыхало. Когда такое случалось, высохшее русло превращалось в тропу, которую путники использовали в качестве короткой дороги к старому дому в Драмганьоле. Вот в это сухое русло, залитое лунным светом, и заехал на лошади мой двоюродный дед. Когда он поравнялся с двумя ясенями, то резко повернул лошадь в сторону луга, намереваясь проехать через проход под большим дубом, откуда до его дома оставалось не более нескольких сот ярдов.

Приблизившись к проходу, он увидел — или ему показалось, что увидел, — как какой-то белый предмет, медленно скользя над землей и мягко подпрыгивая время от времени, движется к тому же месту. Он рассказывал

впоследствии, что предмет этот был по размеру не больше его шляпы, но точнее разглядеть его Кон Донован не смог; тот двигался вдоль изгороди и исчез как раз там, куда направлялся наш путник.

Когда всадник достиг, наконец, прохода, конь вдруг остановился, как вкопанный. Никакие окрики и задабривания не могли заставить его двинуться с места. Донован слез с коня и попытался вести его в поводу, но тот отпрянул, захрапел и начал дрожать всем телом. Всадник вновь забрался на коня. Но ужас не покидал животное, и оно упрямо не подчинялось ни ласке, ни кнуту. Ночь была лунной и достаточно светлой, потому дед был страшно раздосадован упрямым сопротивлением коня. Не зная, в чем причина, и будучи почти у самого дома, он окончательно потерял терпение и стал нещадно понукать животное кнутом и шпорами, сопровождая все это руганью и громкими проклятиями.

Неожиданно конь резко рванул вперед, и Кон Донован, проносясь под широкими ветвями дуба, ясно увидел женщину, стоявшую рядом на берегу. Рука женщины была вытянута и она ударила его по плечам, когда он скакал мимо. Удар бросил его вперед, на шею коня, который в диком ужасе галопом домчался до дверей дома и остановился, отфыркиваясь; от его тела валил пар.

Скорее мертвый, чем живой, мой двоюродный дед вошел в дом. Он рассказал о случившемся столько, сколько счел нужным. Жена его не знала, что и подумать, хотя поняла, что случилось нечто очень дурное. Сам хозяин был очень слаб, чувствовал недомогание и умолял, чтобы послали за священником. Укладывая его в постель, домашние обнаружили у него на плечах четко различимые отпечатки пяти пальцев — как раз в том месте, куда пришелся удар призрака. Эти отметины — говорили, что по оттенку они были похожи на пятна, остающиеся на теле человека, убитого ударом молнии — оставались отпечатанными ча его коже, и с ними он был похоронен.

Когда Кон Донован оправился настолько, что смог говорить о случившемся — рассказывать, как в последний свой час рассказывает человек с камнем на сердце и пятном на совести — он повторил свою историю, но уверял, что не увидел, или во всяком случае — не узнал, лица той фигуры, что стояла в проходе. Но никто ему не поверил. Со свя-

щенником он был откровеннее. У него был вполне понятный повод хранить тайну, но все соседи и так поняли, что увидел он, без всякого сомнения, лицо покойной Эллен Коулмэн.

После этого мой двоюродный дед так и не оправился. Теперь это был тихий, напуганный, сломленный духом человек. Все это произошло в начале лета, а во время осеннего листопада того же года он умер.

Разумеется, по ирландскому обычаю, перед погребением состоялись поминки, поскольку это был богатый, крепкий фермер. Но по ряду причин церемония несколько отличалась от общепринятой.

Обычно тело покойного помещают в большую комнату или кухню в доме. В данном же случае тело поместили в маленькую комнату, дверь из которой открывалась в большую. Во время поминок дверь эта оставалась открытой. Вокруг кровати стояли свечи, на столе лежали трубки и табак, за столом стояли стулья в ожидании гостей.

И вот, во время приготовлений к поминкам, тело было оставлено в маленькой комнате без присмотра. После наступления ночи одна из девушек подошла к кровати, чтобы забрать оставленный там стул. Неожиданно для всех она с воплем выскочила из комнаты и смогла вновь обрести дар речи уже в дальнем конце большой комнаты, сказав окружавшим ее людям:

«Да порази меня Господь, если он сейчас не приподнял голову и не посмотрел на дверь, а глаза у него огромные, как оловянные плошки, и сверкают в лунном свете!»

«Эй, женщина! Ты что, рехнулась?» — сказал один из парней с фермы, которых так называют независимо от их возраста.

«О, Молли, не говори глупостей! Тебе что-то почудилось, потому что ты со света вошла в темную комнату. Почему бы тебе не взять в руки свечку?» — сказала девушке одна из ее подруг.

«Со свечкой или без свечки, но я это видела — настаявала Молли. — Больше того, я могу поклясться, что видела, как он вытянул с кровати руку, и рука эта была раза в три длиннее, чем должна быть, протянул ее по полу и пытался схватить меня за ногу.»

«Чепуха, дуреха, с какой стати ему хватать тебя за ногу?» — насмешливо выкрикнул кто-то из присутствующих.

«Эй, вы, кто-нибудь — дайте мне, ради Бога, свечу», — сказала старая Сэл Дулан, длинная и худая, знавшая все молитвы не хуже священника.

«Дайте ей свечу», — согласились все.

Как бы они все не пытались это скрыть, но все были бледны и напуганы, когда тихонько шли вслед за миссис Дулан, беспрерывно шептавшей молитвы и державшей в руке плошку с сольной свечой.

Дверь была полуоткрытой, как ее оставила бежавшая в панике девушка, и, высоко держа свечу, чтобы лучше видеть комнату, миссис Дулан сделала шаг внутрь.

Если рука моего двоюродного деда и в самом деле была неестественным образом протянута на полу, как рассказывала девушка, то сейчас он вновь втянул ее под покрывало, которым было накрыто его тело. Так что высокой миссис Дулан не грозила опасность споткнуться об эту протянутую руку. Однако не успела она сделать и пары шагов с высоко поднятой свечой, как неожиданно остановилась, уставившись на кровать, которая теперь была полностью освещена.

«Боже храни нас, миссис Дулан, мэм, уйдемте отсюда», — сказала стоявшая рядом с ней женщина, схватив ее за платье и пытаясь в испуге тянуть ее назад. Эта задержка вызвала среди шедших сзади тревогу и шум.

«Потише там, вы все! — произнесла шедшая впереди повелительным тоном. — Вы так шумите, что я ничего не слышу. И потом, кто пустил сюда кота, чей это кот?» — спросила она, подозрительно всматриваясь в белого кота, который сидел на груди покойника.

«Ну-ка прогоните его отсюда! — сказала она, возмущенная подобным богохульством. — Много раз приходилось мне бывать на поминках, но такого я еще не видела. Хозяин дома, на которого взобралась такая тварь, прости Господи! Вышвырните его сию же минуту отсюда, вышвырните, кто-нибудь, говорю вам!»

Все наперебой повторяли это требование, однако никто, похоже, не собирался его исполнить. Все крестились, бормоча про себя предположения, откуда взялась здесь эта тварь. Кот явно был не из дома моего двоюродного деда, да

и вообще раньше его никто не видел. Тем временем кот переместился на подушку, на которой лежала голова покойника и, оглядев присутствующих поверх лица умершего, неожиданно пополз к ним вдоль тела, угрожающе ворча.

Тут все бросились прочь из комнаты в страшном смятении, захлопнули за собой дверь, и лишь через некоторое время самый смелый рискнул заглянуть внутрь.

Белый кот снова сидел на груди покойника. Затем он тихо переполз к краю кровати и, спрыгнув на пол, забрался под нее, так что свисавшая почти до пола простыня скрыла его из виду.

Бормоча про себя молитвы, поминутно осеняя себя крестными знамениями и брызгая вокруг святой водой, люди решились, наконец, войти и стали искать кота, шаря под кроватью колами, пиками, вилами и тому подобными орудиями. Однако ничего там не обнаружили и решили, что животному удалось каким-то образом проскользнуть между их ногами, пока они толпились у порога. Затем дверь тщательно заперли на засов и на висячий замок.

И тем не менее, когда на следующее утро дверь открыли, то обнаружили, что белый кот сидит на прежнем месте — на груди покойника, как будто никуда не исчезал.

Вновь повторилась та же сцена, что и накануне, с тем же результатом, но на этот раз все увидели, что кот притаился под огромным коробом в углу большой комнаты, в котором мой двоюродный дед хранил свои бумаги по аренде, деньги, документы, а также молитвенник и четки.

Миссис Дулан слышала, как он ворчит возле ее пяток, куда бы она ни пошла, и хотя она его не видела, но слышала как кот располагается на спинке кресла, в которое она усаживается, и сразу же начинает рычать ей прямо в ухо, так что она с воплем вскакивала и молилась, опасаясь, что он вот-вот вцепится ей в горло.

А еще служка священника, заглянув за угол дома, под ветвями деревьев старого сада увидел белого кота. Тот сидел неподалеку от маленького окошка комнаты, в которой лежало тело моего двоюродного деда и следил за четырьмя маленькими стеклами так, как обычно коты следят за птицами.

В конце концов кот опять был обнаружен на трупе, и что бы не предпринимали люди — все было напрасно: как только тело оставалось в комнате без присмотра — тут же рядом появлялся белый кот, образуя с покойником прежнее зловещее единство. К ужасу и конфузу всех, это продолжалось вплоть до того момента, когда дверь комнаты открыли для церемонии отпевания.

Кон Донован был похоронен со всеми необходимыми почестями и его история на этом кончается. Но отнюдь не кончается история белого кота. Ни один дух — предвестник смерти — еще не привязывался столь крепко к чьей-либо семье, как этот призрак к нашей. Есть и еще одно важное отличие. Как правило, предвестник смерти испытывает определенную симпатию к семье, которой он достался по наследству, это же существо было явно зловредным. Оно было просто посланником смерти. И то, что оно принимало облик кота — наиболее хладнокровного и мстительного из всех животных — недвусмысленно отражало характер его появлений.

Незадолго до смерти моего родного деда, хотя он и чувствовал себя в то время вполне здоровым, кот тоже появился, причем обстоятельства его появления были очень похожими на те, которые я упомянул, когда рассказывал о своем отце.

За день до того, как мой дядя Тейгю погиб от случайного выстрела собственного ружья, кот явился ему. Это произошло вечером в сумерках, у озерца на поле, где я встретил женщину, шагавшую по воде. Дядя мыл ствол ружья в озерце. Трава там короткая и укрытия поблизости нет. Он не понял, откуда к нему приблизился белый кот, но когда впервые взглянул на него, тот разгуливал около его ног, сердито размахивая хвостом; его зеленые глаза сверкали в сумерках. Кот продолжал ходить вокруг то большими, то малыми кругами, пока дядя не дошел до сада, где видение исчезло.

Моя бедная тетя Кэг — та, что вышла замуж за одного из О'Брайенов, близ Ула — как-то приехала в Драмганьоль на похороны кузины. Но и сама, бедняжка, пережила покойницу только на месяц.

Возвращаясь с поминок в два или три часа ночи и перебираясь по ступенькам через изгородь фермы, она увидела

белого кота. Он держался так близко, что она чуть не упала в обморок; когда же она подошла к двери, кот вспрыгнул на дерево, стоявшее рядом, и покинул ее.

Мой маленький брат Джим тоже видел его за три недели до своей смерти. Вообще каждый член нашей семьи, кто умер или заболел неизлечимой болезнью здесь, в Драмганьоле, непременно видел белого кота, и ни один из увидевших его не может надеяться, что долго проживет после этого.»

**Гектор Хью Монро
(САКИ)**

ТОБЕРМОРИ

Английский писатель Гектор Хью Монро, избравший для своей литературной деятельности псевдоним САКИ, является признанным классиком короткого рассказа, причем именно той его разновидности, которая была особенно популярна на рубеже XIX — XX веков и сочетала в себе оригинальность фабулы со сжатым, насыщенным, чуть юмористичным и одновременно жутковатым содержанием. Никогда не ставя перед собой цели создать произведение из серии «рассказов ужасов», и тем более посвященных магической силе исключительно представителей кошачьего племени, Монро, однако, сумел порадовать читателя приводимой ниже оригинальной зарисовкой, в которой это животное фигурирует на первых рядах в присущем ему неординарном, во многом тревожном и даже зловещем качестве.

Остается лишь сожалеть о том, что этот талантливый писатель погиб в расцвете своих творческих сил, причем — ирония судьбы! — в самом первом бою первой мировой войны.

Петр Лунев

Это был прохладный, промытый дождем день в конце августа, того неопределенного сезона, когда куропатки пребывают еще в безопасности или в замороженном состоянии и охотиться не на что — если только вы не окажетесь южнее Бристольского пролива, в каковом случае вы имеете возможность совершенно законно скакать галопом, преследуя жирных оленей. Вечеринка у леди Бремли происходила не к югу от Бристольского пролива, а потому в этот день вокруг чайного стола собралось много гостей. Несмотря на мертвый сезон и банальный повод, в собравшейся компании не чувствовалось и намека на то утомительное беспокойство, которое может вызвать ужас перед предстоящей впереди игрой на фортепиано или с трудом подавляемое стремление приступить к игре в аукционный бридж. Нескрываемое и беспредельное внимание всех собравшихся было приковано к заурядной и простоватой персоне мистера Корнелиуса Эппина. Из всех гостей леди Блемли он был единственным обладателем сомнительной, неопределенной репутации. Кто-то называл его «умным», и, приглашая его сегодня, хозяйка рассчитывала на то, что его ум хоть частично сможет внести лепту в общее удовольствие. До этого момента у нее не было возможности выяснить, в какой области проявляется его ум, если такая область вообще существовала. Он не был ни остряком, ни чемпионом по крокету, не обладал талантом гипнотизера и не имел способностей в сфере любительского театрального искусства. Да и по внешним данным его нельзя было отнести к тем мужчинам, которым женщины охотно прощают даже явно выраженную умственную отсталость. Он вполне вписывался просто в «мистера Эппина», а имя «Корнелиус» выглядело очевидным надувательством, предпринятым в момент крещения. И вот теперь именно он намеревался поразить мир открытием, на фоне которого изобретения пороха, печатного станка и парового двигателя выглядели сущими безделицами. Последние десятилетия принесли много потрясающих прорывов в области науки, однако в данном случае речь скорее шла о чуде, чем о научном достижении.

— Вы на самом деле хотите, чтобы мы поверили, — говорил сэр Уилфрид, — что вам удалось найти способ обучения животных человеческой речи и что старина Тобермори оказался вашим первым удачным учеником?

— Над этой проблемой я работал 17 лет,— отвечал мистер Эппин,— но лишь в последние 8-9 месяцев появились первые проблески успеха. Разумеется, я провел эксперименты с тысячами животных, однако последнее время работал только с кошками, этими чудесными созданиями, которые смогли столь блестяще вписаться в нашу цивилизацию, сохранив при этом все свои высоко развитые животные инстинкты. То у одной, то у другой кошки обнаруживал я выдающийся интеллект, впрочем, как бывает и с человеческими особями. Когда же я познакомился с Тобермори, то сразу понял, что имею дело с суперкотом, существом экстраординарного интеллекта. В предшествующих экспериментах я далеко продвинулсь по пути к успеху, но в работе с Тобермори, можно сказать, я достиг своей цели.

Свое замечательное заявление мистер Эппин завершил явными нотками триумфа в голосе. Никто из присутствовавших не сказал вслух «Чушь!», хотя губы Кловиса пошевелились в полном соответствии с этим обозначением недоверия.

— Вы имеете в виду,— спросила после небольшой паузы мисс Рескер,— что научили Тобермори произносить и понимать легкие односложные предложения?

— Моя дорогая мисс Рескер,— терпеливо ответил чудотворец,— таким способом обучают маленьких детей, дикарей и умственно отсталых взрослых; когда же имеют дело с животным — носителем высокоразвитого интеллекта, то нет необходимости прибегать к столь упрощенным методам. Тобермори в состоянии совершенно свободно изъясняться на нашем языке.

На этот раз Кловис совершенно отчетливо произнес «Чушь собачья!» Сэр Уилфрид держался более вежливо, но столь же скептично.

— Может быть, лучше принести кота сюда и самим убедиться? — предложила леди Блемли.

Сэр Уилфрид отправился на поиски животного, а остальная компания вяло ожидала представления, в ходе которого ей более или менее искусно будут продемонстрированы любительские способности к чревовещанию.

Через минуту сэр Уилфрид вернулся, его загорелое ли-

цо заметно побледнело, а зрачки расширились от крайнего возбуждения.

— Клянусь Богом, это правда!

Волнение его было неподдельным, и слушатели рванулись к нему в порыве вспыхнувшего живейшего интереса.

Рухнув в кресло, он сказал, переводя дыхание:— Я нашел его дремлющим в курительной комнате и пригласил пойти попить чаю. Он мигнул, как делает это обычно, и тут я повторил: «Пошли, Тоби, не заставляй нас ждать». И тут, Боже правый, он протяжно сказал жутко естественным голосом, что придет тогда, когда ему будет угодно! Я чуть было не выпрыгнул из кожи!

Незадолго до этого Эппин имел дело с абсолютно недоверчивой аудиторией; однако свидетельство сэра Уилфрида немедленно убедило всех. Разом зазвучал многоголосый хор криков изумления, в центре которого находился учений, молчаливо наслаждавшийся первыми плодами своего грандиозного открытия.

В разгар восторгов в комнату вошел Тобермори и с демонстративным безразличием бархатными шажками приблизился к группе гостей, собравшихся за чаем.

Воцарилось неловкое молчание. Всех несколько смущала необходимость обращаться на равных к домашнему коту.

— Немного молока, Тобермори? — спросила леди Блемли с явной напряженностью в голосе.

— Я бы не возражал,— прозвучал ответ, ровный и безразличный по тону. Дрожь едва сдерживаемого возбуждения пробежала по присутствующим, так что можно извинить леди Блемли ее не очень аккуратное наполнение блюдца молоком.

— Боюсь, что я много расплескала,— произнесла она, извиняясь.

— Ничего, в конце концов это ведь не мой Эксминстер, ответил Тобермори.

Вновь возникла пауза, и тогда мисс Рескер в своей излюбленной провинциально-гостевой манере спросила, труден ли был для освоения человеческий язык.

Тобермори посмотрел ей прямо в глаза, а затем перевел взгляд на другую точку. Было очевидно, что отвечать на скучные вопросы он не намерен.

— А что вы думаете о человеческом интеллекте? — неуверенно спросила Мэвис Пеллингтон.

— Чей конкретно интеллект вы имеете в виду? — холдно переспросил Тобермори.

— Ну, например — мой,— сказала Мэвис, слабо хихикнув.

— Вы ставите меня в неловкое положение,— ответил Тобермори, чей тон и поза между тем не содержали и намека на неловкость.— Дело в том, что когда решался вопрос о вашем приглашении на сегодняшнее чаепитие, сэр Уилфрид был против. Он сказал, что вы самая безмозглая женщина среди всех его знакомых и что есть существенная разница между гостеприимством и уходом за слабоумными. На это леди Блемли возразила, что отсутствие ума есть самое ценное ваше качество и именно из-за него-то вас и приглашают, поскольку Вы — единственная из известных ей людей оказались до такой степени идиоткой, что согласились купить их старый автомобиль, который они называют «Зависть Сизифа», потому что он хорошо едет в гору, если его сзади толкать.

Майор Барфилд резко вмешался, попытавшись перевести разговор в другое русло:

— Как идут ваши сердечные дела с той пятнистой кошечкой, возле конюшни, а?

Все тут же поняли, что майор совершил грубый промах.

— Обычно такие вещи не обсуждают публично,— холдно ответил Тобермори,— мои наблюдения за вашим поведением в этом доме позволяют предположить, что вы бы не обрадовались, переведи я разговор на ваши собственные делишки.

Ощущение паники охватило в этот миг не только майора.

— Может быть, сходить на кухню и узнать, не готов ли ваш обед? — поспешила предложить леди Блемли, игнорируя то обстоятельство, что до времени обеда Тобермори оставалось еще, по крайней мере, два часа.

— Благодарю,— ответил Тобермори,— но не сразу, после чая. Я не хочу умереть от несварения.

— Поговорка гласит — «У кошки девять жизней»,— дружелюбно заметил сэр Уилфрид.

— Возможно,— парировал Тобермори,— но только одна печень.

— Аделаида,— сказала миссис Корнетт,— ты что, хочешь отослать кота, чтобы он сплетничал про нас со службами?

Паника между тем стала всеобщей. Узкая декоративная балюстрада проходила перед большинством окон спальных комнат, и теперь каждый с ужасом припомнил, что это было излюбленным местом прогулок Тобермори в любое время суток; там он высматривал голубей — и бог знает что еще! Если ему вдруг вздумается теперь, когда он обрел дар речи, поделиться своими наблюдениями, возникнет более чем щекотливая ситуация.

Миссис Корнетт, которая много времени проводила за своим туалетным столиком и чай цвет лица свидетельствовал о стабильно беспорядочном образе жизни, выглядела не менее обеспокоенной, чем майор. Мисс Скрайвен, создательница страстных и чувственных стихов, которая при этом вела безупречно невинную жизнь, также была раздосадована: если вы добродетельны и умерены в частной жизни, то вовсе не обязательно хотите посвящать в это всех. Щеки Берти ван Тана, который в свои семнадцать лет был уже настолько испорчен, что давно прекратил попытки стать еще хуже, приобрели оттенок вялых лепестков белой гардении, но он, по крайней мере, не выбежал из комнаты, как Одо Финсберри, молодой джентльмен, готовившийся к карьере священника и, по всей вероятности, очень расстроившийся при мысли о тех скандальных сведениях, которые мог бы узнать. Кловису хватило духа сохранять внешнее спокойствие: он про себя поспешно вычислял, сколько времени потребуется, чтобы заказать и доставить через агентство «Биржа и Рынок» коробку моднейших мышек в качестве взятки коту за молчание.

Агнес Рескер даже в такой неловкой ситуации не могла долго оставаться в тени.

— И зачем только я пришла сюда? — театрально всхлинула она.

Тобермори не замедлил на это отреагировать.

— Судя по тому, что вы вчера сказали на крокетном поле миссис Корнетт, вас привлекла еда. Вы описали Блемли, как самых скучных людей из своих знакомых, однако они,

с вашей точки зрения, достаточно умны, чтобы держать первоклассного повара; в противном случае, им вряд ли удалось бы заманить к себе кого-нибудь вторично.

— Это все неправда! Я обратилась к миссис Корнетт и... — попыталась объясниться смутившаяся Агнес.

— Миссис Корнетт впоследствии передала ваши слова Берти ван Таму,— продолжал Тобермори,— и добавила про вас:— Эта женщина — настоящий участник Марша Голодных — она ради плотного четырехразового питания поедет к кому угодно,— на что Берти ван Там заметил...

Тут развитие событий внезапно прервалось. Тобермори увидел большого рыжего Тома из дома приходского священника, который сквозь заросли кустарника направлялся к конюшням. Тобермори мгновенно выскоцил через открытое французское окно.

После исчезновения его слишком способного ученика Корнелиус Эппин оказался под градом едких упреков, тревожных расспросов и отчаянных просьб. Ответственность за случившееся лежала на нем, и он обязался предпринять шаги для предотвращения худшего.

Может ли Тобермори передать свою способность другим котам? — вот первый вопрос, на который от него требовали ответа. Он ответил, что в принципе Тобермори может побудить, скажем, свою подружку из конюшни освоить это новое достижение, но маловероятно, чтобы процесс этот пошел вширь.

— В таком случае,— сказала миссис Корнетт,— каким бы ценным и любимым для вас котом ни был Тобермори, но я уверена, что вы, Аделаида, согласитесь — с ним и с его подружкой нужно немедленно покончить?

— Надеюсь, вы не считаете, что последние четверть часа я испытывала наслаждение? — резко ответила леди Блемли,— Мы с мужем очень любим Тобермори — по крайней мере, очень любили, до того, как ему было навязано это чудовищное достижение; но теперь, разумеется, единственное, что можно сделать,— это уничтожить его как можно быстрее.

— Можно подложить стрихнин в обедки, которые он всегда получает во время обеда,— предложил сэр Уилфрид,— а кошку с конюшни я утоплю собственными

руками. Конечно, тренер будет очень огорчен, лишившись своей любимицы, но я скажу, что у нее и у Тобермори была обнаружена очень заразная форма чесотки, и мы боимся, как бы зараза не проникла на пасарю.

— Но как же мое грандиозное открытие! — стал увершевать присутствующих мистер Эппин, — после всех этих лет исследований и экспериментов».

— Вы можете продолжить свои опыты на ферме, с крупным рогатым скотом, который находится под надлежащим присмотром,— сказала миссис Корнэйт, — или, например, со слонами в зоопарке. Говорят, что у них высоко развит интеллект, да к тому же есть гарантия, что они не будут шнырять по нашим спальням, прятаться под креслами и тому подобное.

Архангел, собравшийся восторженно провозгласить наступление Золотого века и внезапно узнавший, что это событие откладывается на неопределенное время, вряд ли был бы более удручен, чем Корнелиус Эппин, поведавший людям о своем замечательном достижении. Общественное мнение было, однако, не на его стороне; более того, если бы вопрос был поставлен на голосование, то нашлось бы крепкое меньшинство, которое предложило бы включить и его самого в список кандидатов на стрихнинную диету.

Неудачное расписание поездов и болезненное желание дождаться конца этой истории предотвратили немедленный разъезд гостей, однако обед, состоявшийся вечером, нельзя было назвать удачным в смысле живости общения. Сэр Уилфрид изрядно потрудился, улаживая дело с конюшенной кошкой, а затем и с ее хозяином-тренером. Агнес Рескер демонстративно ограничила свою трапезу кусочком засохшего теста, который она, однако, кусала так, словно он был ее личным врагом. Мэвис Пеллингтон в течение всего обеда хранила мстительное молчание. Леди Блемли пыталась поддерживать то, что ей хотелось бы считать беседой, но внимание ее постоянно отвлекалось — она следила за дверью. Тарелка с щедро пропитанными ядом кусочками рыбы стояла в полной готовности на буфете, но подали уже и сладости, и десерт, а Тобермори не появлялся ни в столовой, ни на кухне.

Замогильная атмосфера, царившая во время обеда, ока-

залась тем не менее веселей последовавшего затем ожидания в курительной комнате. Еда и питье, по крайней мере, отвлекали от всеобщего ощущения неловкости. Учитывая напряженную обстановку, обридже никто не вспомнил, а после того, как Одо Финсберри исполнил для безразличной аудитории мрачную пьесу «Мелисанда в лесу», отказались и от музыки. В одиннадцать слуги ушли спать, доложив, что небольшое окошечко в чулане, как обычно, оставлено открытым на случай, если Тобермори пожелает им воспользоваться.

Гости листали журналы из пачки, лежавшей в гостиной, просматривали подшивки «Панча» из библиотеки. Леди Блемли периодически совершила визиты в чулан, откуда возвращалась всякий раз с выражением вялой депрессии на лице, каковое выражение предупреждало любые вопросы.

В два часа ночи Кловис прервал царствовавшую тишину:

— Сегодня он уже не появится. По всей вероятности, он сейчас находится в редакции местной газеты, где диктует первую главу своих мемуаров. Это будет гвоздем номера.

Внеся таким образом свой вклад в общее веселье, Кловис пошел спать. Постепенно его примеру последовали остальные гости.

Слуги, разносившие утренний чай, дали дежурный ответ на дежурные вопросы. Тобермори так и не появился.

Завтрак оказался еще неприятней, чем вчерашний обед, если такое вообще было возможно. Однако незадолго до его окончания наступила развязка. Принесли труп Тобермори, который обнаружил садовник в кустах. По следам укусов на горле и клочкам рыжей шерсти в когтях стало ясно, что он пал в неравной схватке с большим Томом из дома приходского священника.

К середине дня большинство гостей покинул Тауэрс, а после ланча леди Блемли обрела достаточное присутствие духа, чтобы написать язвительное письмо приходскому священнику по поводу потери своего любимца.

Тобермори оказался единственным способным учеником Эппина, и случилось так, что преемников у него не было. Несколькими неделями позже слон из Дрезденского зо-

ологического сада, ранее никогда не проявлявший признаков раздражительности, вдруг разбушевался и убил одного англичанина, который, очевидно, его дразнил. Фамилию жертвы в газетах называли по-разному — то «Оппин», то «Эппелин», но имя всюду указывалось одно и то же: «Корнелиус».

— Если он пытался обучать несчастное животное неправильным немецким глаголам, — сказал по этому поводу Кловис, — то получил по заслугам.

В.Х. Лавкрафт

КОШКИ УЛЬТХАРА

Подобно Эдгару По, Ховард Филипс Лавкрафт (1890—1937) был горячим поклонником Кошки, или, как он ее называл — «спокойной, гибкой, циничной и непревзойденной богини крыши и чердаков».

Застенчивый и отчужденный, живший почти затворником, отличавшийся старомодными манерами, этот великий американский писатель, мастер ужасов, явно предпочитал общество кошек обществу людей. Он писал стихи на смерть кошек, которых особенно любил, а однажды сочинил странное эссе, в котором доказывал неоспоримое превосходство божественной Кошки над грубым собачьим племенем.

Записи Лавкрафта свидетельствуют, что он намеревался создать еще, по крайней мере, три рассказа, в которых Кошки играли бы зловещую роль. К сожалению, замыслы эти не были реализованы и приводимый ниже рассказ — единственное из произведений Лавкрафта, посвященное исключительно Кошкам.

Среди бумаг Лавкрафта была обнаружена следующая запись, послужившая, как полагают, основой его рассказа «Кошки Ультхара»: «Кошка — душа древнего Египта и хранительница легенд забытых империй Меро и Офира. Она — родственница Царя Джунглей и наследница тайн седой зловещей Африки. Сфинкс — ее двоюродный брат и говорит с ней на одном языке, но она древнее Сфинкса и помнит то, что тот уже позабыл».

Предпосылка сказки Лавкрафта не столь уж фантастична, если принять во внимание, что во многих областях Египта кошка была священным животным и ее убийство считалось непростительным святотатством. Греческий историк Геродот, совершивший путешествие по Египту в 450 г. до н. э. и посетивший Храм Богини Кошечки Бастет в Бубасисе, рассказывает об одном невежественном римском легионере, который ударил кошку и был тут же растерзан толпой очевидцев. По-видимому, страх перед возможием со стороны сверхъестественной силы оказался сильнее их страха перед Великим Римом.

Кошки Ультхара появляются еще в одном, более крупном рассказе Лавкрафта — «Поиски неизвестного Кадафа во сне», где они играют роль почти героическую, спасая главного персонажа, некоего Ренольфа Картера от невообразимых последствий, которые ожидали его в лапах жабоподобных чудовищ. В этом рассказе, более причудливом и светлом по тону, чем большинство произведений Лавкрафта, кошки, между прочим, используют крыши домов в качестве трамплинов для прыжков на обратную сторону Луны, которая служит им для игр и развлечений.

Говорят, что в Ультхаре, расположеннном за рекой Скай, никто не имеет права убить кошку; и я могу охотно поверить в это, когда пристально всматриваюсь в нее, ту, что мурлычет сейчас, сидя у камина. Ибо кошка таинственна, загадочна и близка ко всему, что не дано постичь человеку. Она — душа древнего Египта, хранительница легенд забытых городов Меро и Офира. Она — родственница Царя Джунглей и наследница тайн зловещей седой Африки. Сфинкс — ее двоюродный брат, и они говорят на одном языке, но кошка древнее Сфинкса и помнит то, что тот уже позабыл.

В Ультхаре, еще до того, как власти запретили убивать кошек, жил один старик арендатор. Он и его жена обожали отлавливать и убивать соседских кошек. Почему они так поступали, я не знаю; знаю лишь, что многие терпеть не могуточных кошачьих воплей, как и того, что кошки могут бесшумно украдкой пробегать в сумерках по их дворам и огородам. Как бы там ни было, но старики не упускали возможности поймать и прикончить всякую кошку, оказавшуюся поблизости от их лачуги; причем по звукам, доносившимся оттуда после наступления темноты, многие жители догадывались, что способ истребления кошек был весьма изощренным.

Однако тема эта с пожилой четой никогда не обсуждалась другими жителями деревни: отчасти из-за ничем не примечательных постных выражений их иссохших физиономий; отчасти же потому, что дом их был уж очень темным, спрятанным в тени раскидистых дубовых деревьев на краю заброшенного пустыря. Многие владельцы кошек больше боялись стариков, чем ненавидели; и вместо того, чтобы заклеймить их как жестоких убийц, предпочитали следить за тем, чтобы их четвероногие любимцы не приближались к одинокой хижине под темными деревьями. Если все же, благодаря чьему-либо недосмотру, кошка пропадала, и после наступления темноты вновь раздавались характерные звуки, несчастный хозяин животного бессильно страдал, или же благодариł Всевышнего, что такая судьба не постигла кого-нибудь из его детей. Люди в Ультхаре жили простые и о происхождении кошек им ничего известно не было.

Однажды караван странных путников с Юга вступил на

узкие, мощенные булыжником улочки Ультхара. Смуглолицые люди были не похожи на других путешественников, проходивших через деревню дважды в году. Они за серебро предсказывали судьбу на базарной площади и покупали у торговцев яркие пестрые бусы. Из каких краев прибыли эти люди, никто не знал, но было замечено, что они предаются каким-то странным молениям, и что на боковых сторонах их повозок изображены диковинные фигуры с человеческими тулowiщами и головами кошек, ястребов, баранов и львов. Старший над ними носил головной убор с двумя рогами и причудливым диском между ними.

Был в этом необыкновенном караване маленький мальчик без отца и матери, с крошечным черным котенком. Чума жестоко обошлась с ним, отняв родителей, но все же оставила это маленькое пушистое существо, чтобы хоть чуть-чуть скрасить его горе: в детстве легко найти утешение в проказах котенка. И потому мальчик, которого смуглолицые люди называли Менесом, чаще улыбался, чем плакал, играя со своим котенком на подножке причудливо расписанного фургона.

На третий день пребывания путников в Ультхаре Менес не обнаружил своего котенка; он громко рыдал на базарной площади, и тогда кто-то из местных жителей рассказал ему о двух стариках и о звуках, доносившихся из их жилища прошлой ночью. Когда мальчик выслушал это, его всхлипывания перешли в размышление, которое уступило место молитве. Он воздел руки к солнцу и молился на неизвестном жителям деревни языке; да, по правде сказать, они и не вслушивались в его слова, поскольку все их внимание было обращено на небо, на те странные очертания, которые принимали облака. Как ни удивительно, но по мере того, как мальчик возносил к небу свои мольбы, там появлялись неясные, туманные, экзотические фигуры гибридных созданий, увенчанных рогами, которые соединялись диском. Впрочем, у Природы вполне достаточно иллюзий, поражающих воображение.

Вечером того же дня странники покинули Ультхар и больше их никто никогда не видел. Жители деревни же были чрезвычайно обеспокоены, обнаружив, что в ней не осталось ни одной кошки: большой или маленькой, черной, серой, полосатой, рыжей или белой. Старый Крэнон, бурго-

мистр, утверждал, что всех кошек увели смуглолицые в отместку за убийство котенка Менеса; он посыпал проклятья на весь караван и на маленького мальчика. Однако тощий нотариус Нит заявил, что старик-арендатор и его жена заслуживают больших подозрений, ибо их исключительная ненависть к кошкам была общеизвестной.

И все же никто не решался связываться со зловещей четой даже после того, как малыш Аталь, сын хозяина гостилицы, клялся, что своими глазами видел, как все кошки Ультхара медленно и торжественно вышагивали по две в ряд вокруг лачуги на том самом проклятом дворе, что под деревьями, как будто совершали какой-то неслыханный звериный ритуал. Жители деревни не знали, можно ли верить словам такого маленького мальчика, а потому, хотя и боялись, что зловредная чета заколдовала кошек, чтобы всех их умертвить, однако предпочитали отложить выяснение отношений со стариками до того момента, когда они встретятся им за пределами своего темного и отвратительного двора.

В бессильном гневе весь Ультхар улегся спать; когда же на рассвете жители пробудились — гляньте-ка! — каждая кошка оказалась на своем привычном месте у очага. Большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые — все, ни одна не пропала. Более того, кошки они были толстыми, гладкими, лоснящимися, все громко урчали от удовольствия. Жители обсуждали меж собой случившееся и их изумление было немальным. Старый Крэйон продолжал стоять на своем, уверяя, что смуглолицые уводили кошек с собой, потому что до сей поры не было случая, чтобы хоть одна кошка вернулась живой из дома старика и его жены. В одном все были единодушны: отказ всех кошек сразу от привычной порции мяса и блюдца молока был совершенно необъяснимым. Но факт остается фактом, и в течение двух дней гладкие и ленивые кошки Ультхара не притрагивались к еде, а только дремали на солнышке или у огня.

Прошла целая неделя, прежде чем жители деревни заметили, что нет огня в окнах дома под деревьями. Тогда тощий Нит обратил внимание, что с той самой ночи, когда вдруг разом исчезли все кошки, никто не видел ни старика, ни его жены. Когда пошла вторая неделя, бургомистр, пре-возмогая страх, решился по долгу службы нанести визит

в подозрительно притихшее жилище, при этом предусмот-
рительно прихватив с собой в качестве свидетелей Шэнга,
кузнеца, и Тхала, камнерезчика. И вот когда они, без труда
открыв ветхую дверь, вошли в дом, то увидели такую карти-
ну: на земляном полу лежали два доиста обглоданных че-
ловеческих скелета, а в затененных углах ползали одинокие
тараканы.

Впоследствии среди жителей Ультхара было много
разговоров по этому поводу. Зат, следователь, долго диску-
тировал с Нитом, тощим нотариусом, а Крэнон, Шэнг и
Тхал буквально задыхались от расспросов. Даже малыш
Атал, сын хозяина гостиницы, был подвержен тщательному
допросу и получил в награду леденец. Во всех этих разгово-
рах речь шла о старике-арендаторе и его жене, о караване
смуглолицых странников, о маленьком Менесе и его черном
котенке, о молитве Менеса и о состоянии неба во время
этой молитвы, и о том, что было впоследствии обнаружено
в доме под темными деревьями.

И в завершение всего жители приняли тот удивитель-
ный закон, о котором впоследствии судачили торговцы
в Хатнеге и спорили путешественники в Нире: а именно, что
в Ультхаре ни один человек не имеет права убить кошку.

Барри Пэйн

СЕРАЯ КОШКА

Барри Пейн (1864—1928) оставил карьеру военного с тем, чтобы окунуться в мир профессиональной журналистики и превратиться затем в преуспевающего писателя, автора ряда романов и многочисленных сборников коротких рассказов. Среди его героев — Константин Дикс — обаятельный мошенник. Хотя Пейна больше знают как сатирика, пишущего о жителях лондонских пригородов, он жадно интересовался и оккультными науками. Этот его интерес ярко отражает рассказ «Серая кошка».

Эту историю я услышал от архидьякона М. Полагаю, что было бы нетрудно, приукрасив ее и кое-что изменив то тут, то там, представить ее в виде, допускающем и простое толкование. Но я предпочел рассказать ее так, как рассказали мне.

В конце концов, всегда существует какое-либо объяснение, даже если оно и не дается прямо и четко. Читателю должно быть предоставлено право выбора: верить ли в то, что некоторые из представителей так называемых «нецивилизованных народов» обладают скрытыми возможностями, которые могут значительно превосходить возможности «цивилизованных», или же он сочтет возможным объяснить случившееся происшествие, как простую цепь совпадений. Не думаю, что для читателя важно будет знать, какой точки зрения придерживаюсь я сам: у меня есть причины свою точку зрения держать в тайне.

Сначала несколько слов об архидьяконе М. Когда произошли эти события, ему было 49 лет. Это был блестящий ученый, человек большой эрудиции. Его взгляды примечательно широки, или же, как говорили его недоброжелатели,— «изысканно утонченны». В молодости он занимался спортом, но с возрастом из-за сидячего образа жизни и желания потакать своим прихотям заметно располнел и более уже не утруждал себя никакими физическими упражнениями. Ему никогда не доводилось переживать каких-либо нервных потрясений. Он умер около трех лет назад от сердечной недостаточности. Он рассказывал мне эту историю дважды по моей просьбе; между двумя повествованиями прошло около шести недель. Некоторые детали всплыли на поверхность благодаря моим собственным вопросам. После этой предварительной справки я перехожу к описанию событий.

В январе 1881 года архидьякон М., который был большим любителем поэзии Теннисона, приехал в Лондон. Главным образом, для того, чтобы посмотреть новый спектакль в театре Лицеум. Он не попал на премьеру, которая состоялась третьего января, и вынужден был довольствоваться одним из последующих представлений на той же неделе.

Большее впечатление на него произвело великолепие декораций, а не сама пьеса. Покинув театр, он с трудом

смог найти кэб. Он уже немного прошелся по Стрэнду, как вдруг совершенно неожиданно столкнулся со своим старым другом Гаем Бредоном.

Бредон обладал солидным состоянием, состоял членом научных обществ, увлекался изучением проблем Центральной Африки, был на 2-3 года моложе архидьякона и обладал недюженной физической силой.

Бредон несказанно удивился, встретив архидьякона в Лондоне. Архидьякон не менее удивился тому, что Бредон вообще находится в Англии. Бредон пригласил архидьякона к себе, послал слугу в кэбе в гостиницу «Лэнгхэм», чтобы тот оплатил счет архидьякона и прихватил с собой его багаж. Архидьякон пытался было сначала возражать, но Бредон и слышать не хотел, чтобы его гостеприимство было отвергнуто. Бредон расположился в дорогостоящей квартире, прямо над обивочной мастерской, недалеко от площади Беркли. В квартиру вела отдельная дверь с улицы и дальше отдельная лестница на 2-й и 3-й этажи здания.

Квартира Бредона находилась на втором этаже. Квартиру на третьем этаже арендовал некий член ирландского парламента. В то время в ней никто не жил.

Бредон и архидьякон прошли через входную дверь, поднялись на первую лестничную площадку и оттуда уже попали в квартиру. Бредон лишь незадолго до этого снял эту квартиру, и архидьякон там прежде никогда не был. Она представляла из себя широкий коридор в форме буквы «L», и все комнаты выходили в него. Стены квартиры были увешаны многочисленными охотничими трофеями: и рогатые головы, чучела животных украдкой наблюдали за посетителями. Великолепная коллекция смертоносного оружия тускло мерцала при свете неярко горевших газовых ламп.

Слуга Бредона успел приготовить ужин еще до того, как отправился в «Лэнгхэм». Так что вскоре они уже, отдавая должное устрицам, блюду из холодного фазана с отменным салатом, за бутылкой «Поммери 74» обсуждали Теннисона и Ирвинга, а также пародию на «Королеву мая», которая недавно появилась в журнале «Панч». Как всегда, архидьякон до мелочей запомнил все то, что подавалось на ужин, и даже то, что Бредон едва пригубил бокал с вином.

Поужинав, они перешли в библиотеку, где ярко горел огонь в камине. Архидьякон приблизился к огню, потирая

свои пухлые руки. Как только он это сделал, часть большого ковра из пушистой серой шерсти, на котором он стоял, казалось, приподнялась, и перед ним возникла огромных размеров серая кошка — крупнее всех тех, которых ему когда-либо ранее приходилось встречать. Она была совершенно того же цвета, что и ковер, на котором до этого спала. Кошка ласково потерлась о ногу архидьякона и замурлыкала, как только он наклонился, чтобы ее погладить.

— Какое необычное животное! — заметил архидьякон. — Я и представить себе не мог, что существуют кошки таких размеров. К тому же, у нее странная голова — она непропорционально мала для такого крупного туловища.

— Да, — согласился Бредон, — и лапы у нее настолько же непропорционально велики.

Серая кошка, принимая ласки архидьякона, томно растянулась на полу, и теперь ее лапы можно было разглядеть совершенно четко. Они были весьма широки, и выступающие вперед когти казались достаточно мощными и хорошо развитыми. Шерсть у животного была короткой и густой, жесткой, как проволока.

— Крайне удивительно! — повторил архидьякон.

Он опустился в уютное кресло, которое стояло рядом с камином. Он продолжал поглаживать кошку и играть с ней, когда легкое позвякивание заставило его поднять глаза. Бредон расставлял что-то позади графинов с ликерами.

— Какая-то редкая порода? — спросил архидьякон.

— Во всяком случае, мне неизвестная. Я бы сказал — причудливая. Мы нашли ее на борту корабля, когда я направлялся домой, — возможно, она попала туда, гоняясь за мышами. Если бы не я, ее, возможно, выбросили бы за борт. Она меня весьма заинтересовала. Сигару?

— Да, с удовольствием.

Снаружи завывал холодный северный ветер. Яростно хлестал дождь. Архидьякон чиркнул спичкой о стекло граненого стакана и прикурил сигару; булькала розовая вода в кальяне Бредона, раздавалось тихое шарканье ног слуги, переносившего чемоданы архидьякона в спальню в конце «L»-образного коридора — и все это под непрерывное мурлыканье большой серой кошки.

— А как ее зовут? — поинтересовался архидьякон.

Бредон рассмеялся.

— Если вам уж так хочется знать всю правду, то ее зовут Серый Дьявол, или же просто Дьявол.

— Ну, в самом деле, не думаешь ли ты, — обратился М. к кошке, — что архидьякон будет обращаться к тебе на таком отвратительном языке! Я буду называть тебя Серый, или уже, учитывая наше недавнее знакомство, господин Серый. Вы ничего не имеете против запаха дыма, господин Серый? Умное животное — потому и не возражает. Вероятно, вы уже приучили его к этому? — спросил архидьякон у Бредона.

— Ну, если вдуматься в значение его имени, то он вряд ли стал бы возражать против дыма, не так ли? — ответил тот.

Вошел слуга Бредона. В момент, когда дверь приоткрылась, послышалось потрескивание только что зажженного огня в комнате, приготовленной для архидьякона. Слуга вышел, смешав по рецепту архидьякона бренди с содовой водой. Он удалился после того, как ему было заявлено, что его услуги в этот вечер более не потребуются.

— Вы заметили, как господин Серый все время следовал за вашим слугой? — спросил архидьякон. — Я никогда не встречал в своей жизни более преданного кота.

— Вы так полагаете? — ответил Бредон. — Ну, так наблюдайте за ним сейчас.

Впервые за вечер он приблизился к серой кошке и протянул к ней свою руку, как бы желая ее приласкать. Мгновение, и показалось, что кошка сошла с ума: она выпустила когти, спина ее выгнулась дугой, шерсть поднялась дыбом, хвост встал трубой. Кошка брызнула слюной и зашипела. В ее зеленых глазах появилось выражение лютой враждебности. Однако любой внимательный наблюдатель заметил бы, что все это время она неотрывно следила не только за Бредоном, но и за тем звякнувшим ранее предметом, который хозяин поставил за графиками.

Архидьякон откинулся на спинку кресла и от души рассмеялся.

— Ну, до чего же забавные создания, эти кошки, особенно когда они выходят из себя! Ну, в самом деле, господин Серый, из уважения к моему сану вы могли бы и воз-

держаться от подобной агрессивности. Бедный господин Серый! Бедная кошечка!

Мрачно улыбаясь, Бредон вновь сел на свое место. Серая кошка уткнулась мордочкой в свисающие ладони архидьякона, словно ища сочувствия, и постепенно успокоилась.

Вдруг взгляд архидьякона упал на предмет, за которым все это время внимательно следила кошка и который стал виден только сейчас, когда слуга поменял местами графины.

— Боже мой! — воскликнул он.— Да у вас там револьвер!

- Точно так,— отвечал Бредон.
- Надеюсь — незаряженный?
- Ну, почему же, с полной обоймой.
- Но ведь это же крайне опасно!

— О, нет. Я привык к подобного рода вещам и отнюдь не беспечен в обращении с ними. Я бы считал скорей более опасным познакомить вас с Серым Дьяволом в отсутствии оружия. Он гораздо сильнее, чем любая обычная кошка, и я даже предполагаю, что в его жилах течет не только кошачья кровь. Когда я показываю кошку незнакомому человеку, то всегда держу ее под прицелом пистолета до тех пор, пока не прояснится ситуация. Надо отдать зверю должное: он всегда был дружелюбен со всеми, кроме меня самого. Я — его единственная антипатия. Не будь он настолько умен, чтобы бояться револьвера, он набросился бы на меня сию же минуту.

— Понимаю,— сказал архидьякон серьезно,— и могу догадываться, как это произошло. Когда-то вы перепугали его выстрелом из револьвера. Может быть, просто шутки ради. Грохот выстрела перепугал его, и он так и не простил вас и не забыл револьвера. Некоторые животные обладают удивительной памятью.

— Да,— задумчиво произнес Бредон,— но эта догадка неверна. Я никогда намеренно или случайно не давал Дьяволу повода для подобной враждебности. Насколько я знаю, он никогда и не слышал ни единого выстрела с тех пор, как я его знаю. Кто-то, возможно, и напугал его раньше, и я склонен думать, что так оно и было на самом деле, поскольку нет никаких сомнений, что зверь знает все, что

кошке следует знать о револьвере, и что она боится его.

— Впервые мы встретились почти в темноте,— продолжал Бредон.— У меня было несколько ящиков багажа. Капитан сказал мне, что я могу спуститься в трюм и присмотреть за ними. Вот тут-то этот зверь неожиданно и выпрыгнул на меня из кромешной тьмы. Сначала я даже и не понял, что это кошка из-за ее огромных размеров. Я сбил его с ног сильнейшим ударом по голове и выхватил пистолет. Он исчез в мгновенье ока. С тех пор он неоднократно доказывал, что знаком с пистолетом. Он бы покусал меня сейчас, если бы была такая возможность, но он понимает, что возможности такой нет. У меня частенько руки так и чешутся сразиться с ним в открытую и ощутить, как мои руки ломают его чертову шею. Или же просто запереть его и пристрелить.

— Потише, потише, старина,— слабо запротестовал архидьякон, поднялся и приготовил себе очередную партию бренди.

— Прошу прощения за грубые выражения, но, знаете, не люблю я эту кошку.

Архидьякон выразил свое удивление: почему в таком случае Бредон от нее до сих пор не избавился.

— Вы сталкиваетесь с ним на корабле, и он набрасывается на вас. Вы спасаете ему жизнь, предоставляете жилье и обеспечиваете пропитанием, а он все-таки ненавидит вас до такой степени, что даже не позволяет дотронуться до себя. В свою очередь и вы отвечаете ему такой же неприязнью. Не лучше ли было в таком случае расстаться?

— Что касается его пропитания, то он весьма редко ест что-либо, кроме своей собственной добычи. Он выбирается на охоту каждую ночь. Я держу его просто-напросто из-за того, что боюсь его. Пока он здесь, рядом со мной,— я спокоен. Если я позволю своему страху проявиться перед ним в какой-либо форме, то мне лучше больше не бывать в джунглях Центральной Африки. Поначалу у меня была мысль приручить его, но, помимо всего прочего, имело место и странное совпадение.

Поднявшись, он подошел к окну и открыл его. Серый Дьявол, крадучись, подобрался к окну, задержался на мгновенье на подоконнике — и, внезапно прыгнув вниз, исчез.

- Какое было совпадение?
— Что вы об этом думаете?

Бредон передал архидьякону сделанную из камня фигурку кошки, которую он взял с каминной полки. Это было небольшое изваяние около 3-х дюймов высотой. По цвету, по форме маленькой головы и больших лап, по удивительному выражению глаз оно казалось уменьшенной копией Серого Дьявола.

— Абсолютное сходство. Как это вам удалось ее сделать?

— Эта фигурка оказалась у меня до того, как я встретил оригинал. Мне продал ее один торговец-еврей вечером накануне моего отплытия в Англию. Он сказал мне, что эта статуэтка родом из Египта. Как бы то ни было, но это прекрасная работа из жадеита.

— Я всегда считал, что жадеит ярко-зеленого цвета.

— Да, он может быть и ярко-зеленым, и белым, и коричневым — разнообразных цветов и оттенков. У меня нет сомнений, что эта маленькая статуэтка старинной работы, хотя я и сомневаюсь, что она египетского происхождения.

Бредон вернул статуэтку на место.

— Кстати, той же ночью еврей пришел ко мне и попытался выкупить статуэтку обратно. Он предложил мне двойную цену по сравнению с той, что я заплатил ранее. Я предположил, что, должно быть, он нашел другого покупателя, весьма заинтересованного в этой вещице. Я спросил, не коллекционер ли это. Еврей ответил, что вряд ли новый покупатель был коллекционером. Это был просто джентльмен африканского происхождения. Это решило дело. Я не собирался уступать негру. Еврей ссылался на то, что это был чрезвычайно изысканный негр, богатый негр, что у него куча денег, что он гонялся за этой статуэткой многие годы. Он также намекнул, что это было связано с Мамбо-Джамбо, идолом — предметом суеверного поклонения некоторых африканских племен. Думаю, что он говорил это, чтобы меня напугать. Как бы то ни было, я не стал его слушать и просто выставил за дверь. А потом — это совпадение. Приобретя копию, на следующий же день я нашел живой оригинал. Странно, не так ли?

В этот момент раздался бой часов. Здесь архидьякон с ужасом осознал, что было уже достаточно поздно и давно уже прошел тот час, когда уважаемый архидьякон должен был лежать в постели и спать. Он поднялся и заметил, что непременно хотел бы услышать продолжение этой истории на следующий день. С тем он и пожелал Бредону спокойной ночи.

К нашему большому сожалению, иногда случается так, что рассказ приходится прерывать как раз на том месте, когда хочется узнать все подробности, а на следующий день такой возможности уже не представляется.

Перед уходом из библиотеки Бредон закрыл окно. В этой связи архидьякон поинтересовался, каким же образом «господин Серый» сможет вернуться.

— Вполне вероятно, что он уже вернулся. У него есть свой лаз на кухне, который сделан специально для него, чтобы он мог уходить и приходить, когда ему вздумается.

— Но разве другие кошки не могут проникать в дом через этот лаз?

— Нет. Другие кошки избегают Серого Дьявола.

Когда архидьякон, наконец, очутился в своей комнате, то его охватило чувство необъяснимого волнения. Как он потом признавался мне, у него появилась потребность удостовериться в том, что никто не прятался ни под кроватью, ни в гардеробе. В конце концов, он забрался в постель и вскоре уснул. Огонь в камине ярко горел, и комната была хорошо освещена.

Около четырех часов утра его разбудил громкий крик. Еще не проснувшись, он сначала не понял, откуда исходит этот крик. Он первоначально подумал, что, должно быть, он раздался со стороны улицы. Но почти в ту же секунду услышал несколько пистолетных выстрелов: два подряд, один за другим, и, чуть позже,— третий.

Архидьякон страшно испугался. Он не знал, что произошло, и первое, что пришло ему в голову,— это мысль о вооруженных грабителях. Какое-то время — не более минуты — страх парализовал его. Затем, сделав над собой усилие, он поднялся с постели, зажег газовую лампу и быстро оделся. В то время, как он одевался, в коридоре послышались шаги и стук в дверь.

Он открыл дверь. В коридоре стоял дрожащий от ужаса слуга Бредона в синем пальто прямо поверх ночной рубашки.

Архидьякон проследовал за слугой в спальню Бредона. В воздухе все еще висел густой дым. Пол был усеян осколками разбитого зеркала. На кровати, спиной к архидьякону, лежал Бредон. Он был мертв. Его правая рука сжимала рукоятку револьвера, а за правым ухом виднелась уже почерневшая рана.

Приблизившись к Бредону и глянув на его лицо, архидьякон почувствовал себя дурно. Слуга вывел его в библиотеку и дал немного бренди. Лицо Бредона действительно представляло из себя страшную картину: все оно было исцарапано, покрыто рваными ранами, искусано и залито кровью. Не хватало одного глаза.

— Вы думаете, это дело рук твари? — спросил архидьякон.

— Безусловно, сэр. — ответил слуга. — Вцепился ему в лицо, когда он спал. Я чувствовал, что это должно случиться когда-нибудь ночью. У него было такое же предчувствие, и потому он всегда держал рядом с собой револьвер. Дважды он стрелял в эту зверюгу, но, видимо, промахнулся из-за стекавшей по лицу крови. Тогда он выстрелил в себя.

Эта версия выглядела вполне правдоподобной. Ничего не видя, весь истерзанный и обезумевший от боли, Бредон вполне мог посчитать, что самоубийство спасет его от еще более страшной смерти.

— Что нам теперь делать? — спросил слуга.

— Мы должны сейчас же вызвать доктора и полицию. Пошли.

Как только они повернули за угол коридора, то заметили, что дверь, ведущая на лестницу, была открыта.

— Это вы открыли дверь? — спросил архидьякон.

— Нет — ответил слуга.

— В таком случае кто же сделал это?

— Не представляю, сэр. Похоже, это еще не конец.

Они вместе спустились по лестнице и обнаружили, что входная дверь тоже была приоткрыта. На улице на тротуаре лежал полицейский. Он с трудом приходил в сознание. Слуга Бредона взял у него свисток и начал свистеть. Про-

езжавший мимо кэб остановился, извозчика послали за доктором, а затем быстро установили связь и с полицейским участком.

Раненый полицейский поведал прелюбопытную историю. Проходя мимо дома, он услышал звуки выстрелов. Тотчас же он услышал, как отпираются засовы входной двери. Полицейский отступил немного назад в смежный дверной проем. Входная дверь отворилась, и на пороге появился одетый в серый твидовый костюм и серое пальто негр. Полицейский выпрыгнул из своего укрытия, а негр, в свою очередь, ни секунды не колеблясь, сбил его с ног.

— Все было кончено еще до того, как что-либо можно было сообразить,— подытожил свой рассказ полицейский.

— Как выглядел этот негр? — спросил архидьякон.

— Крупный мужчина, ростом выше шести футов, и черный, как уголь. Он не стал ждать нападения: как только понял, что обнаружен,— напал сам.

Полицейский оказался глуповатым парнем, и из него ничего больше нельзя было вытянуть. Он только услышал выстрелы, увидел, что дверь распахнута и что появился человек в сером. Затем до того, прежде чем он успел что-либо предпринять, его сбили с ног молниеносным ударом.

Врач, человек деловой и беc затей, не колеблясь, заявил, что Бредон мертв и смерть наступила, скорее всего, мгновенно. В результате полученных ран прекратилось дыхание и тогда же, должно быть, прекратилась работа сердца. Он все еще продолжал давать объяснения по поводу сочившейся из уха мертвеца жидкости, но архидьякон не мог больше всего этого выносить и нетвердой походкой вышел в библиотеку. Там он нашел слугу Бредона, все еще в синем пальто, который давал показания полицейскому с блокнотом. Он говорил, что, насколько ему известно, из дома ничего не пропало, кроме кошачьей статуэтки из жадеита, которая прежде стояла на каминной полке.

Кошка по имени «Серый Дьявол» тоже исчезла, и, несмотря на то, что ее описание давали даже газеты, о ней больше никто не слышал. Но в стиснутом кулаке мертвеца был обнаружен клок серой шерсти.

Дальнейшее расследование окончилось вынесением

первоначального вердикта и не обнаружило никаких новых фактов. Может, еще стоит сказать несколько слов о версии, которую выдвинула полиция. По этой версии, во многом совпадающей с предположением слуги Бредона, пострадавший, изнемогая от боли и не вынеся мысли, что его просто могут разорвать на куски, застрелился.

История о жадеитовой фигурке в той степени, в которой она была известна, также фигурировала на суде. Полиция придерживалась мнения, что эта фигурка была идолом, и какое-то дикое племя было крайне встревожено ее похищением и готово было заплатить огромную сумму денег за ее возвращение. Предполагалось, что негр знал об этом, и решил овладеть идолом любыми средствами. Так как честным путем этого сделать не удалось, выдвигалось предположение, что негр проследовал за Бредоном в Англию, выследил его и каким-то образом спрятался в его квартире. Далее, предполагалось, что он заснул и был разбужен криками и звуками выстрелов. Испугавшись, он схватил жадеитовую статуэтку и хотел скрыться. Сознавая, что выстрелы могли быть слышны на улице и его выход из квартиры в этот момент может выглядеть подозрительным, он, когда открыл входную дверь, нанес удар первому встреченному им человеку, а временная потеря полицейским сознания позволила ему благополучно скрыться.

Эта версия, на первый взгляд, кажется единственной возможной. Когда архидьякон мне впервые ее рассказал, я попытался незаметно выведать у него, принимает ли он ее сам. Обнаружив, что он уклоняется от ответа, я поставил вопрос прямо:

— Верите ли вы в версию полиции?

Он немного поколебался, затем искренне ответил:

— Нет, категорически нет.

— Почему?

— Прежде всего, я не верю в то, что Бредон, в самом обычном смысле этого слова, совершил самоубийство. Никакая самая дикая физическая боль не могла бы заставить его даже и помышлять об этом. Это был человек неисчерпаемого мужества. Он воспринял бы изуродованное лицо и потерю зрения, как неизбежный результат войны. Мы должны признать, что он сам сделал роковой выстрел — ре-

зультаты медицинской экспертизы не подлежат сомнению,— но сделал он это под воздействием сверхъестественного ужаса, о происхождении которого мы — слава богу! — ничего не знаем.

— Я, естественно, не спешу согласиться со «сверхъестественными» объяснениями.

— Ну, что же, давайте продолжим. Что это за таинственное племя, о котором говорит полиция? Я хочу знать, где оно живет и как называется. Оно достаточно богато, чтобы предложить огромное вознаграждение; должно быть, оно имеет значительное влияние. Далее, негру удалось проникнуть в дом и спрятаться. Как? Где? Я знаю план квартиры, и эта версия отпадает. Мы даже не знаем, что именно негр взял эту фигурку, хотя я полагаю, что сделал именно он. Однако, как этот негр сумел скрыться в эти утренние часы и его никто не заметил? Негры не такое уж обычное явление в Лондоне, чтобы они смогли свободно прогуливаться и на них никто не обращал внимания. И все же он не оставил ни единственного следа, и таково же не менее таинственное исчезновение Серой Кошки. Это был столь необычный зверь, и описание его получило столь широкое распространение, что могло показаться, что мы почти наверняка еще услышим о нем. Но, увы, мы не услышали.

Мы еще немного пообсуждали версию полиции; что-то случайно оброненное из его слов заставило меня вскликнуть:

— Неужели? Вы в самом деле хотите сказать, что Серая Кошка и негр есть одно и то же лицо?

— Нет,— ответил он,— не совсем это, но что-то весьма близкое к этому. В любом случае, кошки — странные существа. Нет нужды напоминать вам об их связи с некоторыми древними религиями и колдовством, в которое некоторые верят даже в Англии по сей день, а не так давно верили почти все. Между прочим, я никогда не встречал убедительного объяснения тому факту, что существуют люди, которые не выносят присутствия кошек в комнате и ощущают их каким-то таинственным шестым чувством. Позвольте напомнить вам о несомненно существующем как в Китае, так и в Японии поверье, что злые духи могут вселяться в некоторые виды низших животных, особенно лис

и барсуков. Каждый изучающий науку о демонах знает об этих вещах.

— Однако мысль о том, что злые духи овладевают кошками и мышами, есть, безусловно, языческий предрассудок, который вы не можете разделять.

— Ну, читал же я о злых духах, которые вселялись в свиней. Подумайте об этом и сохраняйте объективность в подходе к данному вопросу.

Эрнест Гаррисон

СИДЕЛКА

Достопочтенный Эрнест Гаррисон является автором четырех теологических книг, нескольких радио- и телевизионных пьес, а также многочисленных рассказов с мистическими и таинственными сюжетами. Он родился и получил образование в Англии, хотя в настоящее время живет в Канаде, где является деканом факультета искусств Политехнического института.

Этот короткий, но берущий за душу эмоциональный рассказ играет с читателем, как кошка с мышью, а затем набрасывается на него с единственной целью — разумеется, чтобы убить. Уверены, что вскоре вам вновь захочется перечитать его, причем не один раз...

Эстер с явным интересом разглядывала лежавшего перед ней младенца. Он барабанился в своей колыбельке, с торжествующим видом перебирая пальцы на ноге и особенно сосредоточенно разглядывая тот из них, который торчал под каким-то странным, отличным от остальных углом. Наконец, когда это обследование ему наснутило, он резко перевернулся на живот и попытался подползти к самому краю кроватки.

Эстер не умела улыбаться и все же ощущала внутри себя приятное, теплое сияние, когда слабое движение внутри ее чрева вновь напомнило о близости долгожданного свершения. Ее захлестнула волна спутанных и смутных воспоминаний — момент экстаза, последовавшая за ним неясная печаль, и вот теперь близость родов. Все это невозможно было выразить словами или хотя бы облечь в форму мыслей, но внутри ее естества бушевали эмоции. Она снова опустила взгляд на младенца. Скоро, говорило шевеление в ее животе, скоро она... Чувства ее обрели форму размытого образа, суть которого она никак не могла ухватить.

Младенец неловко повернулся, и булавка, скреплявшая края его подгузника, расстегнулась. Острый укол — и пронзительный плач. Через пару секунд распахнулась дверь, и в комнату впорхнула встревоженная мать.

— Милый мой, бесценный... Малышка зовет свою мамочку? Она подняла его на руки и прижала к груди.

— Смотри, Эстер, какой глупенький этот маленький мальчик. Кричит, зовет мамочку, когда Эстер здесь, рядом. — Неловкое движение рукой, край пеленки подвернулся — и вот булавка вторично вонзается в нежную кожу, после чего женщина, наконец, обнаруживает причину столь звонкой жалобы малыша. Материнское сердце переполняется искренним раскаянием.

— А, так вот в чем дело! Плохая мамочка уколола свою дорогую крошку? Вот, вот...

Казалось, что словам не будет конца.

Эстер стало немного нехорошо.

Вскоре начались и первые боли, а потом их сменила радость родов. Легко сбиться на циничный тон, говоря о собственническом характере материнской любви, однако природа неизменно утверждает его в тот самый момент, когда на свет появляется новая жизнь. И по тому же жребию судьбы, как только после первого вздоха эти жизни отбирают, откуда-то подступает чувство безмерной горечи...

Прошло некоторое время, прежде чем Эстер вновь посмотрела на младенца, только сейчас в ее сердце уже затаилась зависть. Его мать продолжала возиться с пеленками и одеялами, даже не догадываясь о том смятении, которым было охвачено все естество Эстер. Наконец, женщина вышла из комнаты, и она осталась наедине с ребенком.

Эстер легонько сглотнула. Воспоминания о былом экстазе растворились в небытии, и их место в мозгу заполнили блуждающие неясные мысли. Она очень хорошо помнила ощущение боли и последовавшие за ней крики новой жизни. А потом эта радость внезапно оборвалась. Она не могла понять сущность смерти и то, чем та отличалась от жизни, равно как и то, почему после нее в сердце всегда остается черная, непроглядная темнота. Но если бы даже эта женщина, только что вышедшая из комнаты, спросила ее об этом, Эстер и в этом случае не проронила бы ни слова.

Но теперь она знала, что такое ненависть и злоба.

Младенец начал радостно вскрикивать. Ну, что ты, словно говорил его взгляд, не грусти, Эстер. Не знаю, почему тебе так невесело, но ведь жизнь прекрасна, а потому не надо печалиться. Скоро ты обо всем забудешь так же, как и я. Смотри, какая у меня большая нога... Я знаю, что мама может иногда сильно разозлить тебя. Меня тоже. Иногда это случается. Ну, хватит, Эстер, забудь об этом. Ведь я же тебя люблю, разве не так? Разве тебя это не радует?

Эстер бесстрастно и невыразительно посмотрела на младенца, и он, отвернувшись, принялся исследовать подушку.

Без всякого предупреждения ненависть захлестнула всю ее целиком. Внезапно до нее дошло, что именно она хочет сделать. Повернув голову в сторону двери, она внимательно прислушалась. Ни звука. Потом снова посмотрела на младенца, пристально глядываясь в его ужимки. Она все еще не знала, как именно сделает это,— лишь чувство-

вала, что хочет именно этого, да так, как, пожалуй, ничего не хотела за всю свою недолгую жизнь.

Попка ребенка взметнулась ввысь, закачалась из стороны в сторону, пока сам он изо всех сил старался протиснуть голову между прутьями ограды кровати.

Междуд губами Эстер показался кончик розоватого языка, а сама она чувствовала, словно что-то давит ей внутри горло. Она двинулась вперед, затем резко остановилась. Понимавшая, что голова у него слишком большая, ребенок отпрянул назад и завалился на спину.

Он уже собирался было поднять вверх ноги и даже прикоснулся к ним ладонями, когда его взгляд столкнулся со взглядом Эстер. Из груди младенца вырвался резкий сдавленный крик — и в это мгновение она прыгнула ему на грудь. Крик перерос в вопль. Дрожа от переполнявшей ее ненависти, Эстер, как безумная, принялась рвать маленькое тельце.

С шумом распахнулась дверь, и в детскую вбежала мать ребенка. Эстер металась и крутилась, но теперь уже боролась за свою собственную жизнь, пытаясь выбраться из удушающих рук женщины, утопившей ее новорожденных котят.

Байрон Лиггет

КОШАТНИК

Едва ли кто-то посмеет оспаривать тот факт, что одна, две, даже три кошки могут быть очень приятны и милы, но лишь немногие люди способны удержаться и не вздрогнуть при мысли о том, что какая-то добрая старая леди живет в доме, окруженная дюжинами подобных особей, к тому же далеко не всегда досыта нахормленных. А теперь представьте себе человека, оказавшегося на необитаемом острове и вынужденного ежедневно и ежечасно отбивать усиливающиеся атаки сотен обезумевших от голода кошек! Именно об этом и пишет в своем рассказе отставной капитан армии США Байрон Лиггет.

Следует особо отметить, что в течение ряда лет «Кошатник» признавался одним из лучших коротких рассказов США.

Настоящее название этого места — атолл Тао, и оно до сих пор сохранилось на отдельных картах, однако после того как в Туамоту появился Кошатник, люди окрестили атолл «Кошачьим островом». С тех пор так и повелось — не атолл Тао, а «Кошачий остров».

Этот небольшой, имеющий форму полумесяца коралловый островок расположен примерно в семидесяти милях к северо-западу от Пука-Пука. Место это с давних времен считалось у туземных полинезийцев запретным, и они ни за что на свете не согласились бы не только ступить на него, но и даже просто приблизиться на достаточно близкое расстояние. Я не знаю, какое местное поверье изначала наложило на этот атолл своего рода заклятье, однако практически каждому известно, почему оно стало своего рода табу в настоящее время. Никто — белый или полинезиец — с тех пор не появлялся в тех краях; люди попросту не осмеливаются пойти на такой шаг.

Мне никогда не забыть тот день, когда я впервые увидел Кошатника. В интервале между двумя мировыми войнами я довольно неплохо зарабатывал себе на жизнь тем, что развозил на своем шлюпке почту жителям островов. Сама по себе эта служба была не особенно прибыльной, но я неплохо подрабатывал на ней, привозя и отвозя всевозможные грузы, а также выполняя, если так можно выразиться, чартерные пассажирские рейсы.

Как-то раз я сидел в своей забегаловке на Папете и пивал пиво, когда местный извозчик доставил ко мне этого

маленького господина, который, по его словам, очень хотел меня видеть.

Он понравился мне, буквально, с первого взгляда. Это был довольно миниатюрно сложенный, иссущенный солицем мужчина лет за пятьдесят. У него были бледно-голубые глаза и восхитительная копна седых волос. Одет он был в серый полотняный костюм, а в руке сжимал массивную трость, которая сразу же привлекала внимание к его чуть ревматической походке. Лицо у него было доброе, по-настоящему интеллигентное.

Извозчик указал ему на меня и мужчина прошаркал к моему столику. Казалось, отыскав меня, он испытал явное облегчение:

— Насколько я понимаю, вы — капитан Роджерс? — спросил он.

— Совершенно верно, — проговорил я, вставая со стула. Чем могу быть полезен?

Он присел на предложенный стул, затем сложил ладони на рукоятке трости и уставился на меня серьезным, даже напряженным взглядом:

— Мне сказали, что вы занимаетесь своего рода частным извозом.

Судя по его манерам и покрою одежды, я понял, что здесь пахнет немалыми деньгами, а потому сразу же стал прикидывать в уме возможные масштабы сделки.

— У меня есть свой шлюп, сэр, — признался я, — но в настоящий момент я выполняю кое-какие другие заказы. А в чем состоит ваша просьба?

Мужчина, похоже, уловил скрытый смысл моих интонаций и потому, как мне показалось, отнюдь не расстроился.

— Меня зовут Фостер, — сказал он, — Джеральд Фостер. Он сделал небольшую паузу, словно давая мне возможность вспомнить его имя, но я никак не отреагировал на него, а потому мужчина продолжал:

— Я — писатель. Мне бы хотелось нанять ваше судно и отправиться на нем на атолл Тао.

— Атолл Тао? — невольно воскликнул я. — Да зачем вам понадобилось туда ехать? Там же ничего нет — одни лишь пальмы и крысы.

Собеседник по-прежнему оставался невозмутимым. — Видите ли, капитан, я недавно купил этот остров и...

— Купили?! — вновь воскликнул я с явным недоверием в голосе.

Маленький господин, похоже, начинал терять терпение и я сразу понял, что наступил на его больную мозоль.

— Капитан,— проговорил он, однако, вполне ровным голосом,— я же не спрашивал вашего совета по поводу целесообразности совершения данного шага. Я заключил с местными властями договор об аренде этого острова сроком на двадцать пять лет и намерен прожить там до конца своих дней. Уверяю вас, я достаточно проработал все детали этого проекта.

Я понял, что мне попался крепкий орешек. Я и раньше встречал во Французской Океании людей, у которых так же блестели глаза. Некоторые из них отправлялись на острова, чтобы поработать над книгой, другие намеревались заняться живописью, а кое-кто вообще искал способа бежать от самого себя. *Soif des îles* — Островная жажда — французы придумали даже особое словосочетание для выражения подобного состояния души.

В процессе дальнейшей беседы мой маленький собеседник пояснил, что хотел бы переправиться на моем шлюпе на этот атолл. Кроме того, ему нужно было перевезти все его снаряжение, кое-какие строительные материалы, пару труйку местных плотников, чтобы они соорудили ему там нечто вроде хижины. Он излагал свои планы с уверенным видом человека, который основательно проработал всю идею проекта и отдавал себе полный отчет в том, чего именно добивается.

Проблемы денег, как мне показалось, для него попросту не существовало, а потому, когда мы наконец перешли к обсуждению финансовой сделки, я назвал ему, можно сказать, грабительскую цену, почти на треть превышавшую ту, которую намеревался получить на самом деле. Он в очередной раз удивил меня, когда ловким движением руки извлек из кармана чековую книжку и вписал в нее всю требуемую сумму в виде аванса. Как я уже упоминал, этот Кошатник понравился мне буквально с первого взгляда.

До следующего почтового рейса на острова у меня оставалось целых пять дней, а потому нанятые Фостером туземцы уже назавтра начали грузить на шлюп необходимое снаряжение. У меня сложилось впечатление, что он потра-

тил целое состояние на всевозможную экипировку и строительные материалы.

По его поручению я договорился с несколькими плотниками-китайцами, которые, надо признать, также заломили с меня приличную цену. С туземцами можно было бы договориться и за четверть этой суммы, но ни один из местных жителей не согласился бы отправиться в плавание на запретный атолл. Китайцам, разумеется, это также было хорошо известно, а потому они твердо вознамерились содрать с меня по максимуму. Впрочем, какое мне было до всего этого дело — я ведь тратил не свои собственные деньги. Важнее всего для меня была выгодная сделка.

Я наблюдал за погрузкой судна, когда на пристани появился Фостер. С собой он принес кошек — самых обычных на вид кошек, которые сидели в двух плетеных сумках, висевших у него через плечо.

— А это зачем, господин Фостер? — спросил я.

Он улыбнулся: — Это, капитан, мои друзья. Они составят мне компанию в этой ссылке. Кроме того, от них может быть определенная польза — вы же сказали, что на Тао полно крыс.

Я пожал плечами. В его словах содержался определенный смысл, особенно если вы любите кошек, тогда как я лично никогда не терпел этих тварей. Когда он выгружал их из сумок на палубу, я старался даже не смотреть в ту сторону.

— Э, да я вижу, что у вас там и самки есть, — произнес я.

Кошатник кивнул и улыбнулся: — Да, капитан, я везу с собой четырех кошек и двух котов. Надеюсь, вскоре получу неплохой приплод. Как вы считаете, веселей мне будет с котятами?

— Ну, если они вам нравятся, то почему бы нет. Хотя, как мне представляется, котят у вас будет гораздо больше, чем вы предполагаете, — добавил я, произнеся даже более пророческие слова, нежели сам в тот момент представлял.

Погода стояла чудесная и наше плавание между островами проходило без каких-либо осложнений. Два плотника — китайца спали прямо на палубе. Основную часть времени старик проводил с кошками, кормя их и забавляясь игрой: после отплытия из порта они свободно бегали по всему шлюпу.

Мы держали курс на атолл Тао, предварительно отвезя почту в Пука-Пука. За все те годы, что я провел на островах, мне лишь дважды доводилось заходить на Тао — в первый раз мне просто хотелось посмотреть на этот «проклятый» остров и еще, когда понадобилось починить сломанный руль. Не думаю, однако, чтобы с тех пор кто-то высадивался на атолл. Это был самый бесполезный и никчемный кусок суши, который мне когда-либо доводилось встречать во всем Тихом океане.

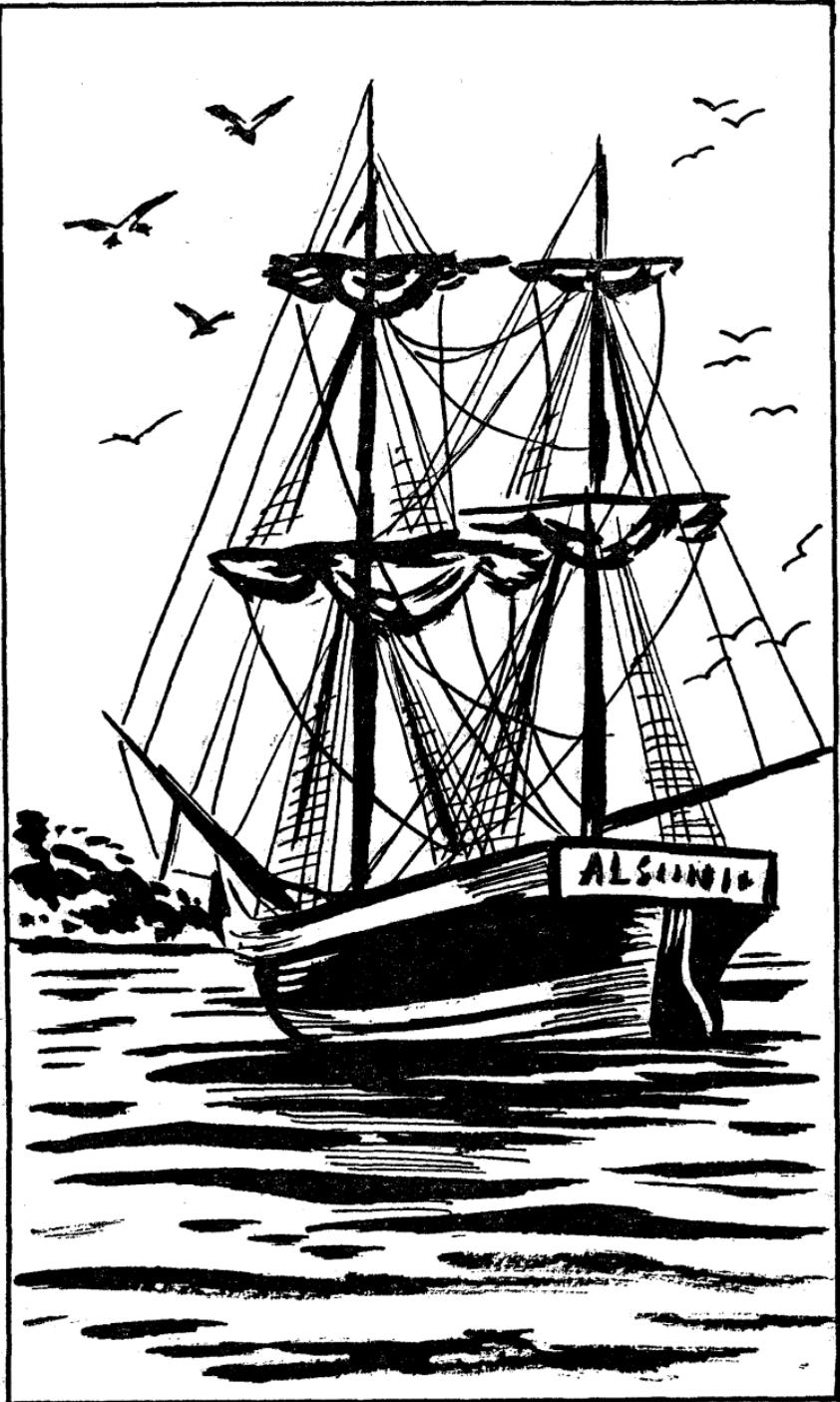
Поздно вечером мы достигли уютной лагуны и бросили якорь. Пожалуй, в ту ночь Кошатник даже не сомкнул глаза. Он сидел на крыше каюты и поглядывал в сторону пляжа. Уж его-то, подумал я тогда, определенно мучила «островная жажда», и долго еще размышлял над тем, удастся ли этому человеку найти там то, что он столь упорно искал.

Похоже, его чертовых кошек остров тоже очаровал. Они бегали по панцири и не отрывали взгляда своих блестящих глаз от кромки берега, возбужденно покачивая туго напрягшимися хвостами. Что до меня, то я был только рад избавиться от них — от кошек у меня всегда мурашки по телу пробегают.

Мы стояли на якоре у Тао все то время, пока Фостер обосновывался. Плотники соорудили ему довольно уютный маленький домик с большими окнами. Они сделали ему также стеллажи для сотен книг, которые он прихватил с собой, сработали цистерну, в которую можно было бы собирать и хранить дождевую воду, а заодно построили маленький лодочный причал, на котором по окончании работ остались кучу мусора.

Пока мы работали, шестеро представителей кошачьего племени внимательно осматривали свое новое жилище. Буквально в считанные секунды одна из кошек поймала и придушила тщедушную и чахлую на вид крысу, которые прямо-таки наводняли весь остров. Крыс я ненавидел еще больше, чем кошек, а потому картина происходящего несколько смягчила мое отношение к усатым любимцам Фостера. Возможно, старик был прав — кошки и в самом деле могли принести ему реальную пользу.

Вскоре строительные работы были завершены и я приготовился к отплытию. С Фостером мы договорились о том,

что я буду заходить на остров каждые три месяца по завершении своих почтовых рейсов на окружавшие его участки суши, а потому смогу снабжать его всем необходимым. Мы оба понимали, что я оставался единственной ниточкой, связывавшей его с остальным миром.

Стоя на небольшой палубе моего шлюпа, мы обменялись теплым рукопожатием и я стал готовиться к отплытию. Внезапно он щелкнул пальцами, словно что-то вспоминая.

— Кстати, капитан, добавьте к моему заказу несколько банок, а впрочем, лучше по ящику консервированной говядины и лососины. Я думаю, это вполне сгодится в качестве пищи для кошек.

Ну, это было уже слишком! Проведя несколько лет жизни с людьми, для которых любая консервированная пища представляла собой непомерную роскошь, я был просто поражен, услышав подобное.

— Пищи для кошек?!

Старик, похоже, развеселился, заметив, что я начисто лишен воображения.

— Ну, конечно,— сказал он.— Не думаете же вы, что крысы на этом острове будут существовать вечно? А мне бы не хотелось, чтобы мои маленькие друзья страдали от голода.

Как и всегда, этот джентльмен оказался прав. Я был вынужден признать, что к моменту моего следующего захода на атолл там, скорее всего, останется не так уж много грызунов.

— О'кэй, мистер Фостер,— кивнул я,— привезу я вам вашу кошачью еду. Хотя, должен предупредить, вам окажется довольно накладно подобным способом кормить этих троглодитов. Впрочем, уверен, что вы не хуже меня знаете, как распорядиться своими деньгами.

Расстались мы на вполне дружеской ноте и с наступлением прилива я вывел шлюп из лагуны. Взяв курс на острова Маркеза, я бросил прощальный взгляд на невысокий атолл Кошатника и вскоре потерял его из виду.

Мой маршрут по океанским островам проходил против часовой стрелки, так что за год я совершал четыре полных цикла. Порт моей приписки находился на Папете. Первым делом я огибал Тайти, затем с юга проплывал мимо Тубу-

аяя; мне пришлось четырежды заходить на Туамоту, прежде чем я брал курс в направлении Маркеза и, наконец, завершал свой маршрут снова на Папете. Обычно на все плавание у меня уходило чуть более двух месяцев, а потому я располагал достаточным временем для совершения чarterных рейсов, которые мог планировать исключительно по собственному усмотрению. Новая остановка на Тао добавляла к моему путешествию лишние три дня, однако это не вызывало с моей стороны никаких возражений. Кошатник, похоже, был напичкан деньгами, а потому я уже успел заметить, что работать с ним не только приятно, но и чертовски выгодно.

В очередной раз зайдя на Тао тремя месяцами позже, я повстречался со счастливейшим на земле человеком, которого когда-либо видел в своей жизни. Он загорел и стал похож на кокосовый орех, его лицо светилось здоровьем и добрым юмором. Если не считать копны седых волос, то можно было бы сказать, что он помолодел лет на двадцать. Я в очередной раз признался себе, что он мне по-настоящему нравится. Он приехал на эти острова, чтобы найти на одном из них свою маленькую частную Утопию и, наконец, похоже, нашел ее!

Мой миниатюрный хозяин прямо-таки светился и искрился возбуждением, перебирая доставленные мною книги. Из конверта он извлек чек, на котором была прописана сумма произведенных мною покупок, и попросил меня самого подвести баланс после следующего плавания. Вписанная в чек сумма произвела на меня должное впечатление. Мне никогда не доводилось слышать об этом человеке ранее, однако создавалось впечатление, что пишущая машинка приносит ему немалый доход.

Я подхватил стопку подготовленных им рукописей и побещал, что сразу же по возвращении отправлю их самолетом в Нью-Йорк. Он сделал заказ на обычное продовольствие, удвоив, однако, размер «кошачьей еды». Две из его кошек разрешились от бремени и он с гордостью показывал мне маленьких котят. Можно было заметить, что он испытывал неподдельную радость, находясь в их обществе. В отношении крыс он также оказался прав — пожалуй, на островке не осталось ни одного грызуна.

При следующей моей остановке он вручил мне оче-

редную пачку рукописей и показал новых котят. Похоже, жизнь на атолле пришла им явно по душе; то же самое можно было сказать и про самого старика. Я не мог закрывать глаз на то обстоятельство, что он попросту наслаждался своей добровольной ссылкой на этом богом забытом пальмовом острове-тюрьме, и моя оценка его личности продолжала расти буквально на глазах. Я привез ему деньги, полученные по его предыдущему чеку, и он сразу же выписал мне новый. Наличность он сложил в металлический ящик, который стоял у него в хижине. Как и в прошлый раз, перед отплытием он попросил меня удвоить размеры заказа на еду для кошек.

Когда три месяца спустя я снова ступил на этот проклятый атолл, он уже буквально кишел кошками. Еще только входя в лагуну, я услышал нестройный хор их пронзительного мяуканья: они знали, что я везу с собой продовольствие для них. Фостер встречал меня, стоя у причала в окружении самой настоящей толпы кошек. Впервые за все это время я обратил внимание на то, что черты его лица несколько напряглись, а в манерах проскальзывала некоторая нервозность. У меня возникло недобroе предчувствие по поводу того, что мой волшебный уединенный странник начнал постепенно разочаровываться в своей затее.

Приветствие его, тем не менее, оказалось еще более теплым и сердечным, чем когда-либо раньше.

— Добрый день, капитан Роджерс. Как же я рад видеть вас!

Нам пришлось буквально продираться сквозь кошачью массу, чтобы добраться до его хижины. Старик непрерывно кричал на них и угрожающе размахивал тростью. Мое любопытство не ослабевало.

— Мистер Фостер,— проговорил я,— как вы считаете, сколько у вас сейчас здесь кошек?

— О, я даже не знаю,— ответил он как-то без энтузиазма в голосе.— Думаю, чуть больше сотни.

— Ну что ж, по крайней мере теперь вам не придется беспокоиться относительно крыс,— проговорил я, коротко рассмеявшись.

Он повернулся ко мне и с явным изумлением улыбнулся. Крыс? — переспросил он.— Мне теперь вообще ни о ком не приходится беспокоиться. Они забрались на паль-

мы и уничтожили все птичья гнезда. Теперь птицы сюда даже не залетают. Потом они переловили и сожрали практически всех насекомых на атолле. Еда кончилась примерно неделю назад и теперь эти маленькие дьяволы не дают мне ни минуты покоя. Пришлось даже на время прекратить работу над книгой и всерьез заняться рыбалкой, чтобы хоть как-то прокормить их.

Я понял, что эти животные, когда сильно проголодаются, действительно могли создать немало проблем. Что до меня самого, то регулярные поставки на остров кошачьей еды приносили мне немалый доход, и все же я не мог не заметить, что ситуация начинала выходить из-под контроля.

— Похоже на то, что вы с самого начала переборщили с количеством кошек, — проговорил я. — Может, я перед отплытием погружу половину этого отродья на шлюп и сброшу где-нибудь за борт?

Кошатник буквально отпрянул в ужасе.

— О Боже, ни в коем случае! — судорожно воскликнул он. Я о подобном и мысли не допускаю.

Затем лицо его, однако, несколько просветлело и на нем вновь простило прежнее добре выражение. Он наклонился и поднял с земли мурлыкающего котенка.

— А знаете, капитан, мои ребятишки — довольно интересные, прямо-таки забавные существа. Разумеется, сейчас их здесь слишком много, а потому они во многом утратили присущую им индивидуальность, однако кошачья община, которую они здесь создали, просто поразительна.

Фостер улыбнулся и указал рукой в сторону окна. — Видите вон того большого кота с разорванным ухом, который трется об оконную раму?

Я сразу приметил щелудивого на вид зверюгу; вид у него был такой, словно он, как боксер, провел тысячу боев и в каждом из них потерпел сокрушительное поражение.

— Это — вождь моего племени, и у него есть свой эскадрон молодых котов, которые оказывают ему всяческую поддержку. Им, можно сказать, принадлежит изолированная группа самок. Ну, а то, как мать ухаживает за своими котятами, о, это заслуживает самого пристального наблюдения и изучения. Я признаю, что они действительно создают некоторое неудобство, но без них жизнь здесь станет совсем скучной.

Меня как-то не особенно убедили его слова.

Я попытался зайти с другой стороны:— А как вы отнесетесь к такому плану: я нахожу группу туземцев, которые не склонны проявлять повышенную веру во всякие там предрассудки, привожу их сюда и они ловят для вас, а точнее, для кошек рыбу? Ведь рыбы в этой лагуне столько, что миллион кошек можно прокормить.

Старик яростно затряс своей седой головой.— Нет-нет, капитан, я сюда приехал специально, чтобы избавиться от человеческого общества и спокойно поработать над книгами. Я скорее буду содержать тысячу кошек, чем расстанусь со своим уединением.

Наставивать я не решился. Это была его жизнь, его мир; он создал их для себя самого. Я оставил ему продовольствие, которое он заказывал, и присовокупил к нему ящик консервированной говядины из собственных запасов. «Немало пищи понадобится, чтобы в течение трех месяцев прокормить такую ораву»,— подумал я. Перед отплытием я обнаружил, что пачка рукописей, которую он как обычно вручил мне, примерно в половину меньше своих обычных размеров.

История о Кошатнике и его племени быстро распространилась по островам Французской Океании. Теперь основную часть перевозимых мною грузов составляли запасы провианта для мохнатого зверья Фостера, а сам атолл Тао стал в Папете объектом самого пристального интереса. На пристани меня постоянно поджидала группа праздных гуляк, которым не терпелось получить самые свежие новости о старике и его кошках. Сам того не подозревая, он действительно стал знаменитостью во всей зоне южного Тихого океана, причем отнюдь не благодаря своей писательской деятельности.

Во время моего следующего рейса на Тао я обнаружил, что он начал постепенно сдавать. Как и в прошлый раз, ему не хватило пищи и кошки буквально изводили его. При этом я заметил в выражении его лица нечто такое, чего явно не было раньше — это было выражение страха.

Как и обычно, он встретил меня, стоя на причале, со всех сторон окруженный оравой завывающих, изголовдавшихся кошек.

— Капитан, вы привезли еду для них? — прокричал он мне еще до того, как я бросил ему конец.

— Все, как вы заказывали, сэр,— ответил я, подводя шлюп к кромке причала.

Нам опять пришлось буквально продираться сквозь сплошную массу кошачьих тел, чтобы добраться до его хижины. Старик, похоже, сильно ошибался, оценивая численность их населения — мне показалось, что сейчас их здесь где-то под две сотни. На островке длиной всего в километр, а шириной не более сотни метров, подобный отряд мохнатого зверья смотрелся особенно внушительно.

Едва мы переступили порог хижины, он принялся жаловаться на своих подопечных, готовый признать, что они действительно превратились для него в серьезную проблему.

— Знаете, капитан,— сказал он,— последние две недели были для меня сплошным кошмаром.— И добавил почти жалобным тоном:— Рыбачить я начал примерно месяц назад, когда стало ясно, что запасов не хватит. Мне никогда не приходилось видеть столь охочего до еды зверя.

Лицо его избороздили тревожные морщины. Внешний вид Фостера утратил свою былую опрятность и аккуратность, на лице появилось какое-то затравленное выражение. Его островная Утопия довольно быстрыми темпами превращалась в ад. Получалось так, что здание его мечты грозило развалиться прямо у него на глазах:

— Боюсь, нам и в самом деле придется что-то придумать в отношении этих кошек,— скорбным голосом проговорил он.— На сей раз я вообще не подготовил для вас ни одного листа рукописей. Эти животные не дают мне ни минуты покоя. Слышали бы вы их вопли, особенно в периоды спаривания или когда домогаются еды! Взрослые коты даже начали пожирать новорожденных котят, а схватки между ними практически никогда не прекращаются. Надо что-то делать!

Я не особенно удивился, услышав все это. Уже в прошлый свой приезд я начал подмечать первые признаки рождающегося раскола, да и старик тоже постепенно осознавал складывающиеся реалии.

— А что, мистер Фостер, может, в следующий раз мне привезти какую-нибудь отправу для них? — предложил я.

— Яд?! — Как я и ожидал, он резко вздрогнул, потом закрыл глаза и нервными пальцами стиснул лоб. Затем старик снова посмотрел на меня.— Нет, ни в коем случае. Я не могу совершить подобную жестокость. Их пребывание здесь является плодом моих трудов, сами они ни в чем ни виноваты. Надо найти какой-то иной выход.

Я улыбнулся и похлопал старика по плечу:— Надеюсь, мистер Фостер, вы простите меня, но я предвидел, что когда-нибудь кошки станут основательно докучать вам. Так вот, на этот раз я привез с собой несколько собак.

Теперь и он не на шутку развелновался.— Собак? — воскликнул он и в глазах его промелькнул луч надежды. *

— Именно, мистер Фостер. Я подумал, что вы сможете привязать их у дверей своей хижины. Уж с ними-то кошки будут вести себя спокойнее.

Его определенно обрадовало мое известие. Глаза его засияли ярче, а на лице расцвела знакомая мне улыбка. Он схватил мою ладонь и принял ее энергично трясти ее. Я молча поздравил себя с тем, что мне вовремя пришла в голову эта идея. Даже если бы он не позволил оставить их на острове, я намеревался сбросить их за борт где-нибудь недалеку от берега, чтобы они сами вплавь добрались до суши. Мне слишком был симпатичен этот маленький человечек, чтобы я спокойно позволил каким-то кошкам разрушить им же созданный рай.

— Кстати, я позаботился о том, чтобы это были кобели, добавил я, поворачиваясь, чтобы сходить за обоими псами.— Так что с их размножением на острове проблем у вас не будет.

Мое сообщение о собаках мигом облетело все Папете. Я специально постарался подобрать самых что ни на есть злобных собак, которых только можно было отыскать на Туамоту. Они, похоже, не нравились даже самим себе и оба просто впадали в безумную ярость при появлении кошек. Тем не менее, ход дальнейших событий показал, что я оказался не столь смекалистым как предполагал: двух псов явно не хватало для двух сотен оголодавших кошек.

К тому времени, когда я следующий раз достиг атолла, кошки полностью заполнили остров и завладели его территорией. Я услышал их отчаянное завывание еще тогда, когда только входил в лагуну. При этом я пытался, было,

разобрать в этом реве отголоски собачьего лая, но так и не услышал ни малейшего намека на него.

Приближаясь к причалу, я разглядел за закрытым окном хижины лицо старика. За несколько секунд до того, как я достиг дощатого настила, его дверь громко хлопнула, после чего появилась его фигура, бегущая ко мне и угрожающе размахивавшая тростью. Прыгающие, вопящие кошки нехотя уступали ему дорогу, но вели себя при этом неимоверно дерзко, совсем нагло. Они попросту вздымались над землей от раздиравшей их ярости, пытаясь уклониться от ударов трости, и останавливались на безопасном расстоянии, выгнув спины и пронзительно шипя на него.

Фостеру пришлось скинуть в воду не меньше дюжины кошек, прежде чем он смог подхватить конец троса. Наконец, нам удалось пробиться в его хижину. Входя в дверь, я успел разглядеть у порога цепи и пустые собачьи ошейники. Вопли голодного зверя буквально заглушали все остальные звуки.

Когда я наконец отдохнул и повнимательнее присмотрелся к старику, то тут же едва не отпрянул в изумлении. Пожалуй, мне никогда еще не доводилось, и, упаси Господи, чтобы довелось впредь, увидеть такое затравленное выражение человеческого лица. Глаза его ввалились, кожа обтянула острые скулы, а губы как-то съежились, превратившись в тоненькую полосочку, окаймлявшую желтоватые зубы. Вид у него был крайне неопрятный и он, похоже, уже несколько дней не брал в руки бритву.

Ему не было необходимости пересказывать мне, что он пережил за истекшие месяцы. Кошачье завывание, доносившееся из-за окна, было красноречивее любых слов. Меня охватывал ужас при мысли о том, чтоб прожить здесь хотя бы один день, не говоря уже о нескольких неделях. Бедняга прозябал в аду, который сам же и сотворил. Я понимал, что он еще не окончательно помешался — в противном случае он не отважился бы распахнуть передо мной дверь своей хижины, а перед этим встретить меня у причала.

— Собаки! — прокричал я.— Где собаки?

Кошачник уставился на меня как последний идиот — можно было предположить, что он не понимает смысла сказанных ему слов.

— Они сожрали их,— проговорил он странным, каким-то металлическим голосом.— Две недели назад. Убили и сожрали — не оставили даже коготка или клочка шерсти. Прежде собакам удалось загрызть несколько кошек и те сожрали их трупы. С тех пор они стали преследовать даже меня.

Несмотря на его вид, я понимал, что старик продолжает держаться изо всех сил. Первое, что мне предстояло сделать, это накормить толпу алчущих тварей, прежде чем они разорвали нас на куски. Я подхватил его трость и направился к двери.

Несколько зверюг прыгнули мне на спину, пока я прорывался к пристани. Они нанесли мне несколько довольно болезненных укусов и царапин, прежде чем я успел отряхнуть их с себя. Пятерых я прикончил ударами трости, пока они, наконец, не усвоили, что замах у меня подлиннее и покрепче, чем у старины Фостера. Каждая сраженная кошка немедленно пожиралась ее оголодавшими братьями и сестрами.

Добравшись до шлюпа, я перенес в легкую лодку несколько ящиков кошачьей еды и метров на шесть отплыл от берега. Затем я минимум два часа беспрерывно орудовал консервным ножом, открывая банки, пока мои пальцы не покрылись волдырями.

Когда последняя кошка отвалилась в сторону, наконец-то насытившись всласть, я подтянул лодку к берегу и стал пробираться к хижине старика. Он по-прежнему сидел за столом, опустив голову на скрещенные руки — и спал!

Несколько часов отдыха, душ, бритье — и выражение страха на его лице несколько ослабло. Бедолага стал хоть немного походить на себя самого. Мы выпили кофе и принялись обсуждать ситуацию. На сей раз я решил говорить с ним начистоту.

— Полагаю, мне не удастся уговорить вас покинуть остров?

Он покачал головой:— Ни за что, капитан.

Я стал просчитывать про себя варианты. Люди типа Фостера обладали такой силой воли, которая была способна сдвинуть горы. Возможно, именно поэтому он мне и нравился.

— Ну что ж,— продолжал я,— тогда нам надо что-то

придумать в отношении кошек. В следующий раз я привезу с собой добрую порцию отравы для этих тварей.

Несмотря на весь пережитой кошмар, при слове «отрава» лицо Фостера невольно исказилось гримасой боли.

— Скажите, капитан, а без яда нам никак не обойтись? — с надеждой в голосе спросил он.

— Только не пытайтесь меня отговорить, — твердо заявил я. — На сей раз я постараюсь избавить вас от этого кошачьего отродья, и сделаю это даже в том случае, если мне придется привязать вас к пальме.

С некоторой неохотой Фостер все же согласился с моим предложением: — Пожалуй, вы правы. Я уже не в состоянии сдерживать их. Ведь надо же когда-то и делом заниматься, я имею в виду свою книгу.

Мне была ненавистна мысль о том, что его придется оставить наедине с кошками, однако иного выбора у меня не было. В этот раз я привез с собой даже больше жратвы для кошек, но все равно ее было явно недостаточно. Пропищектировав свои запасы, я отдал ему все, без чего мог обойтись сам, а в придачу ко всему при последней езде на лодке привез со шлюпа свой карабин.

— Возьмите-ка на всякий случай, — предложил я.

Он взял оружие с таким видом, словно уступал прихоти другого человека. Затем я извлек из кармана коробку патронов и также передал их Фостеру.

— С этим поосторожнее, — добавил я, — и постарайтесь не расходовать их понапрасну. Здесь ровно пятьдесят патронов, больше у меня просто нет.

Патроны он также принял с печальной, но определенно благодарной улыбкой на лице.

Отгребая от причала, я прокричал ему напоследок:

— Старайтесь целиться в котов!

Уже потом я поймал себя на мысли о том, что мне следовало бы самому пристрелить полсотни котов — это хотя бы отчасти облегчило его положение. Тем не менее, я уже принял решение совершить очередную почтовую поездку и как можно скорее вернуться с солидной порцией яда. Кроме того, мне была бы невыносима мысль стрелять в кошек на глазах у их несчастного хозяина. Он определенно боялся их, однако по-прежнему приходил в отчаяние, представляя, что кто-то может причинить им боль.

Я как можно быстрее завершил свои дела на Папете и уже через три дня вышел в море. В районе Тубуайи меня застал ураган. Это был не самый страшный шторм, который когда-либо обрушился на эти острова, но худшего мне еще не доводилось переносить на своем шлюпке. Вместе с туземцами я пережидал его на одном из атоллов. К сожалению, мой шлюп врезался в причал и в конце концов его выкинуло прямо к стволам пальм. Можно сказать, что судна я лишился — от него оставались практически одни обломки.

Когда море наконец успокоилось, я договорился с одним из местных моряков, чтобы он отвез меня назад на Папете. Это было долгое, жалкое путешествие, но в конце концов мы добрались до цели. По глупости я рассчитывал, что мне удастся купить или нанять какое-то другое судно, чтобы продолжать заниматься своими обычными делами или, по крайней мере, доставить старику на Тао необходимые вещи. Я даже не представлял, насколько тяжелыми окажутся последствия шторма, пока не увидел Папете. На эти острова обрушилась основная мощь урагана и результаты были самыми плачевными. Девяносто процентов судов и мелких лодок, которые стояли у причалов, были разрушены либо серьезно повреждены. Невозможно было ни купить, ни нанять, ни хотя бы украсть судно, способное выйти в открытое море. Едва взглянув на последствия катастрофы в гавани Папете, я напрочь забыл про собственную утрату. Вскоре, однако, все мои мысли вновь сосредоточились на несчастном старике, который остался на острове наедине со своими кровожадными тварями.

Не будучи способным найти новую лодку, я принялся отчаянно искать выход из создавшегося положения. Я накупил крепежных болтов, приобрел новую ткань для паруса, материал, которым можно было законопатить днище, в общем все, что, как я полагал, может понадобиться для ремонта моего корыта, после чего договорился с туземцами, чтобы они отвезли меня на своей лодочонке на Тубуайю. Я рассчитывал, что нам удастся подремонтировать шлюп, чтобы я вовремя вернулся на «Кошачий остров».

Туземцы вообще никогда не были особо хорошими работниками, а на сей раз откровенно лодыричиали, так что я едва не пришиб парочку из них, пока мы собирали

обломки моего судна и заново лепили из них нечто похожее на некогда существовавший шлюп. Я регулярно привозил их к месту работы, так что работали они, можно сказать, от рассвета до заката, а порой даже ночью при свете фонаря. То, чего у нас не было, но что действительно требовалось, мы изготавливали сами. За полтора месяца мы, наконец, привели шлюп в относительный порядок. Признаюсь, что судно получилось не очень-то надежное, но я понимал, что оно все же выдержит и сможет идти под парусом, если, конечно, не попадет в очередной ураган.

Все то время, пока мы работали, меня преследовали мысли о старице Фостере, оставшемся на Тао. Запасов продовольствия для прожорливых существ ему должно было бы хватить не более, чем на три месяца, и срок этот к моменту окончательного спуска подлатанного судна на воду давно истек. Я произвел элементарный подсчет и понял, что если вернуться на Папете, чтобы пополнить запасы продовольствия и снаряжения, то я потеряю еще не меньше месяца.

Как и остальные белые люди, жившие на островах, я не придавал особого значения всем этим туземным суевериям и табу. Обычно эти предрассудки основывались на культурных традициях и легендах, а отнюдь не на каких-то реальных фактах. Тем не менее, я испытал сильное нервное напряжение двадцать шесть дней спустя, когда до Тао оставались одни сутки плавания.

Море было совершенно спокойным. В корму дул легкий, устойчивый ветерок и меня со всех сторон окружала чистая, темно-синяя вода. На сей раз все шло нормально, но меня не оставляло предчувствие, что я покидаю мир живых существ и направляюсь прямо к вратам ада.

В лагуне я оказался где-то вскоре после полуночи. Едва я бросил якорь, как со стороны черной кромки атолла послышался громкий, похожий на стон звук, который донесся до меня, отражаясь от походившей на залитое лунным светом зеркало поверхности воды. По коже у меня пробежали мурашки и я в буквальном смысле почувствовал, как напряглась кожа у меня на затылке. Оголодавшее зверье услышало меня и теперь требовало своей пищи.

Я тщетно пытался увидеть луч света из окон хижины старика. Раз десять я прокричал ему над поверхностью ла-

гуны, но в ответ мне раздавались лишь очередные всплески кошачьего воя. Потом я стал всматриваться, надеясь разглядеть на берегу хоть какие-то признаки жизни, и в самом деле вскоре увидел их. Кошачьи глаза! Сотни и сотни их отражали свет полной луны и переливались подобно серебристым блесткам на черном бархате береговой линии атолла. Все они были там — голодные и ожидающие меня или кого-либо еще. Волна тошноты подступила к моему горлу, когда я понял, что опоздал. На ум почему-то пришла мысль о том, сколько же старику удалось подстрелить этих тварей, прежде чем они добрались до него?

Я дождался начала рассвета и лишь тогда отвязал свою лодку от кормы шлюпка. Когда солнце наконец взошло, я вооружился двумя увесистыми дубинками и стал приближаться к берегу. Достигнув пляжа, я увидел зрелище, которое, наверное, не забуду до конца дней своих. Несколько кошек плескались и ныряли на мелководье неподалеку от берега, плавая на манер тюленей. Они ловили рыбу!

Два здоровенных кота поплыли навстречу моей лодке и попытались, было, забраться в нее сбоку. Я яростно огrel их дубиной по спинам и сразу же отставил в сторону идею добраться до причала, поскольку он был полностью заполнен проклятым зверьем; существовала реальная опасность того, что они запрыгнут в лодку и опрокинут ее прежде, чем я ступлю на сушу. Пляж буквально кишел ими, превратившись в сплошной ковер, сотканный из мохнатых тварей. Они выли и вопили в безумном крещендо, как если бы я нес личную ответственность за их бедствия. Пока я подгребал к дальнему концу пляжа, они преследовали меня по берегу, злобная, пятнистая волна шипящего меха.

Я вновь принялся открывать банки с едой и бросать ее кошкам, пока мои пальцы не покрылись кровавыми ссадинами. Опустошив шлюпку, я погреб назад к причалу. При мерно половина кошек продолжала следовать за мной, явно намереваясь встретить меня на берегу. Я решил не искушать судьбу и не выходить на сушу, а вместо этого быстрыми гребками направил лодку к пляжу. За мгновение до того, как днище лодки коснулось песка, я убрал весла, схватил обе дубинки и подготовился к прыжку.

Едва ступив на землю, я бросился бежать, размахивая своим оружием подобно крыльям мельницы. Кошки поды-

хали при каждом моем взмахе, но они все равно пытались наброситься на меня. Я кричал от боли, чувствуя на теле укусы их зубов. Проклятые звери совершенно обезумели; они настолько рехнулись от голода, что готовы были бросаться на кого и что угодно.

Я с боем пробивал себе путь к хижине старика и несколько раз был на грани полного поражения. Как я и предполагал, оконные рамы были сплошь исцарапаны когтями. Я не стал тратить время, чтобы отпирать дверь, а вместо этого плечом вышиб ее и по инерции влетел внутрь. Охваченный яростью и ощущая острую боль, я увидел, что кошки отчаянно сражаются за какую-то добычу, лежавшую на полу посередине хижины. Мне уже было ясно, что добычей этой являлось то, что оставалось еще от тела Фостера.

К тому моменту я взбесился не хуже кошек. Не обращая внимания на кровожадное зверье, которое продолжало отчаянно цепляться и вгрызаться в мое тело, я принялся пробивать брешь в этом извивающемся слое меха. Дубинки взлетали и падали, пока я методично размалывал волосатые тела, и наконец я увидел, за что именно они дерутся. Это был клок белоснежных волос, прилипший к остаткам скальпа.

Пожалуй, в тот момент я совершенно лишился рассудка. Не знаю, как я выбрался из той хижины, но подозреваю, что определенно сошел с ума, потому что потерял одну из своих дубинок, бросив ее на пол, чтобы схватить волосы. Помню только, как я несся к пляжу, а кошки взметались и со всех сторон прыгали на меня. Едва вступив в воду, я с размаху поднырнул под лодку и с силой уткнулся руками в ее корму.

Этот маневр спас мне жизнь. Удар был настолько силен, что лодку оттолкнуло от берега и она медленно поплыла вглубь лагуны. Толком ничего не соображая, я отмахивался от подплывавших ко мне кошек, пытаясь орудовать неудобной теперь дубинкой.

На палубе я сбросил свою изодранную одежду и принялся залечивать сотни царапин и укусов, чем и занимался практически на всем обратном пути к Папете. По прибытии в порт я подробно сообщил обо всем французскому губернатору, но у меня сложилось впечатление, что он мне не поверил. Тем не менее, он все же отправил к атоллу Тао слу-

жебное судно с представителями местной полиции, чтобы они на месте разобрались во всем этом деле. Когда отряд вернулся назад, мои рассказы о «Кошачьем острове» стали восприниматься как нечто вроде сказок из воскресной школы.

Полицейские даже не вышли на берег Тао. Плавающие кошки встретили их еще в водах лагуны; они взбирались по оснастке судна и пытались добраться до сидевших в нем людей. Неудивительно, что полицейские постарались поскорее унести оттуда ноги. По их словам, тела кошек покрыли собой абсолютно весь атолл и они охотились в лагуне не хуже пингвинов. После этого за атоллом и закрепилось, став практически официальным, название — «Кошачий остров».

С тех пор буквально все жители этого района обходят атолл стороной. На протяжении нескольких лет ни одно судно даже не приближается к нему. По своим почтовым делам я временами проплываю мимо него, однако никогда там не останавливаюсь. Иногда я подумываю о тех деньгах, которые старик хранил в железном ящичке у себя в хижине, прикидывая варианты того, чтобы сплавать туда за ними, однако всякий раз, когда подобная глупая идея приходит мне в голову, я принимаюсь пересчитывать оставшиеся на теле следы от понесенных ран и извлекаю из своего морского сундука оставшийся от Фостера «сувенир». Мне достаточно одного взгляда на клок белоснежных волос старого писателя, чтобы от столь вздорных мыслей не осталось и следа.

Стивен Кинг

ГОСТЬЯ ИЗ АДА

Имя Стивена Кинга, все еще принадлежащего к числу достаточно молодых писателей США, едва ли нуждается в дополнительных комментариях. Работая преимущественно в жанре психологической драмы, фантазии, ужаса и гротеска, он является автором значительного числа нашумевших романов, к числу которых относятся, в частности, «Сияние», «Мизери», «Кэрри» и ряд других. Работая преимущественно над солидными по объему произведениями, где он в деталях прорабатывает нюансы довольно неоднозначных характеров своих героев, автор иногда уделяет внимание и короткому рассказу.

«Гостья из ада» — одна из таких миниатюр, в которой черты криминального рассказа сочетаются с элементами полуфантастического описания сил потустороннего зла, получающего свое воплощение в образе безобидного — но лишь на первый взгляд! — животного.

Поначалу Хэлстон подумал, что сидящий в кресле на колесиках старик сильно болен, чем-то крайне напуган и вообще вот-вот отдаст Богу душу. Ему приходилось и раньше сталкиваться с подобными ситуациями. Среди профессионалов Хэлстон имел репутацию одиночки, автономного боевика, который, однако, вполне успешно сосуществовал с обычными громилами. За время своей активной «работы» на этом поприще он отправил на тот свет восемнадцать мужчин и шесть женщин, так что можно было с уверенностью утверждать, что лик смерти ему хорошо известен.

Дом — это был просторный особняк — был наполнен холодом и затаившимся покоем. Тишину нарушали разве что глуховатое потрескивание огня в камине да доносившееся снаружи подывывание ноябрьского ветра.

— Я хочу поручить вам особое задание.— Голос старика чем-то напоминал хруст старой сминаемой бумаги.— Насколько я понял то, что мне сказали, именно этим вы и занимаетесь.

— С кем вы разговаривали? — спросил Хэлстон. Ему было тридцать два года и внешность он имел самую что ни на есть заурядную. Вместе с тем, движения его отличались легкой, даже жутковатой грацией, словно это была акула в образе человека.

— Я говорил с человеком по имени Сол Лоджия. Он сказал, что вы знакомы.

Хэлстон кивнул. Раз именно Сол порекомендовал его этому человеку, значит все в порядке. Если же старику Дроган вздумал шутить и встроил в комнату «жучки» для подслушивания, что ж, тем хуже для него самого.

— И что же это за задание? — спросил Хэлстон.

Дроган надавил на какую-то кнопку в подлокотнике своего кресла, и оно поехало вперед, издавая при этом звук, напоминающий жужжение попавшей в бутылку мухи. Едва он приблизился вплотную к Хэлстону, на того пахнуло смесью запахов старости, высохшей мочи и страха. Он неволе испытал отвращение, однако биду не подал и внешне продолжал хранить спокойствие.

— Ваша жертва находится как раз у вас за спиной,— проговорил Дроган.

Реакция Хэлстона была мгновенной. Он знал, всегда

знал, что именно от ее скорости нередко зависела его жизнь, а потому не только мозг, но и все его тело постоянно находились начеку. Он резко сполз с дивана, упал на одно колено и одновременно повернулся, машинально просунув руку внутрь сшитого по специальному заказу спортивного плаща, где в кобуре под мышкой висел опять же специальный револьвер сорок пятого калибра. Долей секунды оружие оказалось у него в руке, он взметнул его и увидел в прорези прицела... кошку.

Какое-то мгновение Хэлстон и кошка неотрывно смотрели в глаза друг другу. Хэлстон никогда не отличался особым воображением и не страдал избыточным суеверием, однако подобный поворот дела оказался для него полной неожиданностью. В ту самую секунду, когда он, опустившись на колено и подняв револьвер, увидел кошку, ему показалось, что он давно знает ее, хоть, будь это действительно так, он никогда бы не запамятаовал животное со столь характерной внешностью.

Морда ее была словно разрезана надвое: одна половина была черная, а другая сплошь белая. Прямая как струна разделительная линия шла от макушки ее плоского черепа, спускалась к носу и далее упиралась в рот. В сумраке изысканно обставленной гостиной ее глаза казались громадными, а черные зрачки, в которых преломлялся свет от камнина, сами походили на тлеющие ненавистью угольки.

Зародившись, эта же мысль, словно эхо, вернулась к Хэлстону: мы знаем друг друга — ты и я.

Впрочем, скоро это прошло. Он спрятал револьвер и быстро встал.

— За подобные выходки мне следовало бы вас убить,— спокойно сказал он Дрогану.— Подобных шуток я не люблю.

— А я и не шучу,— ответил тот.— Присядьте пока, и посмотрите вот на это.

Он извлек из-под прикрывавшего колени пледа толстый бумажный пакет и протянул его Хэлстону.

Убийца послушно сел. В тот же момент кошка, приютившаяся, было, на спинке дивана, мягко перепрыгнула к нему на колени. Несколько секунд она неподвижно смотрела на Хэлстона своими огромными, темными глазами со странными, окруженными двойным золотисто-зеленым

ободком зрачками, после чего свернулась клубочком и тихо замурлыкала.

Хэлстон поднял на Дрогана изумленный взгляд.

— Дружелюбная кошечка,— проговорил старики.— Но только поначалу. На самом же деле это отродье уже убило в моем доме троих человек. В живых пока остался один лишь я. Я стар, болен, но... мне хотелось бы умереть не раньше, чем истечет отпущенный мне срок. Не раньше!

— Я что-то ничего пока не могу понять,— пробормотал Хэлстон.— Вы что, наняли меня, чтобы я убил кошку?

— Пожалуйста, загляните в конверт.

Хэлстон так и сделал. Конверт был заполнен сто — и пятидесятидолларовыми банкнотами — довольно старыми, потертыми. Он начал было пересчитывать их, но затем остановился.— Сколько здесь?

— Шесть тысяч долларов. Вторые шесть тысяч вы получите тогда, когда предъявите мне вещественные доказательства того, что кошка... ликвидирована. Мистер Лоджия уверял меня, что это ваша обычная такса.

Хэлстон кивнул, одновременно продолжая машинально поглаживать лежавшую у него на коленях кошку — та по-прежнему негромко урчала и, казалось, погрузилась в безмятежный сон. Вообще-то Хэлстон любил кошек. Более того, это было, пожалуй, единственное животное, которое вызывало в нем искреннюю симпатию. Особенно ему импонировало в них то, что они всегда гуляли сами по себе — так же, как и он. Господь — если он вообще существовал — сделал из них идеальное орудие убийства. Да, они всегда были сами по себе, очень походя в этом на него самого.

— В принципе, я мог бы вам ничего не объяснять, но все же сделаю это,— промолвил Дроган.— Предостеречь — значит вооружить, так, кажется, принято говорить, а мне очень не хотелось бы, чтобы вы отнеслись к этому заданию как к чему-то излишне легкому и незатейливому. Кроме того, у меня есть на то и свои собственные причины — так сказать, для самооправдания. Знаете, даже в том положении, в котором я нахожусь, мне бы не хотелось выглядеть в ваших глазах выжившим из ума старым болваном.

Хэлстон снова кивнул. Про себя он уже решил, что с учетом складывающейся обстановки выполнит порученное

задание вне зависимости от того, получит какие-либо дополнительные объяснения или нет. Но, раз старик изъявил желание что-то пояснить, он с удовольствием послушает.

— Для начала я хотел бы спросить вас: вы знаете, кто я такой? Откуда у меня средства на жизнь?

— Фармацевтические предприятия Дрогана,— беспристрастно произнес Хэлстон.

— Да, одна из крупнейших фармацевтических компаний Америки. А краеугольным камнем нашего финансового успеха является вот это.— Он вынул из кармана халата маленький пузырек без этикетки и протянул его Хэлстону.

— Три-дормаль-фенобарбин, состав «Ж»,— сказал Дроган. Предназначается исключительно для безнадежно больных людей, поскольку механизм зависимости от этого препарата формируется необычно быстро. Это одновременно болеутоляющее средство, транквилизатор и умеренный галлюциноген. Оказывает поразительно благотворное воздействие на смертельно больных людей, поскольку позволяет им свыкнуться со своим состоянием и легче переносить связанные с ним тяготы.

— Вы тоже принимаете его? — спросил Хэлстон.

Дроган оставил его вопрос без ответа: — Препарат широко распространен по всему свету. Это самый настоящий синтетик, разработали его в середине пятидесятых годов в одной из наших лабораторий в Нью-Джерси. Эксперименты проводились исключительно на кошках, поскольку их нервная система имеет поистине уникальную структуру.

— И сколько их вы таким образом отправили на тот свет? — вновь поинтересовался Хэлстон.

Дроган как-то поджался и даже напрягся: — Я считаю подобную постановку вопроса предвзятой и потому неправомерной.

Хэлстон пожал плечами.

— За четырехлетний период между первичной разработкой препарата и его утверждением Федеральной фармацевтической ассоциацией было э... ликвидировано примерно пять тысяч кошек.

Хэлстон тихонько присвистнул. Его пальцы нежно скользили по голове спящей кошки, чуть заползая на черно-белую мордочку. Животное тихо, умиротворенно урчало.

— Насколько я понял, вы считаете, что эта кошка пришла с целью отомстить вам за содеянное?

— Я не испытываю ни малейшего намека на чувство вины, проговорил Дроган, однако его старческий голос стал на тон выше и в нем зазвучали нотки раздражения.— Пять тысяч испытуемых животных погибли ради того, чтобы сотни тысяч человеческих жизней...

— Ладно, не будем об этом,— махнул рукой Хэлстон. Его всегда утомляло, когда люди начинали оправдываться.

— Кошка появилась у нас примерно семь месяцев назад, продолжал Дроган.— Лично я никогда не любил этих тварей. Типичные разносчики инфекции... постоянно бегают где попало... или роются в помойках... что-то подбирают. Это была инициатива моей сестры — она захотела взять ее в дом. С нее-то все и началось. Она первой поплатилась за это.

Он с ненавистью посмотрел на кошку.

— Вы сказали, что кошка убила троих.

Немного дрожащим голосом Дроган начал свой рассказ. Кошка все так же лежала на коленях Хэлстона, сильные, опытные пальцы убийцы нежно прикасались к ее шерстке, и она мягко мурлыкала во сне. Из камина иногда доносился похожий на хлопок звук: это лопалась в пламени сосновая шишка,— и тогда животное напрягалось, словно под слоем покрытых шерстью мышц была спрятана стальная пружина. Снаружи доносилось завывание холодного ветра, который кружил вокруг большого каменного дома, затерявшегося в коннектикутской глубинке. В глотке этого ветра клокотала зима, тогда как голос старика продолжал литься нескончаемым потоком.

Семь месяцев назад в доме жило четыре человека: сам Дроган, его сестра Аманда семидесяти четырех лет — на два года старше его, ее давняя подруга Кэролайн Бродмур (из тех уэстчестерских Бродмуров, как пояснил Дроган), давно страдавшая от эмфиземы, и, наконец, Ричард Гейдж — слуга, работавший в доме уже более двадцати лет. Гейдж, которому было под шестьдесят, водил большой семейный «линкольн», занимался приготовлением пищи и по вечерам разносил напитки. В дневное время к ним приходила служанка. Подобным образом вся четверка прожила где-то около двух лет, являя собой образчик немного странной

компании богатых пожилых людей и их семейного вассала. Единственным занятием этих чудаковатых стариков было ожидание — кто кого переживет.

Затем появилась эта самая кошка.

— Первым ее заметил Гейдж,— продолжал Дроган,— когда она, крадучись, бродила вокруг дома. Поначалу он попытался, было, прогнать ее прочь — кидал в нее палки, камни, один раз даже, кажется, попал. Однако кошка никак не уходила. Естественно, ее привлекал запах еды. Вид у нее был не ахти — сплошные клочки шкуры да торчащие во все стороны кости. Подобных созданий обычно бросают у обочины дороги, чтобы навсегда избавиться от них. Как это ужасно — столь бесчеловечным образом обрекать животное на медленную смерть.

— Лучше, конечно, подвергать испытанию их нервную систему,— пробормотал Хэлстон.

Дроган пропустил мимо ушей его замечание и продолжал свой рассказ. Кошек он ненавидел — всегда ненавидел. Поняв, что от незваной гостьи им так просто не избавиться, он приказал Гейджу отравить ее — большую, аппетитную порцию кошачьей еды обильно сдобрили три-дормаль-фенобарбином.

Кошка даже не притронулась к этой пище.

К тому времени Аманда Дроган уже заприметила кошку и распорядилась, чтобы ее взяли в дом. Разумеется, брат отчаянно сопротивлялся, но женщина настояла на своем. Как и всегда.

— Да, Аманда все сделала по-своему,— покачал головой Дроган.— Даже сама на руках принесла кошку в дом, а та все время беспрестанно мурлыкала — прямо как сейчас у вас, мистер Хэлстон. Правда, ко мне она ни разу даже не приблизилась. Ни на шаг не подошла... пока. Сестра поставила ей тогда блюдечко с молоком, которое она сразу же осушила. «О, вы только посмотрите на это несчастное существо, как оно проголодалось», сестра едва сдерживала слезы. Они с Кэролайн чуть ли не на цыпочках ходили вокруг нее. Я-то понимал, что таким образом они хотели отомстить мне — им было прекрасно известно, как я ненавижу кошек... как я всегда к ним относился, особенно после того как началась работа над три-дормалем. Им очень нравилось подразнивать меня, они просто наслаждались этой

игрой.— Он мрачно посмотрел на Хэлстона.— Но они и по-платились за это.

Где-то в середине мая Гейдж, как обычно, встал в половине шестого утра, чтобы зажечь в доме свет. Его пронзительный крик разбудил и Дрогана, и Кэролайн Бродмур.

Аманда Дроган лежала на полу у основания главной лестницы в окружении осколков разбитой фаянсовой тарелки и содержимого пачки «Маленькие котята» — это такая еда для кошек. Ее незрячие глаза неподвижно уставились в потолок. Она потеряла много крови — изо рта, из носа, в общем, много было чего. К тому же она сломала себе спину, одну ногу, несколько позвонков.

— Кошка спала у нее в комнате,— заметил Дроган,— и она ухаживала за ней как за младенцем... «Она такая го-одная, доогой. Так пуогоодаась, паавда ведь? Ну что, ма-ютка, ты хочешь выйти и сдеать пи-пи?» Мерзость какая — слышать подобное из уст старой, закаленной в боях Аманды. Как я полагаю, это чертово отродье разбудило ее своим мяуканьем. Аманда взяла тарелку и пошла вниз — ей все время казалось, что Сэмми — это она так ее называла — не любит есть «Котят» всухомятку. Мол, обязательно надо разбавлять их молоком. Ну вот... Встала, значит, и пошла вниз, чтобы налить молока. Кошка, наверное, беспрестанно терлась о ее ноги. А Аманда, что и говорить, уже была старой, очень старой, ноги плохо слушались. К тому же толком, наверное, не проснулась еще. Едва они подошли к краю лестницы, как кошка бросилась ей под ноги... нечто вроде подножки подставила...

«А что,— подумал Хэлстон,— в принципе, все могло быть именно так. А со стороны посмотришь — ничего преднамеренного». Он мысленно представил себе, как старуха заваливается вперед, катится вниз по ступеням, настолько напуганная, что не в состоянии издать ни звука, крикнуть, чтобы позвать на помощь, разбудить спящий дом. «Котята» веером разлетаются по сторонам, тарелка разбивается, а сама она кувырком летит вниз и плюхается на пол. Разумеется, ее старушечьи кости всего этого не выдержали. Следом — эта картина прямо так и стоит у меня перед глазами спускается эта злосчастная кошка, по ходу подбирай разбросанных по ступенькам «Котят»...

— А что сказал судебный следователь? — поинтересовался Хэлстон.

— Ну что он мог сказать? Смерть от несчастного случая, естественно. Но у меня самого сомнений не было. Я все понял.

— Но почему вы после этого не избавились от кошки? Я имею в виду после смерти вашей сестры.

Наверное, потому, что Кэролайн Бродмур пригрозила ему покинуть их дом, если он сделает это. Она вообще была истеричка, и к тому же буквально помешалась на этой кошке. Плюс ко всему она была очень больной женщиной и временами у нее появлялись своего рода... фантазии. Однажды она сказала Дрогану, что ничуть не сомневается в том, что душа Аманды переселилась в Сэмми, а поскольку Сэмми была кошкой Аманды, то теперь она сама возьмет на себя все заботы о ней, как если бы это делала Аманда.

С годами Хэлстон научился довольно неплохо читать между строк и потому смекнул, что когда-то, в далеком прошлом, Дроган и Кэролайн Бродмур были любовниками, а потому ему не хотелось терять ее из-за какой-то кошки. А она действительно могла бы уехать.

— Это было бы равносильно самоубийству, — сказал Дроган. — Ведь у нее никого не осталось — абсолютно никого. У нас она жила на втором этаже в специально оборудованной комнате, где поддерживалась атмосфера повышенной влажности. Ей было семьдесят лет, мистер Хэлстон, причем, едва достигнув двадцати одного года, она высаживала в день по две пачки сигарет, а то и больше. В общем, эмфизема была в крайне запущенном состоянии. Одним словом, я хотел, чтобы она осталась в доме, и если этой чертовой кошке тоже суждено было остаться, то...

Хэлстон кивнул в знак понимания и многозначительно посмотрел на часы.

— Умерла Кэролайн в конце июня, — продолжал Дроган. Смерть наступила во сне. Доктор отнесся к этому факту довольно спокойно — пришел, осмотрел, выписал свидетельство о смерти, вот и все. Но я увидел в ее комнате кошку! Гейдж тоже ее видел.

— Но ведь она все равно должна была когда-нибудь умереть от своей эмфиземы, — заметил Хэлстон.

— Ну разумеется, — лицо Дрогана исказилось стран-

ной, какой-то дерганой улыбкой.— Именно так и сказал врач. Но я-то знаю, в чем дело. Я все помню. В детстве мать рассказывала мне, что кошки имеют обыкновение именно так расправляться с малыми детьми и стариками — во сне. Они похищают, крадут у них дыхание.

— Вы что, в самом деле верите в этот миф?

— Как и большинство других мифов, он основан на фактах,— возразил Дроган. В свете пламени камина щеки его казались особенно ввалившимися, а голова вообще смахивала на голый череп.— Кошки любят царапать когтями мягкие вещи — подушки, толстые плюшевые коврики или... одеяла. Одеяло младенца, лежащего в колыбельке, или одеяло в кровати старика. Дополнительный груз на теле слабого человека...

Дроган умолк, но Хэлston отчетливо представил себе эту картину. Кэролайн Бродмур лежит в своей спальне, дыхание с хрипом вырывается из ее пораженных смертельным недугом легких, оно едва различимо на фоне специальных увлажнителей и кондиционеров. Кошка со странной черно-белой окраской запрыгивает на ее старческую постель и молча вглядывается своими сверкающими черно-зелеными глазами в старое, изрытое морщинами лицо. Затем она подкрадывается к ее худой груди и с тихим урчанием опускается всем телом на нее... дыхание становится едва заметным... замирает, затихает..., а кошка все урчит и урчит, пока старуха медленно испускает дух под давящим ей на грудь живым гнетом.

Он никогда не был особенно впечатлительным человеком, однако мысленно нарисованная им самим картина заставила содрогнуться даже его.

— Но скажите, Дроган,— проговорил он, продолжая машинально поглаживать голову тихо урчащей кошки,— почему вы не отвезли ее к ветеринару и не усыпили ее там? Мой дядюшка в прошлом году подобным образом отдался от своего пса и это обошлось ему в какую-то двадцатку.

— Похороны состоялись первого июля,— продолжал Дроган, словно не слыша слов Хэлстона.— Я распорядился, чтобы Кэролайн положили в наш фамильный склеп рядом с сестрой. Уверен, она бы и сама захотела того же. Третьего июля я пригласил в эту самую комнату Гейджа

и передал ему плетеную корзину, в которой сидела кошка, и приказал отвезти ее в Милфорд к ветеринару. Он сказал: «Слушаюсь, сэр», и вышел. Все прошло быстро и без лишних слов — вполне в его манере. Больше я его живым не видел. «Линкольн» врезался в бетонный бордюр моста, а с учетом того, что скорость машины была более шестидесяти миль в час, смерть Дика Грейджа наступила мгновенно. На лице покойника были обнаружены многочисленные глубокие царапины.

Хэлстон молчал. Сознание его непроизвольно уже начало рисовать очередную ужасную картину. В комнате стояла полная тишина, если не считать уютного потрескивания дров в камине да столь же умиротворенного урчания свернувшейся у него на коленях кошки. Чем не преображеная иллюстрация к поэме Эдгара Геста: «...Свет добрый камина, и кот на коленях. Вы сразу же скажете — нет слаще лени».

Но видение все же возникло.

Вот Дик Гейдж подъезжает на «линкольне» к повороту на Милфорд, превышая разрешенный лимит скорости миль на пять. Рядом с ним на сиденье все та же зловещая кошка, но уже в корзине. Дик внимательно следит за дорогой, за едущими рядом автомобилями, возможно, даже обгоняет большой грузовик и потому не замечает странную черно-белую морду кошки, раздвигающую прутья старой корзины, много лет служившей семье для загородных поездок.

Пожалуй, именно в тот момент, когда он обгонял длиннющий грузовик, кошка бросается ему на лицо и, выпустив когти, начинает полосовать кожу. Зловещие лапы тянутся к глазам, чтобы пронзить их, вырвать, ослепить человека. Шестьдесят миль в час, гул мощного двигателя «линкольна», и когтистая лапа впивается ему в переносицу, вызывая приступ дикой, почти непереносимой боли. «Линкольн» начинает заносить вправо, под колеса надвигающегося сбоку грузовика — водитель того отчаянно давит на клаксон, издающий душераздирающий, оглушительный и хриплый сигнал сирены, но Гейдж уже ничего не слышит, потому что уши ему заложил истощный вопль кошки. Побочно огромному мохнатому черному паку эта тварь всем телом распласталась на лице Дика. Уши плотно прижаты к голове, зеленые глаза пылают как адские прожектора, из

приоткрытого рта брызжет слюна, сильные задние лапы, чуть подрагивая, впиваются в мягкую плоть шеи престарелого мужчины. Машину резко заносит вправо, но Гейдж уже не только не видит, что впереди маячит бордюр моста, но, пожалуй, ничего толком не соображает. В последний момент она выпрыгивает в открытое окно, а «линкольн», подобно сияющему черному снаряду, врезается в твердь бетона. Гейдж со страшной силой ударяется грудью о рулевое колесо, которое сминает, сплющивает ее...

Хэлстон невольно сглотнул, ощущив в собственной груди непонятный, странный сухой щелчок.

— А кошка вернулась? — пробормотал он.

Дроган кивнул:

— Примерно через неделю. Точнее, в тот самый день, когда хоронили Дика Гейджа. Да, она вернулась.

— Надо же, пережить автомобильную катастрофу. И это при скорости свыше шестидесяти миль в час? В это не-просто поверить.

— Говорят, у каждой кошки по девять жизней. Тогда-то я и начал подумывать о том, что она прибыла ко мне из самого ада. Что-то вроде демона, посланного, чтобы...

— Чтобы покарать вас?

— Я не знаю. Но мне страшно от всего этого. Я кормлю ее, точнее, кормит женщина, которая приходит, чтобы здесь убираться. Ей она тоже не нравится. Она говорит, что такая кошачья морда, такая расцветка — это сущее проклятье. Божье проклятье. Я понимаю, она из местных,— старик попытался, было, улыбнуться, но это у него не получилось.— Я хочу, чтобы вы убили ее,— наконец проговорил он.— Вот уже четыре месяца как я живу с ней под одной крышей. В темноте она подкрадывается ко мне, смотрит на меня. Мне кажется, что она... выжидаeт. В конце концов я нашел подходы к Солу Лоджии и он порекомендовал мне вас. Даже назвал вас как-то по-особому...

— Одиночкой? Сказал, что я предпочитаю работать автономно?

— Да. И он еще сказал: «Хэлстон еще ни разу не попался. Даже под подозрением не был. Как бы его ни крутило и ни швыряло, он всегда опускается на четыре лапы... как кошка».

Хэлстон посмотрел на старика, сидевшего в кресле-ка-

талке. Неожиданно его сильные мускулистые пальцы неврно пробежали по кошачьей шее.

— Нет! — воскликнул Дроган и прерывисто вздохнул. Краска хлынула к его впалым щекам.— Нет... не здесь. Увезите ее куда-нибудь.

Хэлстон невесело улыбнулся, после чего вновь принялся медленно и очень нежно поглаживать голову и спину спящей кошки.

— Годится,— проговорил он.— Я принимаю этот контракт. Хотите, чтобы я представил ее тело в качестве доказательства?

— Господи Иисусе, нет! — с отвращением воскликнул старик.— Убейте ее, закопайте, что угодно!— Он ненадолго умолк, а затем повернул кресло в сторону Хэлстона.— Мне нужен только ее хвост,— проговорил он.— Я хочу бросить его в камин и наблюдать, как он будет гореть.

Хэлстон вел свой «мустанг» 72 года, под капотом которого билось изношенное и усталое сердце «студебеккера» 56-го. Машина была латаная-перелатаная, а ее выхлопная труба свисала к земле под углом двадцать градусов. Он самостоятельно переделал в ней дифференциал и переднюю подвеску, а кузов оснастил кое-какими деталями от других моделей.

Из дома Дрогана он выехал около половины десятого. Сквозь рваные облака ноябрьского вечера проглядывал холодный узкий полумесяц. Все окна в машине были открыты, поскольку ему казалось, что затхлый запах немощи и страха, царивший в доме, успел пропитать ему всю одежду, а это было чертовски неприятное ощущение. Холод был стальным и резким, словно лезвие остро наточенного ножа, и все же был намного приятнее тепла недавно покинутого им помещения. Мерзкая вонь и в самом деле быстро выветривалась.

У Плейерс Глен он свернул с основного шоссе и проехал по опустевшему городу, охрану которого нес одинственный светофор-мигалка. Тем не менее, Хэлстон ни разу не превысил положенных тридцати пяти миль в час. Выехав за пределы города и оказавшись на шоссе номер 35, он, однако, решил дать чуть больше воли своему застоявшемуся «мустангу». Студебеккеровский мотор работал мягко, и его стрекот чем-то походил на урчание кошкой, часом

раньше лежавшей на коленях Хэлстона в доме старика. Он невольно улыбнулся при этом сравнении. Вскоре он понесся по занесенным снегом, замерзшим ноябрьским полям, кое-где покрытым оставами кукурузной стерни, делая при этом уже все семьдесят миль в час.

Кошка сидела в хозяйственной сумке, в которой для прочности были заблаговременно сделаны двойные стенки; сверху ее довольно надежно стягивал толстый шпагат. Сама сумка лежала на заднем сиденье. Когда Хэлстон укладывал кошку в сумку, она мирно спала, да и сейчас, похоже, все так же безмятежно посапывала. Возможно, она чувствовала, что симпатична Хэлстону и потому чувствовала себя в его обществе, как дома. И он, и кошка, в сущности, были одиночками.

«А все же странное задание», — подумал Хэлстон и неожиданно поразился, поймав себя на мысли, что считает это заданием. Может, самым удивительным во всей этой истории было именно то, что кошка ему действительно нравилась. Он чувствовал некую связывавшую их близость. А что, раз уж ей удалось избавиться от этих трех старых перечниц, значит немалая была в ней сила... Тем более, если говорить о Гейдже, который вез ее в Милфорд на «свидание» с ветеринаром, а уж тот определенно находился в предвкушении того сладостного момента, когда сможет засунуть ее в миниатюрную газовую камеру размерами с микроволновую печь. Хэлстон и в самом деле испытывал некоторую расположленность к кошке, хотя и не отказывался от своего намерения честно выполнить условия контракта. Однако сделает это он с соблюдением должного приличия и убьет ее быстро и вполне профессионально. Остановит машину на краю какого-нибудь заснеженного поля, вытащит кошку из сумки, свернет ей шею, после чего отрежет хвост, чтобы впоследствии показать его старику. «А потом, — подумал он, — я похороню ее как полагается — не нужно, чтобы она оставалась на потеху каким-нибудь бродягам или, тем более; досталась мусорщикам».

Именно в тот момент, когда он размышлял обо всем этом, кошка неожиданно предстала перед ним, прямо над приборной доской — ее черно-белая морда была обращена к нему, а пасть, как показалось Хэлстону, чуть-чуть приоткрылась в хищной ухмылке.

— Черт! — прошипел Хэлстон, невольно бросая взгляд вправо, через плечо — в стенке, двойной стенке сумки была прогрызена большая дыра. Он снова посмотрел вперед, и в это самое мгновение кошка, приподняв лапу, резко ударила его по лицу. Он стремительно откинулся назад... и услышал, как завизжали колеса «мустанга».

Машина пересекла двойную желтую полосу на шоссе и ее стало разворачивать задом наперед. Кошка продолжала стоять на приборном щитке машины, и он, изловчившись, что было сил ударил ее — зверь зашипел, но с места не сдвинулся. Тогда Хэлстон нанес еще один удар, но вместо того чтобы отскочить в сторону, она бросилась ему на лицо.

— Гейдж, — подумал он, — прямо как с Гейджем...

Нога машинально давила на педаль тормоза, тогда как кошка продолжала цепляться за его голову, вонзая в нее когти всех четырех лап и закрывая своим брюхом обзор дороги. Превозмогая дикую боль, Хэлстон, однако, по-прежнему не отпускал руль из рук. Он еще раз ударил кошку, потом еще, еще — и в этот момент его неожиданно швырнуло вперед и автоматические ремни безопасности от резкого удара мгновенно напряглись, удерживая его тело в вертикальном положении. Отчаянный, почти нечеловеческий вопль зашедшейся от адской боли женщины («почему только женщины?» — подумалось ему в тот миг) — было последним, что отпечаталось в мозгу Хэлстона. Он, правда, нашел еще в себе силы для последнего удара, но нанес его слишком неточно, и кулак лишь скользнул по упругим кошачьим мускулам.

И сразу после этого его сознание окунулось в темную, непроглядную бездну.

Луна скатилась за горизонт. До рассвета оставался примерно час.

«Мустанг» лежал на брюхе в поросшем приземистым кустарником овраге. В радиаторной решетке запутались ключья колючей проволоки. Весь перед машины превратился в кучу искореженного металлома.

Медленно, постепенно, но Хэлстон все же начинал приходить в себя. Первое, что он увидел, открыв глаза, была та самая кошка, уютно пристроившаяся у него на коленях. Она чуть слышно мурлыкала и спокойно глядела на него

своими сияющими на черно-белой морде зеленоватыми глазами.

Хуже всего было то, что ног своих Хэлстон не чувствовал.

Он скользнул взглядом мимо кошки и увидел, что передняя часть машины полностью разрушена, мотор ввалился в кабину машины, раздробив ему ноги и нагло припечатав его к спинке кресла. «Заживо похоронен», — пронеслось в мозгу Хэлстона.

Где-то вдалеке заухала сова, видимо, почувствавшая ночную добычу.

А совсем рядом, словно внутри него, продолжало раздаваться мерное кошачье урчание.

Ему даже показалось, что кошка улыбается ему.

Хэлстон видел, как она медленно поднялась, выгнула спину и потянулась. Внезапно с грациозной и одновременно устрашающей гибкостью хищника она, словно живая, колышащаяся промасляная ткань, кинулась ему на плечо. Хэлстон попытался было поднять руку, чтобы отогнать ее.

Рука не шелохнулась.

Спина, — словно врач-профессионал подумал он. — Перелом позвоночника. Я парализован.

Кошка угрожающе мурлыкала ему прямо в ухо, и звук этот казался похожим на раскаты грома.

— Пошла прочь! — прокричал Хэлстон, с некоторым удовлетворением отмечая, что голоса все же не лишился, хотя тот прозвучал сухо, сипло, почти нечленораздельно. Кошка на мгновение напряглась, затем откинулась назад. На концах лап внезапно появились таившиеся доселе когти, и она полоснула ими по щеке Хэлстона — резкая боль молнией кинулась к горлу, потекла струйка крови.

Боль.

Значит, чувствительность не потеряна.

Он приказал голове повернуться вправо, и та подчинилась. На какое-то мгновение лицо его утонуло в сухом, мягким мхе. Хэлстон снова закричал. Кошка разразилась рассерженным и даже несколько удивленным звуком — йоук! — и спрыгнула на сиденье. Прижав уши к голове, мохнатая тварь по-прежнему не отрывала от него горящих гневом глаз.

— Что, хочешь сказать, не надо мне было этого делать, да? — прохрипел он.

Кошка раскрыла пасть и зашипела. Глядя на эту странную, по-шизофренически раздвоенную морду, Хэлстон понял, почему Дроган считал ее исчадием ада. Она...

Его мысли внезапно оборвались, когда он почувствовал слабую покалывающую боль в обеих кистях и в предплечьях.

Значит, чувствительность все же восстанавливается. Вот они — булавочные уколы.

В тот же миг кошка, выпустив вновь когти, с шипением бросилась ему на лицо.

Хэлстон закрыл глаза и широко распахнул рот. Ему хотелось укусить кошку в живот, но он смог лишь ухватить клок шерсти. Когти вцепились ему в уши, и животное с силой прижимало их к голове. Превозмогая жгучую, нестерпимую боль, Хэлстон попытался было поднять руки — те чуть дернулись, но так и не оторвались от коленей.

Он наклонил голову, чуть вытянул ее вперед и принялся трясти ею, как это делает человек в ванной, которому в глаза попало мыло. Шипя и повизгивая, кошка все же продолжала держаться. Хэлстон чувствовал, как по его щекам медленно струится кровь, а уши жгло так, словно они побывали в горящем пламени.

Он откинул голову назад и зашелся в страшном крике — очевидно, в аварии повредил шейные позвонки и сейчас это дало о себе знать. Но кошку он все же скинул — до него донесся негромкий шлепок и слабая возня на заднем сиденье.

Кровь затекла в один глаз, и он снова попытался, было, приподнять руки, хотя бы одну, чтобы смахнуть эту омерзительную, раздражавшую его струйку. Ладони подрагивали у него на коленях, но двигаться все так же отказывались. Он вспомнил про висевший под мышкой в специальной кобуре револьвер сорок пятого калибра.

Если я только смогу дотянуться до него, киска, от всех твоих девяти жизней останется не больше, чем воспоминание, тоскливо, но одновременно с оттенком надежды подумал он.

И снова покалывание в руках, уже более отчетливое. Ноющая боль в ступнях, зажатых и, конечно же,

раздробленных вывалившимся двигателем, легкое покалывание в области бедер — ощущение было такое, как если у вас во сне затекли мышцы, а потом начали медленно отходить, стоило вам сделать несколько первых шагов. Этого было достаточно, чтобы понять, что со спиной у него все в порядке, так что ему не придется остаток жизни провести в качестве живого трупа, прикованного к инвалидному креслу.

А может, у меня тоже осталось в запасе несколько жизней? — промелькнула в мозгу шальная мысль.

Теперь главное — надо разобраться с этой кошкой. Потом придется как-то выбираться из этих железных развалин — может, кто-нибудь будет проходить или проезжать мимо, и тогда он постараится разом решить обе проблемы. Хотя это было весьма маловероятно — едва ли кому-то взбредет в голову прогуливаться по этой пустынной дороге да еще в половине пятого утра. Впрочем, какой-то шанс все же оставался. И...

А что там делает сейчас кошка?

Ему не хотелось, чтобы она ползала у него по лицу, но еще меньше он хотел, чтобы она оставалась там, за спиной, вне поля его зрения. Он попытался, было, разглядеть ее в зеркальце заднего вида, но из этого ничего не вышло. От удара оно сильно сдвинулось в сторону и сейчас в нем виднелся лишь край оврага, в котором закончилось его ночное путешествие.

Одновременно за спиной раздалось протяжное урчание, чем-то похожее на звук раздираемой ткани.

Урчание?

Вот ведь действительно адова кошка — вздумала там споспать.

Впрочем, какое все это имело значение? Если бы она лежала сейчас там и замышляла убийство — что, в конце концов она могла бы реально сделать? Весу в ней было килограмма два с половиной, не больше. А скоро... скоро он снова сможет двигать руками настолько, чтобы дотянуться до своего револьвера. В этом он был уверен.

Хэлстон сидел и ждал. Чувствительность медленно, но неуклонно продолжала возвращаться к нему, напоминая о себе теперь уже непрекращающимися булавочными уколами. Абсурд, конечно (а может, это явилось результатом

его близкого соприкосновения со смертью?), но в течение минуты или около того он испытывал сильную эрекцию.

Далеко на востоке на горизонте высветилась узенькая полоска приближающегося рассвета. Где-то запела птица.

Хэлстон снова попытался пошевелить руками, но смог лишь приподнять их на какую-то долю дюйма, после чего они вновь безжизненно упали на колени.

Нет пока. Но скоро.

Послышался слабый удар по спинке соседнего с ним кресла. Хэлстон повернул голову и увидел черно-белую морду с мерцающими в сумраке кабины лучистыми глазами и засевшими в них огромными темными зрачками.

Хэлстону почему-то захотелось поговорить с ней.

— Знаешь, не было еще такого случая, чтобы я не выполнил порученного мне задания,— проговорил он.— И это, моя дорогая киска, могло бы оказаться моим первым срывом. Но скоро я снова смогу пользоваться своими руками. Минут через пять — от силы десять. Хочешь получить добрый совет? Прыгай в окно, благо дело, все они открыты. Убирайся, а заодно уноси с собой свой драгоценный хвост.

Кошка, не мигая, продолжала смотреть на него.

Хэлстон еще раз проверил руки — они отчаянно тряслись, но все же чуточку приподнимались. Сантиметра на полтора, после чего он позволил им шлепнуться обратно на колени. Скатившись затем на мягкое сиденье «мустанга», они слабо белели в полуумраке кабины.

Кошка глядела ему в лицо и словно ухмылялась.

Внезапно тело ее напряглось, и еще до того, как она прыгнула, он уже знал, что именно она собирается сделать, а потому широко распахнул рот, чтобы закричать что было сил.

Она опустилась ему прямо на промежность — и вновь когти впились в его плоть.

В этот момент Хэлстон искренне пожалел, что и в самом деле не оказался парализованным. Его пронзила гигантская, ошеломляющая, раздирающая тело боль. Он даже не представлял себе, что подобная боль может действительно существовать. Сейчас кошка казалась ему шипящей, сжатой пружиной ярости, вцепившейся в его гениталии.

Хэлстон и в самом деле взывал, широко раскрыв рот, но кошка словно передумала, неожиданно изменила намере-

ния и пулей метнулась к его лицу. Только сейчас до него дошло, что имеет дело не просто с кошкой, а с неким загадочным существом, одержимым лишь одним желанием — убивать.

Он перехватил последний взгляд черно-белой убийцы, увидел ее прижатые, словно приклеенные к голове уши, ее громадные, наполненные сумасшедшей ненавистью и... ликованием глаза. Она уже избавилась от трех стариков, и теперь настала очередь его, Джона Хэлстона.

Подобно яростному снаряду она ударила о его рот, причем настолько резко, что Хэлстон едва не подавился. Желудок сжался в тугой комок и его вырвало. Рвотные массы настолько плотно забрызгали лобовое стекло, что через него уже практически ничего не было видно, а сам он жестоко закашлялся.

Теперь и он, подобно кошке, сжался как пружина, пытаясь как можно скорее вырвать тело из тисков временного паралича. Он резко поднял руки, чтобы схватить кошку, рассудок его пронзила настолько странная по своей жестокости мысль, что он даже не сразу осознал ее, тогда как пальцы смогли ухватить лишь хвост этого злобного исчадия ада.

Каким-то образом ей удалось всем своим телом втиснуться в его рот — сейчас ее чудовищная черно-белая морда прогрызала себе путь где-то в глубине его горла.

Из горла Хэлстона вырвался чудом протиснувшийся, ужасный надрывно-хриплый рев; само горло раздулось и трепетало, словно сопротивлялось проникновению внутрь этой неумолимой живой смерти.

Тело его конвульсивно дернулось: один раз... потом еще. Ладони туго сжались в кулаки, потом снова медленно и вяло разжались. Глаза блеснули какой-то нечаянной улыбкой и тут же стали стекленеть. Казалось, они устремили свой прощальный незрячий взгляд сквозь запачканное стекло «мустанга» куда-то вдаль, в сторону зарождавшегося рассвета.

Из разорванного рта Хэлстона свисал лишь пятисантиметровый кончик пушистого черно-белого хвоста.

Вскоре исчез и он. Где-то снова закричала птица... и довольно скоро сельские поля Коннектикута стали заполняться нежными, молчаливыми лучами рассвета.

Фермера звали Уил Росс.

Он направлялся к Плейерс Глен, где собирался заменить распределитель на своем тракторе. В ярком свете позднего утра он заметил лежавший в кювете у дороги какой-то большой предмет. Подъехав ближе, чтобы получше рассмотреть, что именно это было, он увидел застрявший в придорожной канаве «мустанг». Машина в каком-то нелепо-пьяном наклоне застыла над землей; в ее радиаторной решетке застрияли обрывки колючей проволоки, чем-то напоминавшие издали разодранные мотки шерсти для вязания.

Он стал спускаться по склону и неожиданно замер как вкопанный.

— Святой Моисей, спаси и помилуй!

За рулем машины сидел человек с залитым кровью лицом. Взгляд его остекленевших глаз был устремлен куда-то в вечность. Пересекавший грудь ремень безопасности походил на врезавшуюся в грудь перевязь для пистолетной кобуры.

Дверцу машины определенно заклинило, но Росс напрягся и, вцепившись в ручку обеими руками, все же распахнул ее. Как бы в знак протesta она противно застрипела.

Он наклонился вперед и отсоединил ремень, намереваясь поискать в карманах спортивного плаща мужчины какие-нибудь документы. Рука уже потянулась, было, к одежде мертвеца, когда он заметил, что прямо над пряжкой брючного ремня покойника рубаха разорвана и в этом месте образовалось какое-то странное вздутие. И в этот самый момент на рубашке, подобно зловещим розам, стали расползаться пятна почерневшей крови.

— Что за черт! — воскликнул Росс. Он наклонился еще ниже и, ухватив рукой край ткани, потянул ее из брюк. Это движение рук навечно запечатлелось в его памяти, оставив в ней на всю жизнь страшный рубец.

Уил Росс посмотрел... и истощно заорал.

Чуть выше пупка Хэлстона в животе образовалась дыра, из которой торчала покрытая кровавыми потеками черно-белая кошачья голова. Глаза животного с яростью взирали на застывшего на месте Росса.

Он отскочил назад, продолжая кричать, и закрыл лицо

ладонями. В небо взметнулись сотни ворон, кормившихся на пустынном кукурузном поле.

Наконец, кошка протиснулась наружу и с омерзительной истомой потянулась.

Затем она проворно выскользнула наружу через открытое окно машины. Росс смотрел ей вслед, безвольно опустив поникшие руки. Она прыгала по высокой мерзлой траве, пока совсем не исчезла из виду.

Можно было подумать, что у нее остались еще какие-то незавершенные дела.

Рэмси Кэмпбел

КОШКА И МЫШКА

Среди специализирующихся на разработке темы сверхъестественного английских писателей Рэмси Кэмпбелл пользуется репутацией одного из ведущих. Он является автором двух сборников коротких рассказов: «Живущий в озере» и «Демоны при свете дня», а также многочисленных антологий и журнальных статей. Представляется вполне логичным, что мы включаем в эту антологию один из рассказов Рэмси Кэмпбела «Кошка и мышка» — один из его лучших рассказов.

Нельзя было сказать, что дом неизвестно изменился. И все же, когда мы сошли с окружной дороги и пригнулись, чтобы пройти под мокрыми после дождя деревьями, нависавшими и мерцавшими над садом, я был под впечатлением, что мы здесь впервые. На нас опустилась тишина, исчез шум проезжающих машин. И, несмотря на то что солнечный свет продолжал отражаться на последних, стекавших с листьев капельках дождя, нас коснулись наступающие сумерки.

Пока я отпирал незнакомый замок, мне пришлось повозиться. Моя жена Хэзел посмеивалась, и это меня несколько раздражало. Я хотел широко распахнуть дверь и перенести жену через порог, наслаждаясь собственным триумфом; Бог знает, я достаточно намаялся, прежде чем купить этот дом. Но, по крайней мере, я насладился ее во-сторгом, когда мне все же удалось открыть дверь.

Конечно же, мы видели дом и раньше, когда меблировали и декорировали комнаты, но теперь нас обоих пронзило чувство неизведанного. Нас поразили белый телефон, а также лестница,— конструкция, состоящая из звеньев и похожая на хвост дракона. Она была самым существенным дополнением к дому, внесенным предыдущими жильцами. Реакция Хэзел была предсказуемой: она пронеслась по комнатам нижнего этажа, затем с грохотом промчалась на верх, спеша почувствовать себя хозяйкой всего дома. Наблюдая, как она взбежала наверх по лестнице, я почувствовал волну желаний. Но, когда я сам прошел по бледно-розовой гостиной, по белой кухне, холодной, как больница, по ванной комнате, с выложенной разноцветной плиткой полом и с розовой ванной, я почувствовал себя, как в тюрьме. Конечно, на Хэзел была дубленка, но все же казалось странным, почему весь первый этаж пропитан запахом меха, запахом, который тянулся за мной, словно шлейф.

Я нашел Хэзел посреди груды складных ламп, рисовальных досок, коробок с книгами в комнате, которую решено было использовать, как кладовую. Запах здесь был сильнее.

— Спускайся, а я приготовлю чай,— предложила она.

— Давай, но я только наведу здесь порядок.

— Ты уже достаточно сделал, дорогой.

— Ты имеешь в виду — предаю себя? — ответил я, памятуя о своих идеях и своем искусстве, которые разбил о рекламное агентство, где я работал до тех пор, пока они сами не разорились.

— Нет, я хочу сказать о продаже таланта,— поправила Хэзел.— Так тебе нравится наш дом? — в ее голосе прозвучали нотки сомнения.

— Потому я и работал, чтобы купить его,— я сказал это и запнулся, уставившись на подоконник. Сначала нам понравилась грубая древесина, из которой он был сделан, и мы решили его не красить. Но сейчас, всматриваясь в него внимательней, я как бы мимоходом заметил, что он будто был или изжеван, или исцарапан когтями. Вероятно, предыдущие владельцы держали кошку или собаку, и мне стало не по себе при мысли о том, что они зацирили животное здесь: ничто, кроме жесткой изоляции, не могло бы довести бедное животное до такого безумного состояния, чтобы оно вонзало свои когти не только в подоконник, но и в замазку вокруг оконных стекол.

— Я уверена, теперь у тебя наладится сон,— сказала Хэзел.

Я вздрогнул при этих словах.

— Почему у тебя такой обеспокоенный вид?

Я думал о том, что когда готовил чердак к покраске, то заметил следы когтей на разорванных обоях, но сейчас я не хотел огорчать ее; кроме того, я бы не хотел, чтобы она так интересовалась моими мыслями и чувствами, хотя и понимал, что Хэзел делала это только из любви ко мне.

— Интересно, а где наше стерео,— нашелся я.

— Должно быть — по дороге сюда,— сказала она.— Не волнуйся, они будут с ним обращаться осторожно — они ведь знают его стоимость.

— Да,— раздраженно ответил я.— Это чрезвычайно хрупкая аппаратура, и надо было бы заранее заплатить за бережное с ней обращение.

— Я думала, что ты сам сделаешь это,— сказала она, улыбаясь, и я почувствовал, что она нашла какой-то другой смысл и хотела поделиться со мной этой находкой. Иногда ее пристрастие к игре слов вызывало у меня вспышку гнева, а часто — вызывало еще большую любовь к ней. Я отвел взгляд от части стены с разодранными когтями обоями.

— Неплохо было бы и пообедать,— сказал я.

Стереосистему привезли после обеда, когда я уже допивал третью чашку кофе. Рабочие были явно недовольны тем, что я наблюдал за их работой и всем своим видом показывал, как надо ее выполнять. Но для них это была всего лишь работа, а для меня — само воплощение опасности.*

Когда они ушли, я поставил «Эйн Хелденлебен»* на полную громкость, нисколько не думая о соседях, раз они находились за пределами моего сада. Хэзел, чтобы не отвлекать меня, сидела молча, но все же я чувствовал себя достаточно скованно. Волна эмоций, вызванных музыкой Штрауса, накатилась на умиротворенное лицо Хэзел, на поглощавшую тишину комнаты и так и не разбилась. Я настежь распахнул окно, и чувства устремились в темноту сада, где рассеялись, приникнув к деревьям.

В ту ночь я не мог ни любить, ни спать. За окнами с шумом проезжали машины, медленно, как звуки музыки, звучащие через усилители. Жена спала, уткнувшись в подушку, с хмурым выражением лица и большим пальцем во рту. Кончик моей сигары вспыхивал и окрашивал в красный цвет лестничную площадку; на фоне блестящих дверей ее огонек был похож на темно-красный глаз, наблюдавший за мной из другой спальни, оказавшейся, кажется, ненужной. Я думал было спуститься вниз, но там, внизу, а может быть, просто в моих ушах послышалось вдруг тихое зловещее шипение, совершенно не похожее на шепот листьев в саду. Я несколько минут прислушивался, затем бросил сигару в пепельницу, стоявшую возле кровати, и поднял шторы.

Хэзел разбудила меня в полдень. Догадываюсь — она сама только что проснулась. Я с трудом пришел в себя после сна и пошел вслед за ней вниз. Судя по тому, как смотрела на меня Хэзел, вид у меня был недовольный. Я чувствовал, что разбудила она меня исключительно для

* «Одна героическая жизнь» (нем. прим. перев.)

компании. Когда мы дошли до гостиной, она шепнула:

— Дорогой, послушай.

Я услышал только лишь слова — формула, к которой она прибегала, если не была уверена, что я с чем-нибудь соглашусь. Несомненно, ее интонация несла в себе другой оттенок, но я еще не настолько проснулся, чтобы заметить это.

— В чем дело? — потребовал я объяснений.

— Ничего. Просто слушай.

Это была вторая часть формулы. У меня есть привычка, как правило, размышлять о том, о сем перед сном где-то около часа, и около часа же у меня уходит на то, чтобы проснуться после завтрака. Ничто так не возмущает меня, как призывы принимать решения до того, как я проснусь.

— Хэзел, — заявил я, — теперь, ради бога, когда ты вытащила меня из постели...

Тут я увидел, что она, не мигая, уставилась на стереосистему. Из колонок раздавался звук, подобный свисту враждебно настроенной публики.

— Ты видишь, он двигается то вперед, то назад, — сказала Хэзел. — Стереосистема была включена всю ночь. Не сломалась ли она?

— Ты, по всей вероятности, специально не выключала его, чтобы удостовериться в его прочности! — я не мог сказать ей, что на самом деле кричал не на нее, а на что-то другое.

Когда я снял пластинку с Эйн Хенденлебен, чуть ее не разбив, я заметил, что шипение вырисовывается, как затянувшийся хищник, физическое присутствие которого ощущается все реальнее, по мере того, как он перебирается из одной колонки в другую.

Я побежал по лестнице вверх, она закачалась, наподобие веревочной. Вдруг воротца сверху и снизу лестницы с лязгом захлопнулись, и я оказался в ловушке. Я попытался из нее выбраться и... тут я проснулся. Одеяло было тяжелым, приняло плавные очертания туловища кошки, кожу слегка покалывало, и было такое ощущение, будто по ней прошлись когтями. Я отбросил одеяло и сел.

Какое-то время я, в состоянии прострации, сидел, тупо переводя взгляд с голубой стены на серую, вслушиваясь в невыносимую тишину. Сделав огромное усилие, я встал и прислушался. Было 5 часов. Тишина казалась не-

естественной, дом должен быть полон звуков; я должен был слышать присутствие Хэзел; эта тишина казалась заряженной, как бы в состоянии боевой готовности к прыжку. Я, стараясь не шуметь, спустился вниз. Трудно было предположить, что я мог там увидеть.

Хэзел сидела в гостиной с книгой в руках. Мне показалось, что на ее лице видны следы слез, но не был уверен в том, что она действительно плакала,— возможно, это выражение лица она специально приберегла для меня. Что меня встревожило больше всего — так это то, что пока я спал, что-то произошло и изменилось в царившей вокруг тишине.

Хэзел дочитала до конца главы и вставила закладку.

— Знаешь ли ты, что я тоже люблю поспать? — едко заметила она.

— Не сомневаюсь,— ответил я кратко. За обедом мы не разговаривали и едва удостоили друг друга взглядом. Не то, чтобы каждый из нас ждал, когда другой заговорит первым; скорее нас охватило предчувствие, что тишина исчезнет сама собой. Несколько раз я был на грани того, чтобы прервать молчание, но нечто, вроде страха, каждый раз останавливало меня; каждый раз я приходил к мысли, что Хэзел должна сделать первый шаг.

Не имею понятия, какую музыку я слушал после обеда; помню только, как мне представлялись удары, взрывающие тишину. Я взглянул на Хэзел, которая, несмотря на шум, пыталась читать. Я почувствовал ощущение горечи при мысли о том, что я, вероятно, что-то пытаюсь разрушить.— Извини,— вдруг сказал я.

Иногда в спальне Хэзел начинала валять дурака, и тогда я, пригвоздив к кровати, начинал ее насиливать. Мы нуждались в этом все чаще и чаще. Но в эту ночь мы полностью отдались ласке и нежности.— Ты вечная тайна,— сказал я.

— Что, дорогой? — переспросила она, смеясь.

Я никогда не мог дважды повторить игру слов, а в ту минуту тем более, так как тело мое застыло от холода. Я знал, что в тот момент за мной наблюдали. Я всматривался в глаза Хэзел и пытался что-то увидеть сквозь них, а почувствовал, как ее ногти скользят по моей спине, вспомнил ощущение царапающих когтей, которое испытал в конце сна.

На следующий день — это был понедельник — я вернулся домой после обеда, на который меня пригласил один

из клиентов. При этом я чувствовал себя совершенно разбитым, и моя постоянная улыбка больше походила на гримасу смерти. При возвращении в агентство мне пришлось пройти через град насмешек, которые доходили до моего сознания даже после шести стаканов виски. По идеи, я должен был бы обрести покой в нашем доме, но, открыв дверь, единственное, что я почувствовал, — это мертвую хватку напряжения. Я ощущал, что меня ждали, и не только Хэзел.

Ранним вечером шум проезжавших мимо машин вскоре сошел на нет. Я припомнил, как в старой нашей квартире мы всегда слышали звук текущей воды из крана или разносившиеся эхом крики детей, купающихся в бассейне через дорогу. В этом же доме царило полное безмолвие, угрожавшее поглотить нас. Наши слова беззвучно утопали в нем, как в болоте. И все-таки не тишина тревожила меня больше всего. За обедом и после него, когда мы читали в гостиной, я ухватил что-то странное в выражении лица Хэзел. Это было не то чтобы выражение страха, нет — я бы сказал, — сомнения. Но что огорчало меня больше всего, так это то, что, как только Хэзел замечала мой изучающий взгляд, она тут же начинала улыбаться.

Меня не покидала мысль, что пока я был на работе, что-то стряслось.

— Как тебе наш дом сегодня? — поинтересовался я.

— Прекрасно,— ответила она.— Пока я ходила в магазин...

Но я не дал уйти от вопроса:

— Так тебе нравится наш дом?

— А как ты думаешь?

Теперь я был уверен, что она что-то от меня утаивает, но не знал, каким образом выяснить — что именно. Она могла уйти от моих вопросов с помощью неисчислимых уловок, в том числе и с помощью плача. Нахмутившись, я отступил и поставил пластинку «Керлью ривер»* Бриттена. Из всех произведений Бриттена я предпочитаю больше всего церковные хоралы; их спокойствие и строгость могут заставить меня забыть моих жалких коллег по агентству и их мелкие интриги. Я подумал, что «Керлью ривер», возможно, поможет мне разобраться в собственных

* Извилистая речка (англ. прим. переводчика).

мыслях. Но я не дошел до второй стороны пластиинки: жуткое исполнение и фальшивый вокал Питера Пирса в той части, которая касалась сумасшедшей женщины, навели на меня уныние, будто от воя унылой кошки; богослужение казалось затянутым и пустым, наподобие тоннеля, невидимо зиявшего в воздухе передо мной. А спокойные паузы, с помощью которых Бриттен отделял свои сюжеты друг от друга, больше не казались спокойными. Казалось, что паузы эти наступают все чаще и становятся все длиннее. Я закрыл глаза, чтобы полностью отдаваться музыке. Тотчас же я ощутил, как темная затаившаяся тень прыгнула между мной и музыкой. Мои глаза начали приоткрываться, и я посмотрел на Хэзел, ища у нее поддержки. Комната была пуста.

Было темно. Обои на противоположной от меня стене были разодраны когтями. Это не была гостиная. Возможно, я закричал, так как услышал слова Хэзел: «Не беспокойся, с тобой все в порядке», и что-то еще невнятное. Я увидел, что обои, оказывается, не были разодранными и что такое впечатление создавала исключительно игра света и тени. Вошла Хэзел с подносом.

— Что ты сказала? — строго спросил я.

— Ничего, — ответила она. — Я тихонечко выскользнула, чтобы приготовить кофе.

— Только что. Когда ты мне что-то ответила.

— За последние десять минут я не произнесла ни одного слова.

Когда Хэзел отправилась спать, я, как обычно, задержался внизу, чтобы покурить и посмотреть фрагменты рекламных роликов.

В этом месяце в агентстве было мало работы, и потому я предпочитал не думать о доме, хотя думать о нем продолжал. В конце концов, дом занял все мои мысли. «Ну, хорошо, — рассуждал я в беззвучной ярости, — если я настолько чувствителен, что меня задевают за живое сладко-голосые ангелы Бриттена, то ничего удивительного нет в том, что я имею склонность к вере в сверхъестественное». Итак, дом наводнен призраками собак или, как подсказывала мне интуиция, кошек, — но и что из этого? Это меня не беспокоило, а Хэзел даже ничего не заметила. Но даже если моя робкая вера и была последней модой просвещения, бегством от скептицизма, то все равно это не облегчало

мне душу. Похожие на привидения кошки не могли иметь никакого отношения к голосу Хэзел, когда она ничего не говорила. Я чувствовал, что начинаю сходить с ума.

Приступ кашля заставил меня погасить сигару, я швырнул клочки бумаги с каракулями в камин и вышел в холл. Не успел я погасить свет в гостиной, как чья-то тень одним прыжком перескочила на лестничную площадку.

Безусловно, я не был в этом абсолютно уверен, но мне очень хотелось, чтобы это было именно так. Еле передвигая ноги и задевая каблуками ступени, я поднимался вверх по лестнице. На мгновение повторился мой кошмар: я поднимался по раскачивающейся лестнице, которая становилась все круче и круче, в то время как проемы между ступенями становились все шире и шире. На половине пути я уже задыхался от изнеможения или, может быть, от недостатка сна. А наверху неясно вырисовывались контуры каких-то теней. Не успел я на несколько дюймов прикрыть дверь, как бесформенная тень просочилась в комнату.

Я распахнул настежь дверь; Хэзел подпрыгнула на кровати. Я был в этом уверен, хотя не исключено, что это мне могло и померещиться: шутку со мной мог сыграть тусклый свет в спальне, исходящий от неярко горевшей лампы и создававший игру света и тени. Раздеваясь, я не спускал с нее глаз, и через минуту-другую она немного подвинулась. Теперь-то я уже был уверен, что, когда я вошел, она не спала, а продолжала притворяться. Я и не пытался проверить это; не сразу выключил свет и скользнул в кровать, продолжая размышлять: куда же делась тень?

Я проснулся с чувством облегчения. Краски комнаты представали во всем великолепии, за окном листва ходила волнами и блестела на солнце. Когда дремота чуть отступила, я вдруг подумал, не отсутствие ли Хэзел вызвало во мне чувство легкости.

Спустившись вниз, я не пошел к ней. Я поплелся в темную гостиную и плюхнулся на маленький диванчик. Я принялся раздумывать, не испытываю ли я страха перед Хэзел... Разумеется, я не мог заговорить с ней о прошлой ночи. Глаза мои начали закрываться, а комната продолжала погружаться в темноту. По стенам снова поползли тени — казалось, вот-вот обои начнут отслаиваться или рваться под чьими-то когтями. Появилась полоска света —

это вошла Хэзел с завтраком. Она заулыбалась, когда я вскочил; но я не поздоровался с ней. Гостиная, как и раньше, когда я вошел, была залита солнечным светом. Я понял, кого я мог видеть. В конце концов, дом находился под его ответственностью.

— Как ты? — спросил я, уставившись в кофе, и только лишь потом заглянул в лицо Хэзел.

— Прекрасно, дорогой. Не беспокойся обо мне. На твоем месте я бы сегодня хорошенько отдохнула.

Я не знал, произносила ли эти слова тень; но, как бы то ни было, намек на то, что я недееспособен, вызвал во мне приступ негодования.— Я собираюсь отдохнуть пару часов с утра,— сказал я.— Если ты захочешь выйти из дома на некоторое время...

— Глупый,— ответила она.— Ты бы сам был недоволен, если бы обед не был готов.

Мои подозрения оправдались. Я не мог поверить в то, что она не воспользовалась бы возможностью убежать из дома. Я обрадовался, что не сказал, куда собираюсь. Мне удалось ее поцеловать, но при этом я забыл обратить внимание на то, не изменился ли вкус ее поцелуя. Затем почти бегом ринулся к машине. Чувствовалась приближавшаяся гроза. На секунду я пожалел, что оставил Хэзел одну, но я боялся возвращаться в дом. К тому же, вероятно, она уже была неизлечимо больна, и ее нельзя уже было спасти. Не глядя по сторонам, я добрался до окружной дороги и через полчаса уже был в агентстве по продаже недвижимости.

Я совсем забыл, что офис еще был закрыт. В кафе напротив я успел выпить чашечку кофе и выкурить пару сигарет, когда прибыл агент по продаже недвижимости. До этого я уже отрапортовал улыбку и подготовил свой рассказ. От него исходил какой-то терпкий запах, он подергивал свои седые усы чаще, чем он это делал при нашей первой встрече. Я уверял его, что всего лишь проезжал мимо, но все же он быстро снял кольца с руки и быстро спрятал их за конторку. Под конец я упомянул о шумной и словоохотливой паре, которая выходила из офиса, когда я входил, и постепенно перевел беседу на них.

— Да, отвратительно,— согласился он.— Должно быть, я не люблю людей. Уже давно я решил жить с кошками. Людьми и собаками можно управлять, но только не

кошками. Вы никогда не сможете научить кошку исходить слюной от радости, выполнять ваши капризы.

— В нашем доме живут кошки? — спросил я.

— Вам что-то почудилось? — ответил он.

— Просто такие ощущения.

— Знаете, для меня нет ничего более страшного и ужасного, чем убить кошку,— сказал он.— Люди несимпатичны, хотя Освенцим и нельзя простить. Видно, нет ничего хуже, чем уничтожающий красоту человек.

— Что произошло? — небрежным тоном спросил я.

— Не буду вдаваться в подробности,— произнес он.— Ваши предшественники носились с навязчивой идеей о вредных животных. Одна-единственная мышь,— а они были убеждены, что дом ими наводнен. Естественно, в доме вообще нет мышей. У людей и кошек есть общая черта: внутренние побуждения могут завести их столь далеко, что они вовсе забывают о морали или теряют чувство реального.

— Продолжайте,— попросил я.

— И эти люди на время отпуска оставили пять кошек без еды. Идея заключается в том, чтобы, заморив кошек голодом, заставить их охотиться на мышей. Вот так глупо и жестоко. Каким-то образом дверь на чердак захлопнулась, и кошки оказались в западне. Когда по возвращении наши друзья открыли дверь, одна кошка выскочила из дома и исчезла навсегда. Остальные были найдены на чердаке разорванными на куски. Каннибализм.

— И, несомненно,— продолжил я,— в случае, если кто-то по натуре чувствительный поселится в доме... Или же в том случае, если кто-нибудь оставит невыключенной чувствительную электронную аппаратуру...

— Я не хочу показаться всезнающим,— в его глазах появилось выражение отчаяния.— Призраки кошек? Вот что я вам скажу. Люди недооценивают умственных способностей кошек только потому, что те отказываются обучаться всяkim там трюкам. Я считаю, что привидения кошек могут немного и поиграть со своими жертвами в качестве мести. Иногда я думаю: что я делаю здесь, в этом агентстве? Вы же видите, меня эта работа вовсе не интересует...

Домой я ехал медленно, погруженный в размышления об услышанном. Было время обеда — поток людей и машин втянул меня в свой водоворот; вскоре небо над моей головой

вой осветилось всполохами молний; хлынул дождь и прогнал людей с улиц. Дождь хлестал в ветровое стекло. «Понять со своими жертвами...» Существовало нечто, к чему эти слова были ключом. Если верить в привидения, каким бы абсурдным это и ни казалось при мелькании светофоров, то можно было бы принять это за идею одержимости. Играли ли дом с нами, как охотник играет со своей жертвой? Пойманный в клетку струями дождя, я чувствовал себя свободнее, чем прежде: свободным от влияния дома.

Внезапно мне захотелось быть рядом с Хэзел. Если вдруг придется, я вытащу ее из этого дома, что бы ни происходило с ней, как бы опасно это ни было. Вернувшись, я смогу позвонить в свое агентство. Я свернулся за угол, и машина понеслась по лужам, покрывшим город.

За городом деревья вдоль проезжей части выглядели забрызганными грязью и словно поломанными. Время от времени попадались разбитые машины, испускающие пар там, где их занесло в грязь. Меня несколько не удивило то, что, приближаясь к дому, я увидел порванный и свисающий между крышей и деревьями в саду телефонный провод. Когда я ехал по окружной дороге, в голову мне пришла мысль, что если Хэзел была жертвой, то теперь она должна была оказаться в ловушке. Ей придется признать, что она так же уязвима, как и я сам. Никогда более мне не придется страдать в одиночку от бремени дурных предчувствий.

Полагаю, что не раньше, чем я вышел из машины, я осознал, о чем думал прежде. Я оцепенел от ужаса, глядя на себя. Я любил ощущать ее ладони на своей спине, и все-таки в какое-то мгновение они превратились для меня в когти. Все это время Хэзел выглядела напуганной, но старалась скрывать свой страх от меня. Это и было на самом деле выражением сомнения в ее глазах. В долю секунды я понял, что ослепляло меня, что стремилось уничтожить ее. Дождь уменьшился, выглянуло и засияло солнце; над дорогой зависла радуга. Я промчался через сад. Мокрые ветки хлестали меня. Я потянул на себя дверь.

В доме было темно — темнее, чем должно быть теперь, когда вновь засияло солнце. На дом, объятый тишиной, опустились сумерки. Хэзел не было слышно. Я стремглав пронесся по первому этажу, спотыкаясь, поднялся наверх и поискал Хэзел в спальнях — дом казался пустым.

Я взглянул вниз с лестничной площадки и заметил, что входная дверь все еще была открыта. Я собрался было выбежать из дома и подождать Хэзел в саду, но я не мог избавиться от ощущения, что лестница стала длинней и круче. Стараясь перебороть свой страх, я отправился вниз. Я находился уже посередине лестницы, когда какая-то тень крадучись пересекла гостиную.

Сначала я подумал, что это была тень Хэзел. Однако ее контуры были совершенно не похожи на Хэзел, и по своим размерам она говорила о чем-то совершенно ином. Я встал на край лестницы. Если я побегу сейчас, то существо, находившееся в сумрачной комнате, может неправильно оценить мои действия. Я перескочил через ступени и неуклюже спрыгнул в холл. В эту минуту зазвонил телефон.

Охваченный ужасом, я обрадовался телефонному звонку, как союзнику. Опираясь спиной на лестницу, я протянул руку и взял трубку. Пробормотав что-то невнятное, я услышал голос Хэзел.

— Я вышла из дома,— сказала она,— и надеялась перехватить тебя по дороге домой. Дверь открыта?

— Да,— ответил я.— Послушай, дорогая, не возвращайся. Извини. Я не понимал, что здесь происходило. И обвинил тебя.

— Если дверь открыта, ты можешь сделать это. Просто беги, как можно быстрей,— и тут я вспомнил, что телефонный провод оборван, вспомнил и тот голос, который звал меня из соседней комнаты.

Как только я положил трубку, раздалось шипение. Это был тот самый звук, который поймала стереосистема, но сейчас более сильный, просто подавляющий. Я метнулся от лестницы на середину холла. Еще один рывок — и я окажусь вне дома. Но не успел я восстановить равновесие, как увидел, что входная дверь закрыта.

Я мог бы впустую растратить все свои силы, дергая ручку двери. Но, хотя я не понимал правил игры, я чувствовал, что если дом пытался убедить меня, что Хэзел находится в безопасности, то это означает, что она все еще продолжала находиться где-то внутри дома. Холл у меня за спиной исходил слюной. Я вцепился в ручку входной двери. Я твердил себе, что всего лишь опираюсь на нее, и повернул ее.

Лишь спустя некоторое время мне удалось определить,

где я нахожусь. В полумраке холл казался зеленым и значительно меньшим в размерах. Возможно, я находился в гостиной. Нет, это не так, поскольку я видел лестницу; мой мозг визжал и царапался, и я сконцентрировал все свое внимание на ней. Холл неуловимо изменился и, казалось, вытянулся, чтобы поглотить в своем полумраке бесконечность. До лестницы было идти и идти. Даже не стоило и пытаться добраться до нее — передо мной простирался целый акр открытого пространства, и я знал, что шансов у меня нет никаких.

Я громко позвал Хэзел, и откуда-то сверху она ответила на мой крик.

Этот голос, я знал, не был фальшивым. Он был едва различим, страх изменил его, и именно это гарантировало его истинность. Я побежал к лестнице, считая шаги. В какой-то момент я владел ситуацией. Мне нужно было продолжать двигаться, не оборачиваясь, не оглядываясь по сторонам. Но я не смог удержаться от того, чтобы не бросить взгляда на гостиную.

В дверях было темно, и в темноте появилось лицо — мелькнуло и исчезло, наподобие мимолетно сверкнувших призраков в толпе привидений. Я уловил огромную черную голову, горящие зеленые глаза, красный рот с белыми клыками. Посмотрев на лестничную площадку, я увидел, что лестница превратилась в уходящую вверх цепь большущих ступеней, разделенных зияющими проемами, которые я никогда не смогу преодолеть. Воздух шипел за моей спиной, а я не мог двигаться ни вверх, ни вниз.

Тут Хэзел снова что-то крикнула. Существовал только один способ победить самого себя, и мой мозг оцепенел настолько, что мне удалось это сделать. Я крепко зажмурил глаза и пополз наверх, цепляясь за каждую следующую ступень и подтягивая свое тело через проемы. Я чувствовал, как качалась подо мной лестница. Я еще думал, сбросит или не сбросит она меня вниз, пока до меня не дошло, что нечто карабкается вслед за мной. Я уже чувствовал урчащее дыхание на моей шее, и тут, наконец, добрался до площадки.

С трудом я встал на ноги и открыл глаза. Если только дом не обладал способностью прятать, Хэзел могла находиться только на чердаке. Когда я пробегал через площадку, огромное лицо промелькнуло в верхней части лестницы. Глаза существа блеснули безграничной ненавистью

но я ворвался на чердак и захлопнул за собой дверь.

Сердце у меня упало. Чердак был до такой степени забит коробками, что никто здесь бы спрятаться не мог. Вещи громоздились одна на другую, задышанные и связанные вместе веревками пыли. Я не представлял, как можно пройти между ними. Я мог оказаться загнанным и отрезанным в этом лабиринте. Я попытался увеличить угол обзора и сбросил на пол одну из коробок, и вместе с глухим стуком упавшей коробки я услышал за спиной ужасное шипение.

Тут я увидел Хэзел. Она сидела, забившись в угол, подтянув колени к подбородку, обхватив голову руками, и всхлипывала. Я осторожно двинулся по направлению к ней, изгоняя из своего сознания страх. Вдруг мои ноги запутались в проволоке. Я посмотрел вниз — это были провода от ламп,— вставил штепсель, и яркий свет залил комнату. Я приблизился к Хэзел.

— Ну-ну, дорогая,— я попытался ее успокоить.— Перестань. Мы уезжаем. Пошли.

Она отняла руки от лица, взглянула на меня — и, раскрыв от ужаса глаза, вновь забилась в угол. Я сделал шаг назад. Губы ее шевелились — она что-то пыталась сказать. Я обернулся и посмотрел на дверь.

Дверь была открыта, и огромная морда наполовину заслонила дверной проем. Схватив лампу, я направил свет на дверь, но глаза чудовища даже не сощурились. Оно начало протискиваться в дверь, меня охватил ужас, и я что было силы швырнул светильник в эту морду.

Что произошло дальше — я не знаю. Я так и не услышал падающей на пол лампы, но поток энергии пронес меня через комнату к окну. Я открыл окно, побежав к Хэзел, попытался поставить ее на ноги, перекинул ее через плечо, шатаясь, сделал шаг к окну, обернувшись, увидел жуткий оскал пасти огромного монстра.

Думаю, дом не предвидел такого развития событий: мыши никогда не выпрыгивают из окон. Я провалсяся некоторое время в больнице, залечивая сломанную ногу, а Хэзел нанесла визит в контору по продаже недвижимости. Как только она заставила агента признаться в том, что он ни за что на свете не провел и одной ночи в этом доме, остальное было делом техники.

— У меня нет времени на ужасы,— сказал он ей.

Нога моя вскоре срослася а Хэзел еще долго продолжала страдать от бессонницы.

Роальд Да́ль

ПОБЕДА

Для многих любителей литературы упоминание имени Роальда Даля в первую очередь ассоциируется с многочисленными и весьма талантливыми произведениями для юных читателей. Он — автор сказок, поэтических повествований и фантастических сюжетов для детей. Трудно поверить, но этот, казалось бы, сугубо детский писатель с неменьшим успехом писал рассказы и для взрослой аудитории, причем особенно ему удавались те произведения, в которых кажущаяся банальность и заурядность сюжета вскоре оборачивается неожиданным поворотом, где в самых вроде бы обычных и нормальных людях проступают доселе скрытые злобные, порочные, а порой и просто леденящие кровь тенденции и устремления.

Подлинный мастер короткого рассказа, Р. Даляр не стремится нагнетать атмосферу ужаса, не шокирует читателя описанием жутких подробностей, а как бы приглашает его — причем не без юмора — взглянуть на самого себя со стороны и оценить, на что каждый из нас может быть подчас способен.

Луиза с полотенцем в руках вышла из двери кухни и окунулась в прохладный и ясный октябрьский день.

— Эдвард! — позвала она. — Э-эдвард! Обедать! — Еще немного подождав, явно прислушиваясь и надеясь услышать возможный отзыв мужа, она прошла на лужайку и, сопровождаемая малюсенькой тенью, обогнула клумбу с розами, чуть коснувшись ногой солнечных часов. Для невысокой и полной женщины, коей она являлась, движения ее были довольно изящны, когда она шла, живо и мягко покачивая плечами и взмахивая руками. Пройдя под кроной туфового дерева, женщина оказалась на покрытой брускаткой дорожке. С того места, где дорожка заканчивалась, она взглянула вниз вдоль откоса, в самый конец большого сада.

— Эдвард! Обедать пора!

Она уже увидела мужа, который работал примерно в восьмидесяти ярдах от нее, внизу, у самой кромки леса — его высокую стройную фигуру в брюках защитного цвета и темно-зеленом свитере. Стоя рядом с большим костром, он вилами подбрасывал в пламя ворохи сухих веток и листьев. Огонь яростно взметался оранжевыми языками и клубами молочно-белого дыма, который медленно уплывал в сад, принося с собой чарующие ароматы осени и горелой листвы.

Луиза пошла по откосу в сторону мужа. В принципе, она могла бы ограничиться и словесным призывом, тем более

что голос у нее был довольно звонкий, но что-то привлекло ее в этом великолепном костре, заставило подойти ближе, чтобы почувствовать его жар и услышать завораживающее потрескивание горящего лесного мусора.

— Обед готов,— в очередной раз проговорила она на ходу.

— Иду, сейчас, подожди минутку.

— Какой замечательный у тебя получился костер.

— Да, надо было расчистить это место,— проговорил муж.— Надоели эти ветки.— От работы он порядком вспотел, его вытянутое лицо лоснилось, на кончиках усов поблескивали росинки влаги, а по шее и горлу внизу стекали и исчезали под воротником свитера два тоненьких ручейка.

— Смотри, не перенапрягись.

— Слушай, Луиза, тебе не надоело на каждом шагу следить за мной, словно я какой-то старик. Немного физического труда еще никому не повредило.

— Ладно, ладно, знаю, дорогой. Ой, смотри-ка, Эдвард! Смотри вон туда!

Тот обернулся и посмотрел на жену, которая указывала пальцем куда-то по другую сторону костра.

— Эдвард, смотри, кошка!

Это действительно была кошка, причем довольно необычного окраса; животное сидело на земле чуть ли не вплотную к костру, отчего со стороны могло показаться, что языки пламени изредка касались его шкуры, хотя само оно вело себя подчеркнуто спокойно, слегка наклоня голову набок, подняв нос и поглядывая на супругов своими холодными желтоватыми глазами.

— Ой, да она же сгорит! — воскликнула Луиза, роняя полотенце и бросаясь вперед, после чего схватила кошку обеими руками, отнесла ее в сторону и усадила на траву подальше от костра.

— Совсем ума лишилась? — спросила она невозмутимую кошку, одновременно утирая руки.— Что это на тебя нашло?

— Не беспокойся, она знает, что делает,— флегматично произнес муж.— Хотел бы я посмотреть на такую кошку, которая делала бы что-то против своей воли. Едва ли същется хотя бы одна.

— Интересно, чья она? Ты ее раньше не видел здесь?

— Не приходилось. Да, окрас что надо.

Кошка по-прежнему сидела на траве и искоса посматривала на супругов. В ее глазах ощущалось какое-то скрытое внутреннее напряжение, было в них что-то необычно задумчивое, тогда как нос словно окаймляла тень легкого презрения и, возможно, некоторого удивления при виде этих людей; можно было подумать, что вид их — невысокой, полной и розовощекой женщины и худого, мускулистого, сильно вспотевшего мужчины,— хотя и заслуживал некоторого внимания, однако особой важности не представлял. Окрас ее был довольно не типичен для кошек — серебристо-серый, ровный, без малейшей примеси голубизны, а шерсть была очень густая, тонкая и мягкая.

Луиза наклонилась и погладила ее по голове и спине.

— Ну, домой идти не надумала? — спросила она.— Будь умницей и отправляйся туда, откуда пришла.

Супруги отправились вверх по холму в сторону своего дома.

Кошка тоже встала и пошла следом за ними — сначала держась на отдалении, но постепенно приближаясь, быстро сокращая разделявшее их расстояние... Наконец, она поклонялась с ними, а через несколько секунд возглавила странное шествие, передвигаясь с таким видом — хвост торчком, как мачта корабля,— словно вся эта территория безраздельно принадлежала ей одной.

— Ну, сказали тебе, иди домой,— проговорил мужчина.— Пошла! Нам ты не нужна.

Едва они достигли дома и открыли дверь, как кошка юркнула внутрь, и Луизе пришлось дать ей на кухне немногого молока. Пока супруги обедали, она запрыгнула на стоявший между ними свободный стул, в результате чего голова ее оказалась практически на уровне стола, откуда она принялась наблюдать своими темно-желтоватыми глазами всю обеденную процедуру.

— Что-то не нравится мне эта кошка,— заметил Эдвард.

— А мне она, наоборот, кажется очень привлекательной. Как ты отнесешься к тому, если она немного поживет у нас?

— Слушай, Луиза, с чего это она должна у нас оста-

ваться? Ведь у нее где-то есть хозяин. Она просто потерялась. Если же она задержится еще на некоторое время, тебе придется отнести ее в полицию — уж там-то обязательно отыщут ее владельцев.

Покончив с обедом, Эдвард вернулся к работе в саду, а Луиза, как и всегда, уселась за пианино. В общем-то, она довольно неплохо играла на этом инструменте и тонко разбиралась в музыке, а потому ежедневно играла — преимущественно для себя. Кошка к тому времени уже перебралась на диван, и Луиза, проходя мимо него, погладила ее по голове. От прикосновения животное приоткрыло глаза, посмотрело на женщину, потом опять сомкнуло веки и вновь погрузилось в сон.

— Надо же, какая необычная кошка, — пробормотала женщина. — И цвет какой необычный. Но очень красивый. А что, если ты и в самом деле останешься у нас? — Она скользила ладонью по голове кошки, пока не почувствовала под шерстью небольшую припухлость или шишечку, как раз над правым глазом.

— Бедняжка, — жалостливо проговорила она. — Надо же, опухоль на такой прелестной мордочке. А может, ты у нас уже старушка?

Она подошла к инструменту. Со временем у нее сформировался своеобразный ритуал, когда прежде, чем начать играть, она составляла тщательно продуманную программу на каждый день. Луизе не хотелось нарушать атмосферу очарования, которое она получала от музыки, вынужденными остановками на поиск следующего произведения. Единственное, что она допускала, это небольшую паузу после каждой пьесы, но и то лишь для того, чтобы дать возможность публике разразиться бешеными аплодисментами и горячо заявить о своем желании повторно услышать тот или иной фрагмент. Разумеется, речь шла о воображаемой аудитории, но ей всегда очень нравилась подобная фантазия, а в отдельные дни у нее было такое ощущение, будто комната, погруженная в волны ее пленительной музыки, вдруг срывается с места и куда-то плывет, медленно исчезая вдали, тогда как сама она не видит абсолютно ничего, кроме разве лишь рядов кресел и моря лиц, обращенных в ее сторону и внимательно вслушивающихся в каждый аккорд.

У нее не было строгого правила, когда играть по нотам, а когда без них, а потому она решила, что сегодня будет играть по памяти — такое было настроение. Вот только что выбрать? Она застыла перед пианино — маленькая, пухленькая, розоватая женщина с округлым, но все еще миловидным лицом, схваченными на затылке крохотным хвостиком волосами и сцепленными на коленях руками. Изредка бросая взгляд направо, она видела лежавшую на диване и свернувшуюся в клубок кошку, серебристо-серая шкура которой приятно контрастировала с алой подушкой. Может, для начала что-нибудь из Баха? Или лучше Вивальди? Пожалуй, можно попробовать версию Баха для органа в концерте до минор. Так, это пойдет первым номером, а потом можно немножечко Шумана. «Карнавал» — это будет забавно, а потом пойдет Лист — так сказать, для разнообразия. Потом опять Шуман, только что-нибудь из веселых пьес для детей, можно сказать — и название подходящее: «Детские сцены». Ну, а под занавес пойдет Брамс, его вальс, а может, сразу два, если настроение будет подходящее.

Значит, так: Бах, Шуман, Лист, Шуман и Брамс. Чудесно! Это как раз та программа, с которой она прекрасно справится даже без нот. Она чуточку пододвинулась к инструменту, сделала небольшую паузу, будто ожидая, когда кто-нибудь из публики (она уже чувствовала, что сегодня концерт получится на славу) в последний раз кашлянет, и наконец, с томной грацией, отличавшей почти все ее движения в процессе игры, прикоснулась пальцами к клавишам и начала играть.

Поначалу она даже не замечала кошку, более того — полностью забыла о ее существовании, но, едва первые сочные звуки музыки плавно разлились по комнате, уловила краем глаза стремительное оживление, намек на порывистое движение на диване справа от себя. Луиза сразу же прекратила играть.

— Ну, что случилось? — спросила она, поворачиваясь к кошке. — В чем дело?

Существо, которое несколько секунд до этого мирно посыпало, сидело выпрямившись, неподвижно упершись ногами в диван, напряженно подняв уши и широко распахнув глаза. Кошка неотрывно смотрела на пианино.

— Ты что, испугалась? — нежно проговорила Луиза.— Или никогда раньше не слышала музыки?

Нет, подумала женщина, здесь что-то не так. Вряд ли подобное возможно. Ненадолго задумавшись, она смекнула, что реакция животного, в общем-то, была мало похожа на страх. Ведь она не отпрянула, не убежала прочь. Более того, она даже как-то потянулась вперед всем телом, а ее морда... что и говорить, выражение ее было действительно какое-то странное, очень походившее на смесь изумления и потрясения. В общем-то, мордочка у нее маленькая и не особенно выразительная, хотя, если приглядеться повнимательнее, то можно заметить, что глаза и уши словно связаны одной нитью, особенно та крохотная часть шеи, которая располагалась непосредственно под ушами... Не отрывая внимательного взгляда от кошачьей мордочки, Луиза снова опустила пальцы на клавиши.

Кошка, казалось, уже немного пообыкла и отреагировала на музыку лишь едва уловимым движением тела, однако затем, по мере ускорения темпа, при первом энергичном аккорде, символизировавшем начало основных тактов фуги, у нее на морде появилось странно-возбужденное, почти экстатическое выражение. Внезапно уши, которые доселе стояли торчком, стали словно обмякать, верхние веки поползли вниз, голова начала заваливаться набок, причем Луиза готова была поклясться, что животное весьма одобрительно реагирует на ее исполнительское мастерство.

Выражение, увиденное ею на морде кошки (во всяком случае, ей казалось, что она его увидела), очень смахивало на то, что появлялось на лицах людей, внимательно слушающих музыку. Когда мелодичные звуки целиком захватывают их, подчиняя себе все их естество, на лицах появляется то особенное, очень легко различимое выражение, которое невозможно ни с чем спутать, так же, как улыбку. Сейчас Луиза была уверена, что и на морде кошки появилось точно такое же выражение, которое ей так и хотелось назвать «выражением лица».

Закончив одно произведение, она перешла к следующему, все так же неотрывно глядя на кошку. К концу игры, когда музыка смолкла, у женщины не оставалось никаких сомнений в том, что животное действительно слушало внимательно. Кошка дернула веками, чуть пошевелилась, вытя-

нула лапу, затем заняла более удобную позу, скользнула взглядом по комнате и явно выжидательно остановила его на фигуре Луизы. Точь-в-точь поза выжидающего завсегдатая концертов, когда музыка ненадолго прерывается между двумя частями симфонии. Поведение кошки было настолько похожим на реакцию людей, что Луиза невольно покривилась.

— Ну, что, нравится? — спросила она.— Так ты, оказывается, любишь Баха?

Проговорив это, она невольно улыбнулась, хотя едва ли могла с полным основанием утверждать, что сейчас ей действительно было смешно.

Ну, ладно, подумала женщина, пора продолжать программу. Что у нас следующее? «Карнавал»? Едва из инструмента полились первые звуки, как кошка резко выпрямилась, неподвижно застыла, словно окаменела, определенно наслаждаясь нежными аккордами, затем погрузилась в мягкое, бархатное состояние блаженства, очень похожее на умиротворенный сон. Нет, в самом деле, картина получалась довольно забавная и даже в чем-то смешная — серебристо-серая кошка сидит на диване, целиком погрузившись в дивные звуки музыки. При этом Луиза поймала себя на мысли о том, что музыка, оказавшая столь магическое воздействие на кошку, относилась к числу довольно сложных и трудных для восприятия подавляющего большинства людей, не говоря уже о животных.

А вдруг, пронеслось в мозгу Луизы, она отнюдь не восхищается и не наслаждается моим исполнением? Может быть, это просто своего рода гипнотическая реакция, вроде тех, которые встречаются у змей? Ведь в самом деле; если факирам удается очаровать музыкой змей, почему нельзя добиться такого же результата с кошками? С другой стороны, масса кошек ежедневно слушает всякую ерунду по радио и из проигрывателей, но при этом они ведут себя самым что ни на есть естественным образом. Почему эта-то ведет себя так, будто впитывает, поглощает чуть ли не каждый звук? Да, с подобным Луизе прежде встречаться еще не приходилось.

Хотя, если разобраться, разве это не великолепно? Ну, разумеется. Если только она не впадает в ошибку, то ей суждено стать свидетелем чего-то подобного чуду, тому са-

мому волшебству, которое происходит с животными не чаще, чем раз в сто лет.

— Похоже, тебе это определенно пришлось по вкусу,— проговорила Луиза, закончив очередную пьесу.— Прошу меня извинить за то, что сегодня я была не особенно в ударе. А кстати, что тебе больше понравилось — Бах или Шуман?

Кошка не ответила, а потому Луиза, опасаясь, что потеряет столь внимательного слушателя, приступила к исполнению нового произведения. Следующим шел Лист — второйсонет Петrarки.

Именно тогда произошло самое необычное. Едва она сыграла пару-тройку аккордов, как усы кошки нервно задергались; она медленно, тягуче выгнула спину, голова ее завалилась на бок, потом переместилась на другой, ее мрачновато-сосредоточенный взгляд устремился в пространство, всем своим видом словно бы говоря: «Подождите-ка, что это? Нет-нет, не говорите, я и сама знаю, прекрасно знаю, вот только никак не могу вспомнить». Луиза была потрясена и, чуть приоткрыв рот в улыбке, продолжала играть, чуть ли не сгорая от нетерпения узнать, что же, черт побери, произойдет дальше.

Наконец, кошка встала, подошла к самому краю дивана, опять присела, еще немного послушала, после чего неслышно соскользнула на пол и тут же заскочила на краешек стульчика рядом с Луизой. В таком положении она просидела все то время, что звучал прелестный сонет, причем вид у нее на сей раз был отнюдь не сонный, а скорее даже напряженный, а глаза были неотрывно устремлены на пальцы женщины.

— Вот как! — воскликнула Луиза, когда прозвучал последний аккорд.— Значит, тебе захотелось посидеть со мной рядом? Тебе так больше нравится вместо того, чтобы лежать на диване? Хорошо, так и быть, оставайся, только сиди тихо и не прыгай с места на место.— Женщина опустила руку и нежно погладила кошку по спине, пройдясь ладонью от головы до самого хвоста.— Ты только что слушала Листа,— добавила женщина.— Знаешь, местами он бывает несколько вульгарен, но в таких произведениях, как это,— просто очарователен.

Ей уже начинала нравиться эта безмолвная кошачья

пантомима, и потому она трепетно приступила к следующему номеру программы, где значились «Детские сцены» Шумана.

Не сыграв еще и пары минут, Луиза с изумлением заметила, что кошка вдруг нервожно зашевелилась, после чего резко спрыгнула на пол и через секунду снова оказалась на своем прежнем месте на диване. Женщина играла сосредоточенно, а потому поначалу даже не заметила исчезновения животного; кроме того, двигалось оно очень проворно и практически бесшумно. Кошка по-прежнему слушала музыку, все так же смотрела на пальцы пианистки, однако Луизе показалось, что на сей раз в позе серебристой твари уже не было прежней восторженной зачарованности, которая наблюдалась во время пьесы Листа. Кроме того, сам по себе факт ухода со стульчика на диван, каким бы мягким и незаметным он ни был, красноречиво свидетельствовал о ее явном разочаровании.

— Ну, в чем дело? — спросила Луиза, закончив произведение.— Чем тебе Шуман-то не понравился? И что такого особенно ты нашла в Листе?

Кошка неотрывно смотрела на нее своими желтоватыми глазами, прямо по центру которых тянулись узенькие, черные, как смоль, вертикальные полоски зрачков.

Да, интересная картина получается, подумала женщина. Однако, взглянув на кошку, которая с явным ожиданием во взоре и во всей позе продолжала напряженно сидеть на диване, она быстро приняла решение.

— Итак,— проговорила Луиза,— я знаю, что теперь сделаю. Я подготовлю программу, которая будет предназначена исключительно для тебя. Раз тебе нравится Лист, я сыграю его еще.

Она чуть задумалась, перебирая в памяти лучшие, на ее взгляд, вещи этого композитора, а затем стала мягко и плавно играть одну из двенадцати миниатюр из «Рождественской елки». По-прежнему внимательно наблюдая за кошкой, Луиза сразу подметила, что усы животного вскоре стали слегка подергиваться. Спрыгнув на ковер, она несколько секундостояла на месте, чуть наклонив голову и дрожа от возбуждения, а затем неторопливыми, вкрадчивыми шагами двинулась вокруг пианино, после чего опять заскочила на стульчик и уселилась рядом с Луизой

Концерт был в самом разгаре, когда из сада вернулся Эдвард.

— Эдвард! — Луиза поспешила вскочила на ноги.— О, дорогой, если бы ты только знал! Если бы ты знал, что только сейчас произошло.

— Ну, что там у тебя произошло? — буркнул он.— Чую бы сейчас неплохо.— Лицо у него было вытянутое, остроносое, слегка раскрасневшееся, а от пота сейчас оно ярко блестело и чем-то смахивало на длинную влажную виноградину.

— Это та самая кошка! — продолжала кричать Луиза, указывая на спокойно сидевшее на стульчике серое создание.— Ты только послушай, я сейчас тебе все расскажу!

— Мне казалось, я сказал тебе, чтобы ты отнесла ее в полицию.

— Да ты только послушай меня. Это просто неслыханно! Нам попалась музыкальная кошка!

— Да что ты?!

— Да, она прекрасно разбирается в музыке и умеет ценить ее, как никто другой.

— Ладно, Луиза, хватит молоть чепуху и дай мне, пожалуйста, чаю. А то я, как черт, умотался с этими ветками и костром.— Он опустился в кресло, взял из стоявшей на столике коробки сигарету и прикурил от стоявшей тут же громадной лакированной зажигалки.

— Как ты не можешь понять, что в нашем доме произошло небывалое событие. Пока тебя не было, здесь произошло такое, что, возможно... что... да, поистине невиданное событие!

— Ну, уж в этом-то я почти уверен.

— Эдвард, умоляю тебя.,— Луиза все так же стояла рядом с пианино, ее обычно розовое лицико раскраснелось еще больше, и теперь на обеих пухлых щечках словно распустилось по пунцововой розе.— Знаешь, что я скажу тебе? Я скажу тебе, что я думаю по поводу всего этого.

— Ну и что же, дорогая?

— Я полагаю, что в этот самый момент... да, что в эту самую минуту мы находимся в обществе...— Она запнулась, словно сама осознала абсурдность собственной мысли.

— В каком обществе?

— Возможно, тебе это покажется сплошной глупостью, но я просто уверена в этом.

— Да в каком обществе-то, черт побери?

— В обществе Ференца Листа, вот так!

Муж глубоко затянулся сигаретой и пустил к потолку облако дыма. Кожа плотно облегала его скулы и проваливалась на щеках, как у человека, у которого был полный рот вставных зубов; всякий раз, когда он затягивался, кожа натягивалась еще больше, тогда как провалы на щеках начинали походить на настоящие ямы, а кости на лице обозначались, как у скелета.

— Что-то я тебя никак не пойму,— пробормотал он.*

— Но ты ведь меня совершенно не слушаешь. Сегодня я видела такое, что иначе, как перевоплощением, и не назовешь, нет, в самом деле.

— Ты что, имеешь в виду эту драную кошку?

— Не надо так говорить, дорогой.

— А ты часом не перегрелась на солнце?

— Со мной все в порядке, спасибо. Но ты знаешь, я и правда сама не своя, хотя после того, что произошло, любой на моем месте почувствовал бы то же самое. Эдвард, уверяю тебя, что...

— Да что случилось-то, можешь ты толком объяснить?

Луиза принялась рассказывать, и все это время он продолжал сидеть, развалившись в кресле, вытянув ноги, покуривая сигарету и пуская в потолок клубы дыма. С лица Эдварда не сходила ироничная ухмылка.

— Не вижу во всем этом ничего необычного,— проговорил он, когда жена, наконец, завершила свой рассказ.— Самые обычные кошачьи фокусы. Ее, скорее всего, научили подобным трюкам.

— Эдвард, не надо говорить глупости. Стоило мне заиграть Листа, как она приходила в необычное возбуждение и подсаживалась ко мне. Причем именно Листа, и вряд ли ты станешь утверждать, что кто-то специально смог научить ее различать Листа и Шумана. Даже тебе такое не под силу. Зато кошка справилась с этой задачей, причем совершенно безошибочно. Сразу определила, когда я играла Листа.

— Причем дважды,— пробормотал муж.— Ей это удалось дважды.

— А разве этого недостаточно?

— Хорошо, пусть сделает это еще раз, хорошо, а мы посмотрим.

— Нет,— решительно произнесла Луиза,— я на это не согласна. Если это и в самом деле Лист, или его душа, или что-то, во что он перевоплотился, не знаю, как уж там, то с нашей стороны было бы верхом бес tactности подвергать его столь унизительному испытанию.

— Моя дорогая, мы имеем дело с самой обычной серой кошкой, причем довольно неразумной, если она сегодня чуть не спалила себе шерсть, сидя слишком близко от костра. И потом, что ты вообще знаешь про перевоплощения?

— А то, что если его душа сейчас действительно с нами, в этой комнате, то мне этого вполне достаточно, вот и все, что я знаю.

— Ну, так что ж, пусть он объявится, как-то проявит себя. Пусть каким-то образом обнаружит разницу между собственной белибердой и чужой.

— Нет, Эдвард. Я уже сказала, что категорически против того, чтобы устраивать столь нелепые проверки. Хватит с него на сегодня испытаний. Сейчас я сделаю кое-что другое — я еще поиграю для него.

— Боюсь, это не очень-то потянет как доказательство.

— Сам увидишь. Могу пообещать тебе только одно: как только зазвучит его собственная музыка, он просто окаменеет, замрет на месте и ни на миллиметр не пошевелится.

Луиза прошла к полке, где стояли альбомы с нотами, быстро пролистала один из них и выбрала очередную композицию — это оказалась соната си минор. Ей было интересно проверить собственную догадку, а потому она не на меревалась играть все произведение, однако как только из инструмента полились первые звуки, кошка действительно замерла на месте, чуть подрагивая от явного возбуждения, и у женщины не хватило смелости, чтобы остановиться. Сыграв всю сонату, она триумфально посмотрела на мужа и проговорила:

— Ну, как? Разве ты сможешь отрицать, что ей это действительно очень понравилось?

— Что ж, значит ей по нраву всякий шум, вот и все.

— Нет,— проговорила Луиза, подходя к кошке и беря ее на руки,— просто она очень любит музыку, правда ведь,

дорогая? О, какая же она прелест! И как жалко, что такое существо не умеет говорить. Ты только вообрази, дорогой,— в юные годы она встречала Бетховена, точнее, не она, а он, разумеется. Знавал Шуберта и Мендельсона, Шумана и Берлиоза, Грига, Делакруа, Энгра, Гейне, Бальзака. Да, и потом — ведь он был тестем самого Вагнера! Ты только представь себе — я держу на руках тестя Вагнера!

— Луиза,— прервал ее муж, выпрямляясь в кресле,— постараися успокоиться и взять себя в руки.— Что-то в его голосе изменилось, он заговорил резче и громче:

Луиза метнула на него быстрый взгляд.

— Дорогой, неужели ты ревнуешь?

— Ну да, да, разумеется, я, конечно же, ревную, причем именно к этой драной кошке.

— Тогда не будь таким вредным и ехидным. А если тебе хочется вести себя именно так, то можешь уйти в сад или вообще оставить нас вдвоем. Это будет самое лучшее, правда ведь, дорогая? — это было обращено уже к кошке, которую женщина ласково гладила по голове.— Знаешь, давай попозже вечерком поиграем еще что-нибудь из твоих работ, а? Ну, конечно же,— произнесла она, чмокнув кошку в загривок,— мы с тобой сыграем Шопена. Слов не надо — я и так знаю, что ты без ума от Шопена. Ведь вы же были настоящими друзьями, разве не так? Если мне не изменяет память, именно в доме Шопена вы повстречали свою самую большую любовь. Мадам Икс. И у вас было от нее трое незаконнорожденных детей, так ведь? Ну, конечно же, это так, баловник вы эдакий, и не вздумайте это отрицать. Значит, решено — мы играем Шопена,— кивнула она, в очередной раз целуя кошку,— и, надеюсь, это навеет на вас новые приятные воспоминания.

— Луиза, это когда-нибудь прекратится?

— Ну, не надо быть таким строгим, Эдвард.

— Ты ведешь себя, как законченная дура. А потом, ты что, забыла, что на вечер мы приглашены к Вилли и Бетти?

— Ну, что ты, разве я могу пойти? Об этом теперь не может быть и речи.

Эдвард медленно поднялся из кресла, затем наклонился и напряженным движением загасил окурок в пепельнице.

— Ну, признайся,— наконец, сказал он,— ты ведь и сама не веришь в... во всю эту чертовщину. Разве не так?

— Разумеется, верю. А ты в этом еще сомневаешься? И потом, это ведь накладывает на нас особую ответственность, ты не находишь? На нас обоих — в том числе и на тебя.

— Я уже высказал свое мнение,— решительно произнес он.— И думаю, что тебе в самый раз обратиться к врачу. Причем не откладывая.

Проговорив это, он порывисто повернулся и через verанду вышел в сад.

Луиза смотрела ему вслед, видя, как он направляется через лужайку к костру; дождавшись, когда он, наконец, скрылся из виду, она кинулась к входной двери, по-прежнему сжимая кошку в руках.

Через несколько минут она уже вела машину по направлению к городу.

Остановив машину рядом с городской библиотекой, она оставила кошку в салоне, заперла двери, быстро взбежала по ступеням и направилась к сводному каталогу. Все ее внимание было отдано двум наименованиям, двум словам — «перевоплощение» и «Лист».

«Перевоплощение» предложило ей книгу, которая называлась «Возвращение к земной жизни — как это происходит и почему». Автор — некий Ф. Мильтон-Виллис, опубликовано в 1921 году. В разделе «Лист» были обозначены две его биографии. Взяв все три книги, она села в машину и вернулась домой.

Там она прошла к дивану, уложила кошку на подушки и приготовилась к углубленному чтению. Начать она решила с неведомого ей Ф. Мильтона-Виллиса. Вид у книги был довольно неказистый — заляпанная какая-то и совсем тощенькая, но ее было приятно держать в руках, да и фамилия автора звучала весьма представительно.

Из книжки она узнала, что, согласно теории перевоплощения, души живых существ постепенно перевоплощаются во все более высокие формы организации жизни. «В частности, человек не может преобразиться в животное, равно как и взрослый мужчина не способен превратиться в маленького мальчика».

Она снова вчиталась в эту фразу. Но откуда ему это известно? Откуда такая уверенность? Ерунда! Но надо же, какая беспеляционность! И все же она должна была

признаться, что подобное заявление несколько охладило ее пыл.

«Центр сознания каждого живого существа, в частности человека, помимо плотного материального тела, окружен четырьмя другими телами, недоступными для обычного физического зрения, но вполне различимыми теми людьми, которые развили в себе особые способности по восприятию таких вещей...»

Это место она не поняла вовсе, но чтение не прекратила и, наконец, дошла до одного интересного пассажа, в котором говорилось, как долго должна находиться человеческая душа в отрыве от земли, чтобы затем вернуться и поселиться в каком-нибудь теле. Срок этот зависел от социальной принадлежности конкретного человека — здесь автор нанес Луизе безжалостный удар:

«Пьяницы и безработные — от сорока до пятидесяти лет. Неквалифицированные рабочие — от шестидесяти до ста. Квалифицированные рабочие — от ста до двухсот. Представители буржуазии — двести — триста. Представители высших классов промышленников — пятьсот. Представители высшего класса землевладельцев — шестьсот лет — тысяча. Находящиеся на пути к высшему просветлению — полторы — две тысячи лет.»

Она тут же потянулась к биографии Листа, желая узнать, когда умер композитор. Там было написано, что он скончался в Байрете в 1886 году. Получалось — шестьдесят семь лет назад. Значит, если верить Мильтону-Виллису, Лист должен был относиться к неквалифицированным рабочим. Но разве это так? К тому же она усомнилась в самом научном подходе автора. С чего это он взял, что высший класс землевладельцев — едва ли не наиболее престижная социальная категория общества? Красные камзолы и стремена, а впридачу к ним лютость и садизм — истребители лисиц! Нет, что-то здесь не так. Ей было даже приятно вступить в спор с Мильтоном-Виллисом, покоряя его силой своей аргументации.

Затем в книге приводились примеры наиболее замечательных перевоплощений. В частности, она выяснила, что Эпиктет вернулся на землю в облике Ральфа Эмерсона, Цицерон приобрел плоть Глэдстона, Альфред Великий стал королевой Викторией, Вильям Завоеватель — каким-то там

лордом. Индийский король Ашока Вардана, скончавшийся еще до нашей эры, явился на землю повторно в облике знаменитого американского юриста Генри Стила Олкотта. Пифагор преобразился в мастера Кут Хоми, основавшего вместе с Еленой Блаватской и полковником Олкоттом (новоизванным королем Индии) Теософское общество. В отношении самой Блаватской не было указано, кем она являлась прежде. В отношении же Теодора Рузвельта прямо говорилось, что после серии перевоплощений он «играл выдающуюся роль; как один из лидеров всемирного человечества... Он является продолжателем монархической династии древней Халдеи, и около тридцати тысяч лет назад был назначен ее наместником, впоследствии преобразившись в Цезаря, ставшего затем правителем Персии... Рузвельт и Цезарь попеременно занимали высшие административные и военные должности, а однажды, правда, много тысяч лет назад, даже вступили между собой в законный брак, став мужем и женой...»

Больше Луиза была уже не в силах продолжать чтение. Она пришла к выводу, что Мильтон-Виллис оперирует лишь собственными догадками, а потому его выводы ее совершенно не удовлетворяли. Она не исключала, что он действительно недалек от истины, однако многие из его заявлений звучали слишком уж рискованно, особенно то, в котором он категорически отвергал возможность перевоплощения человека в животное. У нее даже возникла идея сразить наповал всех членов Теософского общества, приведя им доказательство того, что человек все же может преобразоваться в более низкоорганизованное существо, например, в кошку, и что в предыдущей жизни ему отнюдь не обязательно быть неквалифицированным рабочим, чтобы спустя сто лет вновь вернуться на землю.

Она принялась поверхностно просматривать одну из биографий Листа, когда из сада вернулся муж.

— Чем это ты там зачиталась? — спросил он.

— Да так, проверяю кое-что. Слушай, дорогой, а тебе известно, что Теодор Рузвельт был женой Цезаря?

— Луиза, — как можно спокойнее проговорил он, — может, и в самом деле хватит молоть околесицу? Мне просто больно наблюдать то, что ты ведешь себя, как самая настоящая дурочка. Дай-ка мне свою кошку, я сам отнесу ее в полицию.

Но Луиза его уже не слушала. Раскрыв от изумления рот, она уставилась на портрет Листа, приведенный на одной из страниц его биографии.

— Бог мой! — воскликнула она.— Ты только посмотри, Эдвард!

— Что там такое?

— Смотри! Видишь эти родинки на его лице? Как же я про них забыла? Точнее, это даже не родинки, а самые настоящие бородавки, огромные бородавки, и об этом всем хорошо известно. Его студенты даже чуть подправляли свою внешность, чтобы только походить на своего учителя.

— И что из этого?

— Ничего. Студенты тут ни при чем, я говорю о бородавках.

— О, Бог ты мой,— простонал Эдвард.— Боже пра-ведный!

— У кошки они тоже есть. Я сейчас тебе покажу.

Она посадила кошку себе на колени и принялась исследовать ее морду.

— Вот! Вот, посмотри! Вот одна, а вот другая. Постойка, я убеждена, что и расположены они на тех же самых местах. Где портрет Листа?

Это был широко известный портрет композитора, сделанный в преклонные годы: прекрасное, благородное и одновременно властное лицо, обрамленное массой длинных седых волос, которые скрывали уши и ниспадали на шею. Но каждая бородавка — а всего их было пять — была скрупулезно помещена на полагавшееся ей место.

— Значит, так, на портрете одна находится прямо над правой бровью.— Женщина принялась разглядывать правое надбровье кошки.— Вот! Вот она! На том же самом месте! И вот еще, левее, у самого кончика носа. Эта тоже есть! Потом еще одна — ниже, на щеке. А вот две на подбородке, совсем рядышком друг с другом. Эдвард, ты сам посмотри, все они здесь, на месте, где им и полагается быть!

— Ну и что это доказывает?

Она подняла взгляд на мужа, который стоял посередине комнаты в своем темно-зеленом свитере, брюках защитного цвета и все такой же потный и немножко усталый.

— Ты, наверное боишься, Эдвард, признайся, что это

так. Боишься уронить собственное достоинство и предстать перед людьми в образе дурака, вот и все.

— А мне кажется, что у тебя начинается истерика, вот и все.

Между тем Луиза снова углубилась в чтение.

— А вот еще как интересно. Здесь говорится, что Лист обожал все произведения Шопена, кроме одного — скерцо си бемоль минор. Пожалуй, он даже ненавидел эту вещь, поскольку назвал ее «Скерцо для горничных», и всячески подчеркивал, что она словно специально создана для людей этой профессии.

— Ну и что из этого?

— А вот что. Знаешь, что я сейчас сделаю? Я прямо сейчас сыграю это произведение, и тогда посмотрим, что произойдет. Ты сам все увидишь и во всем убедишься.

— Надеюсь, после этого ты наконец-то снизойдешь до того, чтобы покормить меня ужином,— раздраженно буркнул муж.

Луиза встала и сняла с полки массивную папку с произведениями Шопена.

— Вот, нашла. Впрочем, я его и так хорошо помню. И в самом деле, ужасная вещь. Приготовься слушать, точнее говоря — смотреть. Понаблюдай за тем, как она себя ведет.

Женщина поставила ноты на пианино и присела на стульчик. Муж стоял на том же месте, где и стоял. Руки его были глубоко засунуты в карман, изо рта торчала сигарета, а взгляд поневоле вперился в кошку, которая безмятежно подремывала на диване. Едва Луиза прикоснулась пальцами к клавишам, как наступило нечто совершенно неожиданное. Кошка прямо-таки подскочила на месте, как ужаленная, на мгновение застыла на месте, уши стремительно взметнулись вверх, все ее тело задрожало. После этого она принялась нервно прохаживаться по дивану, пока, наконец, не скочила на пол и, задрав хвост и морду кверху, грациозной поступью вышла из комнаты.

— Видел! — торжествующе воскликнула Луиза и кинулась следом за кошкой.— Вот оно твое доказательство! — Через секунду она вернулась с кошкой и водрузила ее на прежнее место на диване. Лицо женщины сияло от возбуждения, пальцы были стиснуты настолько, что побелели

все суставы, хвостик на затылке развязался, отчего вся прическа чуть завалилась набок.

— Ну, что ты на это скажешь? — нервно хохотнув, произнесла женщина.— Чем теперь ты мне возразишь?

— Что и говорить, действительно довольно забавно.

— Забавно?! Эдвард, милый, да это самая невероятная вещь, которую мне когда-либо приходилось наблюдать. О, Бог ты мой! — в очередной раз воскликнула она и стиснула кошку, прижимая ее к груди.— Как же приятно осознавать, что в гостях у тебя находится сам великий Ференц Лист!

— Ну, ты только поспокойнее, Луиза, не надо так...

— Нет, у меня просто нет сил. Я просто не в состоянии сдержать себя. Ты только вообрази, что он навсегда поселился в нашем доме.

— Прости, я что-то не понял.

— О, Эдвард! Волнение даже мешает мне нормально говорить. Знаешь, что я теперь сделаю? Ведь теперь каждый музыкант на свете захочет порасспросить его о тех великих композиторах, с которыми он был знаком,— о Бетховене, Шопене, Шуберте...

— Он что, и говорить тоже может? — спросил Эдвард.

— Ну, разумеется. Впрочем, они захотят просто посмотреть на него,— в сознании Луизы, похоже, все окончательно перемешалось, и она сама толком сейчас не понимала, о ком конкретно говорит, о кошке или о Листе,— погладить, сыграть что-нибудь из своих новых работ, с которыми он еще незнаком.

— Так уж ли он велик на самом деле? Вот если бы это был Бах или, скажем, Бетховен.

— Пожалуйста, не надо меня перебивать. В общем, я собираюсь сообщить об этом всем знаменитым музыкантам — всем на земле. Я просто обязана это сделать. Я сообщу им и скажу, что Лист гостит у меня и приглашает их посетить его. Знаешь, что будет? Они слетятся сюда со всех концов света.

— Чтобы только поглязеть на серую кошку?

— Дорогой, это одно и то же. Он, это он, и никого не волнует, на кого он сейчас похож. О, Эдвард, это будет самая великая вещь на свете!

— А мне кажется, что они посчитают тебя сумашедшей.

— Это мы еще увидим.— Луиза продолжала держать кошку на руках, поглаживая ее и изредка поглядывая на мужа, который подошел к окну и задумчиво уставился в сад. Сгущался вечер, и лужайка за окном медленно таяла во мгле, хотя вдалеке еще был хорошо виден столб белого дыма, поднимающегося над костром.

— Нет,— проговорил он, не оборачиваясь.— Этому не бывать. В своем доме я этого не потерплю. Выставить себя на всеобщее посмешище...

— Эдвард, что у тебя на уме?

— Только то, что я сказал. Я просто не позволю тебе поднять шум на весь мир, и все из-за какой-то дурацкой выдумки. Тебе просто попалась дрессированная кошка. Ладно, если хочешь,— держи ее, забавляйся с ней. Но только и всего. Ты меня хорошо поняла?

— И что еще?

— А еще я не намерен выслушивать твои дурацкие бредни. Ты что, совсем спятила, да?

Луиза неторопливо опустила кошку на диван, потом расправилась во весь свой незначительный росток и шагнула вперед.

— Черт бы тебя побрал, Эдвард! — она решительно топнула ногой.— В кое-то веки в нашей жизни произошло выдающееся событие, а ты вдруг испугался, что станешь всеобщим посмешищем. Я правильно выразилась? Или у тебя есть, что возразить?

— Луиза, послушай,— взмолился муж.— Немедленно возьми себя в руки.— Он прошел к столику, взял из коробки очередную сигарету и прикурил от той же лакированной зажигалки. Жена молча наблюдала за ним, но в уголках ее глаз набухли крупные слезинки, которые вскоре двумя ручейками устремились вниз по покрытым пудрой щекам.

— В последнее время у нас и так было немало ссор по всяким поводам. Нет-нет, Луиза, не перебивай меня. Я, конечно, понимаю, что сейчас ты переживаешь довольно трудный период своей жизни, но...

— О, Бог ты мой! Ну разве можно быть таким болваном?! Ты что, не видишь никакой разницы? Ведь это просто чудо, чудо, это ты можешь понять?

Эдвард стремительно шагнул навстречу жене и крепко

взял ее за плечи. С его губ свисала только что зажженная сигарета, и она видела, как в отдельных местах на его подбородке пот уже начал подсыхать.

— Слушай,— проговорил он как можно спокойнее,— давай, наконец, сядем за стол. Я есть хочу. Я сегодня не плохо поиграл в гольф, потом в саду долго работал, в общем, я устал и очень проголодался. Да и ты, наверное, тоже. Иди-ка на кухню и приготовь чего-нибудь.

Луиза сделала шаг назад и нервно поднесла обе ладони ко рту.

— Бог ты мой! — воскликнула она.— Я и вправду обо всем забыла. Ну конечно же, он очень проголодался. Ведь, кроме молока, у него маковой росинки во рту не было.

— Ты это о ком?

— О ком же, кроме него? Надо пойти и приготовить ему что-нибудь особенное. И я, кажется, знаю, что ему понравится. Как ты на это смотришь, Эдвард?

— Черт бы тебя побрал, Луиза!

— Ну, ладно, Эдвард, если ты не хочешь, я сама что-нибудь придумаю. А ты,— она повернулась к кошке и ласково погладила ее по спине,— побудь пока здесь. Я ненадолго.

Луиза прошла на кухню и задумалась, какое же блюдо приготовить неожиданному гостю. Может, суфле? Да, великолепное суфле с сыром. Вот уж, действительно, получится необычное блюдо. Эдвард, правда, его терпеть не может, но тут уж ничего не попишешь.

Приготовление пищи никогда не было особой ее страстью, но на сей раз она решила постараться на совесть: до нужной температуры прогрела духовку, все как следует подготовила. Когда блюдо было готово, она снова задумалась: с чем бы таким его подать, но потом решила, что Лист, наверное, никогда в жизни не пробовал ни авокадо, ни грейпфрутов, а потому остановилась на мысли, что именно из них приготовит для него салат. Интересно будет понаблюдать за его реакцией — а что, и в самом деле любопытно.

Покончив со всеми приготовлениями, она уставила блюдами большой поднос и двинулась в направлении гостиной. Едва войдя, она увидела мужа, возвращавшегося через воронту в комнату.

— Ужин готов,— сказала она, опуская поднос на стол и поворачиваясь к дивану.— А где он?

— Кто?

— Ты сам знаешь, кто.

— А, ты о нем! Откуда я знаю.— Он наклонился над столом, чтобы взять зажигалку, но, прикуривая, поднял взгляд на жену — та неотрывно смотрела на него, скользя глазами по свитеру, защитного цвета брюкам и тяжелым ботинкам, все еще сырьим от ходьбы по росистой траве.— Я лично ходил посмотреть, как горит костер.

Глаза Луизы взметнулись и уставились на его руки.

— Знаешь, прекрасно горит,— продолжал муж.— Если так и дальше пойдет, то прогорит всю ночь.

Ему, правда, стало немного не по себе, когда он заметил, с каким выражением на лице смотрит на него жена.

— А что случилось? — беззаботно поинтересовался он, опуская зажигалку на столик. Проследив за взглядом Луизы, он впервые заметил длинную и тонкую царапину, протянувшуюся по диагонали тыльной стороны ладони от суставов пальцев до запястья.

— Эдвард!..

— А, это... Я знаю. Чертовски колючие эти ветки. Пока насобираешь кучу, весь исцарапаешься, как черт-те что. Но что случилось-то?

— Эдвард!!

— Ради Бога, Луиза, сядь и успокойся. Ну что ты так развлновалась? Луиза, умоляю тебя, сядь!

Майкл Джозеф
ЖЕЛТЫЙ КОТ

Майкл Джозеф никак не может считаться новичком в жанре произведений, традиционно называемых «рассказами ужасов». Его перу принадлежит немало очень интересных находок по части оригинальной компоновки сюжета — на первый раз простого, даже незатейливого, но запоминающегося неповторимой игрой интонаций при описании жизненно достоверных, ярких, а порой и достаточно драматических событий, чему в немалой степени способствуют его безошибочное чутье и незаурядное чувство юмора. При написании своих рассказов М. Джозеф с присущим ему мастерством подводит читателя к, казалось бы, очевидному выводу, вытекающему из всей вереницы предшествующего действия, однако именно, неожиданная, подчас странная, а то и вовсе фантастическая концовка, не лишенная некоторой загадочности и даже «непонятности», придает им неповторимую изысканность и оригинальность. Приводимый ниже рассказ, по нашему мнению, в полной мере соединяет в себе все эти качества, и все же с отчасти новой стороны вскрывает незаурядные литературные способности автора, с творчеством которого, как мы надеемся, нам еще не раз выпадет приятная возможность познакомиться.

Все началось с того, что однажды, когда Грей возвращался домой, за ним по непонятной причине увязался странного вида изголодавшийся желтый кот. Вид у животного был довольно тщедушный, а большие, напряженно глядящие, янтарного цвета глаза поблескивали в неярких лучах электрических фонарей на углу улицы. Именно там кот и стоял, когда Грей проходил мимо, удрученно настынивая себе что-то под нос — сегодняшний визит к «Грэнни» не принес ему выигрыша ни за одним из столов, ему даже показалось, что животное, посмотрев на него, издало негромкий жалостливый звук. Дальше оно уже не отступно следовало за человеком, держась, однако, все время настороже, словно ожидая в любой момент пинка.

Грей и в самом деле сделал полуугрожающий замах ногой, когда, оглянувшись, заметил за спиной желтого кота.

— Если бы ты был черным,— пробормотал он,— я бы, пожалуй, взял тебя с собою, а так — убирайся!

Меланхоличные янтарные глаза слабо блеснули, однако кот не пошевелился, а затем все так же настойчиво побрел за Греем. Это могло бы основательно рассердить его, потому как настроение действительно было паршивое, однако он почувствовал какое-то жестокое удовлетворение в том, что судьба отказывала ему даже в такой пустяковой милости как добрая примета. Как и все азартные игроки он истово верил во всевозможные суеверия, хотя не раз уже убеждался в полной тщетности всех талисманов. Под подкладкой кармана его пиджака был зашип обезьяний коготь, и он никак не мог набраться смелости выбросить его. Но странно, этот жалкий желтый кот, которому полагалось бы быть черным, отнюдь не вызывал у него естественного в подобных ситуациях раздражения.

Он негромко рассмеялся: это был сдержанный, невеселый смех человека, ведущего борьбу с отчаянным невезением.

— Ну ладно, желтый дьявол, пошли, вместе поужинаем.— Он извлек руку из кармана плаща и поманил животное к себе, однако кот отреагировал на этот жест с таким же безразличием, как и на недавний замах ногой. Он лишь бесшумно скользнул вперед вдоль грязного тротуара, ни на сантиметр не отклонившись от того незримо про-

черченного курса, которым до этого столь уверенно следовал.

Вечер выдался сырой, туманный, отчаянно промозглый. Грей зябко поежился и, снова сунув ладони в чуть теплое убежище карманов, немного свел плечи, словно это могло спасти его от пронизывающего холода сумерек.

Он облегченно вздохнул, когда наконец свернулся во внутренний дворик, отделявший ледянную улицу от лестничного пролета, который вел к его комнате. Неуклюже ковыляя по жесткому булыжнику двора, он неожиданно обнаружил, что кот куда-то исчез.

Данное событие ничуть его не удивило, он даже толком не задумался над ним, однако уже через несколько минут, оказавшись на верхней площадке довольно обветшалой лестницы, в слабом мерцании одинокой лампочки под потолком разглядел это создание, которое сидело, а точнее, лежало прямо на пороге перед его дверью.

Он сделал неуверенный шаг назад и тихо пробормотал:— Странно.

Кот бесстрастно посмотрел на него своими печальными, почти задумчивыми глазами. Потянувшись над развалившимся на полу животным, он повернул ручку двери.

Желтый кот молча поднялся и вступил в сумрак комнаты. Было что-то неестественное, почти зловещее в его мягких, бесшумных движениях. Чуть подрагивающими пальцами Грей нащупал спичечный коробок и, закрыв за собой дверь, зажег единственную имевшуюся у него свечу.

Он жил в комнатке над проходным двором, который со временем приобрел даже некоторую популярность благодаря тому, что здесь поселилось немало некогда весьма благополучных и влиятельных, а ныне сраженных ударами немилосердной судьбы дельцов, промышлявших в районе завода Мэйфера; Грей даже научился с довольно ловкой напускной небрежностью называть свое жилье «квартирай», которая располагалась совсем рядом с «леди Сьюзен Тиррел».

По сути своей Грей был профессиональным игроком и шулером, хотя даже самому себе он едва ли признавался в этом. Однако и шулер нуждался в самом обычном человеческом везении. Один вечер сменялся другим, а он все наблюдал как деньги оседают в карманах всяких «пижонов»,

безнадежно наивных юных дилетантов и дуреющих старух, денег у которых и без того как снега зимой и которые по всем законам карточной игры должны неизменно проигрывать. И все же, играя с ними, Грей — человек, пользовавшийся уважением даже в кругах своей жалкой братии, полагавшейся в деле зарабатывания на жизнь исключительно на индивидуальное мастерство и ум,— неизменно проигрывал сам. Он переходил к столам с рулеткой, но там, даже с соблюдением всех полагавшихся суеверных процедур, его поджидала неудача. Он исчерпал весь свой кредит, и Грэнни лично заявила, что считает его безнадежным неудачником. Сейчас же он замерз, проголодался и пребывал в отчаянии. Скоро даже одежда последнее сохранившееся у него личное имущество — перестанет давать ему возможность брать деньги в долг, чтобы с наступлением очередного вечера вступить в схватку с немилосердной фортуной.

В его комнате стояли деревянная кровать и стул, а между ними располагался расшатанный стол. Стол заменял Грею гардероб, на столе стояла свеча и валялись несколько обгоревших спичек, которыми он, лежа в夜里, прикуривал дешевые сигареты. Иногда в этих целях он пользовался свечой и очень досадовал, когда воск прилипал к кончику сигареты: вообще-то Грей был довольно привередливым человеком. Абсолютно голые стены, если не считать приставленного к одной из них старого буфета, пришипленного календаря «Спортинг лайф», да нескольких журнальных репродукций. Ковра на полу не было, а от пустого камина к краю кровати тянулась полоска гладкого линолеума.

Поначалу Грей не увидел кота, но потом, когда пламя свечи разгорелось, его гротескная тень заколыхалась по стене. Животное устроилось в дальнем конце кровати.

Запалив от свечи одну из старых спичек, он поднес ее к маленькой газовой плитке — единственному предмету роскоши в комнате. Стоимость газа входила в те несколько шиллингов, которые он еженедельно платил за аренду помещения, и иногда Грей зажигал плиту, чтобы немного согреться. Для приготовления пищи он ею почти не пользовался, поскольку виски, которые он доставал по договоренности с одним из привратников Грэнни, хлеб и сыр, обычно входившие в его ежедневное меню, разогревать вообще не нужно.

Кот зашевелился и, бесшумно спрыгнув на пол, осторожно приблизился к плите, после чего растянулся рядом с ней, выставив напоказ все свое тощее желтое тело, и принялся негромко, но как-то грустно мяукать.

Грей выругался, затем прошел к буфету и вынул из него кружку с отбитой ручкой. Переложив хлеб к себе на тарелку, он вылил из кружки немного остававшегося в ней молока на дно фаянсовой хлебницы.

Кот приступил к трапезе — не алчно, но с той яростной скоростью, которая выдает сильные голод и жажду. Грей лениво наблюдал за этой сценой, одновременно наливая себе в чашку виски. Выпил, налил еще. Затем он стал раздеваться, соблюдая при этом максимум осторожности, стараясь хоть ненадолго продлить срок пользования своим изрядно поношенным смокингом.

Кот посмотрел на него. Снимая рубашку, под которой, с учетом того, что жилета не было, была надета еще одна, шерстяная, Грей испытал определенную неловкость, по-настоящему ощущая воздействие янтарных кошачьих глаз. Охваченный безумным порывом, он вылил виски из своей чашки в блюдце с молоком.

— Делиться так делиться,— едва не прокричал он.— Пей же, ты...

И тогда желтый кот зарычал на него: послышался мерзкий, зловещий звук, и Грей на какое-то мгновение даже испугался. Затем он рассмеялся, словно потешаясь над самим собой за эту сиюминутную потерю самообладания, и завершил процедуру раздевания, аккуратно складывая и развешивая одежду на стуле.

Кот вернулся на свое прежнее место в ногах кровати, не спуская с Грея настороженного взгляда. Хозяин каморки подавил неожиданно возникшее желание вышвырнуть кота наружу, после чего проворно забрался под одеяло, стараясь не выдернуть его тщательно заправленные под матрац края.

При дневном свете кот производил впечатление бесформенного, уродливого существа. Он даже не подумал слезать с кровати. Грей взирал на него с выражением любопытного презрения на лице.

Обычно по утрам он чувствовал себя подавленным и раздраженным, но сейчас его настроение, как ни странно, оказалось почти радостным.

Одевшись, он пересчитал оставшиеся в карманах деньги и пришел к выводу, что может позволить себе немного пошикововать, отоварившись в располагавшемся неподалеку Уорвик-маркете, поставлявшем самым дорогим ресторанам района самую дешевую еду. Несмотря на это к столь известным персонам как Грей там относились весьма терпимо.

Кот продолжал возлежать на кровати и даже не предпринял попытки следовать за хозяином, так что тот с максимальной осторожностью, которую позволяли отчаянно скрипевшие петли, притворил за собой дверь, все время ощущая на себе взгляд незванного гостя.

В магазине он уступил возникшему импульсу купить какую-нибудь еду и для кота, в результате чего его расходы возросли на несколько пенсов, потраченных на порцию сырой рыбы. На обратном пути он проклинал себя за это решение и готов был уже выбросить начавший подтекать и пропитываться влагой сверток с рыбой, когда его внимание неожиданно привлек давно забытый голос.

— Грей! Ну надо же, именно тебя-то мне и хотелось сейчас видеть!

Грей довольно любезно откликнулся на произнесенное приветствие, хотя, если можно было судить по одежде, финансовое положение повстречавшегося мужчины было едва ли не более плачевным, чем его собственное. Когда-то в стародавние времена этот человек также являлся всегда Гренни, однако затем с головой погрузился в бурные волны отчаянного невезения. Несмотря на свой весьма потрепанный вид, он повернулся к Грею и сказал:

— Не возражаешь против рюмочки, а,— после чего, заметив сомнение на лице экс-приятеля, добавил:— Я угощаю. Наконец-то схватил удачу за хвост.

Некоторое время спустя Грей вышел из пивной на углу, обогатившись пятью фунтами, принять которые приятель буквально заставил его, ссылаясь на некие давно забытые услуги, оказанные ему Греем в прошлом. Находясь в состоянии изрядного подпития, Грей не стал уточнять, что это были за услуги, однако, насколько он мог припомнить, отношение его к этому человеку никогда не отличалось особой учтивостью. Имени его он тоже не помнил.

Поднимаясь по ступеням, он продолжал терзать свою

память, гадая, кто же все-таки это был. То, что они встречались, это точно — лица Грей запоминал хорошо. Лишь уставившись на желтого кота, он наконец вспомнил и имя.

Ну конечно же, это был Феликс Мортимер. Но Феликс Мортимер застрелился летом!

Поначалу Грей пытался уверить себя в том, что обознался: вопреки голосу разума он старался убедить себя, что этот человек попросту очень похож на Феликса Мортимера. Но где-то в подсознании блуждала мысль: ошибки не было.

Да и потом, пятифунтовая банкнота не вызвала сомнений в своей реальности.

Он не спеша выложил рыбку в кастрюлю и зажег плитку. Кот приступил к трапезе в той же степенной, размеренной манере, в которой накануне вечером пил молоко. По его изнуренной внешности можно было определенно судить, что животное проголодалось, однако оно методично поглощало рыбку, словно уверившись в том, что подобные подношения впредь станут регулярными.

Грей вертел в руке пятифунтовую бумажку и задавался вопросом, не мог ли этот кот как-то поспособствовать тому, чтобы фортуна снова улыбнулась ему. Но мысли все время возвращались к Феликсу Мортимеру...

События следующих нескольких дней не оставили у него на этот счет никаких сомнений. Уже в первый вечер, находясь у Грэнни, он заметил, что маятник судьбы определенно качнулся в его сторону. Он последовательно выигрывал. После ruletki он решил перейти к «девятке», но и там удача сопутствовала ему.

— Ты наверстываешь проигранное — да еще как, с лихвой! — проговорил один из завсегдатаев этого довольно неприглядного, изрядно потертого салона.

— Именно — с лихвой, — эхом отозвался Грей и неожиданно умолк: суеверие прирожденного картежника заставило его задуматься над смыслом сказанного.

Заведение Грэнни он покинул, став богаче на двести фунтов.

Однако этот успех стал лишь прелюдией к тому «грандиозному куску удачи» — если следовать его собственной фразеологии, — который выпал на его долю в последующем. Играли он по-научному, не теряя головы, мето-

дично откладывая в банк каждое утро определенную часть выигрыша, планируя и рассчитывая в надежде наконец достичь той высокой отметки, за которой, как он сам считал со всей тщетностью азартного игрока, вообще отпадет необходимость подходить к карточному столу.

При этом он почему-то никак не мог заставить себя покинуть тронутые тленом нищеты «модные» трущобы: его сковывал страх, что подобный шаг может отпугнуть фортуну. Он без конца обновлял свою обстановку, совершенствовал комфорт, и, что характерно, первым делом купил для желтого кота корзину и мягкую подстилку.

В глубине сознания он не сомневался в том, что именно кот послужил истинной причиной поворота от нищеты к процветанию: его своеобразный, крайне суеверный рассказчик подсказывал, что именно желтый кот стал счастливым талисманом.

Он регулярно приносил животному еду, стоя всякий раз юнцом, наподобие преданного слуги. Иногда рука машинально тянулась, чтобы приласкать кота, но тот лишь яростно огрызался, и он, напуганный, решил оставить животное в покое. Если кот когда-либо и покидал комнату, то сам Грей ни разу не был тому свидетелем: всякий раз, когда он приходил домой, кот неизменно оказывался на месте, поблескивая в его сторону янтарного цвета глазами.

Впрочем, отношение Грея к подобной ситуации было вполне философским. Он стал рассказывать коту про свою жизнь, делиться с ним планами на будущее, сообщать о новых знакомых, деньги довольно скоро распахнули перед ним двери гораздо более солидных заведений, нежели было у Грэнни,— и все это красноречие, основательно сдобренное вином и одиночеством, вливалось в неподвижные уши кота, устроившегося в ногах его кровати. А однажды на ум пришло воспоминание, о котором Грей не решился даже обмолвиться: Феликс Мортимер и пять фунтов, ставшие поворотным пунктом в его судьбе.

Создание бесстрастно взирало на него, высокомерно безразличное как к его бредовой болтовне, так и к наступавшему молчанию. Однако мистическое везение продолжалось — Грею все время везло.

Шло время, и его стало одолевать честолюбие. Теперь ему оставался какой-то шаг до тех магических цифр

и сумм, за которыми, как он сам определил, можно было бы прекратить столь сомнительное занятие. Он сказал себе, что с любых точек зрения обезопасил себя, и в конце концов решил перебраться в более подходящий и респектабельный район.

При этом Грей не забыл о том, чтобы купить для желтого кота новую и достаточно дорогую плетеную корзину, в которой он и перевез его с чердака в весьма роскошную квартиру. Обставлена она была с умопомрачительной безвкусицей, однако по контрасту с былыми трущобами смотрелась весьма прилично.

Кроме того, он стал здорово выпивать, во всяком случае, больше, чем полагалось бы человеку, которому следовало иметь свежую голову, по крайней мере, в течение некоторой части дня, а точнее — вечера.

Однажды ему выдалась возможность поздравить себя с приобретением нового жилья. Дело в том, что впервые за все тридцать с лишним лет жизни он повстречал женщину. К тому времени Грей привык подразделять всех женщин на две категории. К одной из них относились «чурки» — бездушные создания с куриными мозгами и лихорадочным азартом картежника, тогда как другие именовались «пижонками» — молодые, но чаще старше, дурочки, распускающие свои идиотские, но весьма дорогие перышки, чтобы другие люди, вроде него, основательно пощипали их.

Однако Элиз Даер была другой. При виде ее сердце Грея начинало биться со странной, учащенной быстротой. У нее были необыкновенные, светлые, как пушок кукурузного початка, волосы, бледно-матовая кожа, а глубоко посаженные синие глаза и нежный карминно-красный рот ввергали его в состояние непривычного смущения.

Как-то раз вечером они заговорили о талисманах. Грей, который до этого не рассказывал про желтого кота ни единой душе, прошептал, что, если она не против, он мог бы показать ей свой талисман, который и принес ему эту едва ли не вошедшую в поговорку Удачу. Девушка с неподдельным энтузиазмом откликнулась на его робкое приглашение зайти к нему домой, а он по своей странной простоте с заиканием пробормотал, что тем самым она окажет ему честь. Он совсем забыл про то, что Элиз Даер воспринимала его не иначе как богатого человека.

Охваченный восторженным ликованием, он компенсировал ее проигрыш и заказал шампанское. Девушка умело потчевала его вином, так что к концу вечера он наклюкался, как никогда со времени начала эры его процветания.

Домой к нему они отправились на такси. Грей чувствовал, что наконец-то достиг вершин успеха. Жизнь была прекрасна, великолепна! Какое значение сейчас могла иметь вся остальная дребедень?

Он повернул выключатель, и девушка переступила порог квартиры. Отовсюду лился яркий свет, резкость которого несколько сглаживала богатая отделка комнаты. Разукрашенная, аляповатая обстановка явно говорила о немалых деньгах владельца жилища. Девушка не смогла сдержать восторженного вздоха.

Впервые за все время своего проживания здесь кот проявил признаки необычного поведения. Он медленно потянулся и встал на ноги, оглядывая вошедших яростно горящим взглядом.

Девушка вскрикнула.

— Ради Бога, убери его! — завопила она.— Иначе я не вынесу! Не хочу, чтобы он был где-то рядом. Убери куда-нибудь этого проклятого кота! — Она начала всхлипывать — жалобно, почти навзрыд,— и стала постепенно отходить назад к двери.

Видя это, Грей, похоже, совсем потерял голову и, исторгая громкие ругательства, заорал на приближающееся животное, после чего схватил его за глотку.

— Не надо... не плачь, дорогая,— задыхаясь, молвил Грей, сжимая шкуру кота.— Сейчас я разберусь с этим ублюдком. Подожди меня! — И он бросился к открытой двери.

Грей бежал по пустынным улицам. Повиснув в крепко сжатой ладони, кот постепенно успокоился и практически не шевелился, лишь едва заметно подрагивал его желтоватый мех. Грей сам толком не понимал, куда направляется. Больше всего ему сейчас хотелось как можно скорее избавиться от тирании омерзительного существа, свисавшего из его стиснутого кулака.

Наконец до него дошло, куда он все-таки идет. Неподалеку от нового жилища Грея располагался канал Принца —

медленный проток, пролегавший вдоль фешенебельных кварталов в западном направлении. Именно к этому каналу он и бежал, а, достигнув цели, не колеблясь, швырнул кота в воду.

Уже на следующий день он понял, что натворил. Первым посетившим его чувством оказался страх, хотя где-то в глубине души продолжала таиться надежда на то, что этот приступ суеверия вскоре пройдет. Однако перед глазами, подобно образу из смутного забытья, вставала вполне живая картина...

— Да ты просто трус,— подначивала его Элиз.— Почему ты не можешь вести себя как настоящий мужчина. Иди в казино и сам убедись в том, что можешь выиграть вопреки всем этим глупым кошачьим предрассудкам!

Поначалу он никак не хотел с этим согласиться, яростно сопротивляясь этой идеи; однако постепенно она захватила его, поскольку именно в ней он видел единственный путь к спасению. Ему надо только один-единственный раз бросить судьбе перчатку и при этом выиграть, тогда его рассудок снова обретет прежнее спокойствие.

Его возвращение в клуб «Зеленое сукно» было воспринято громогласными приветствиями.

Получилось так, как он и ожидал. Одна неудача сменяла другую.

Неожиданно его сознание посетила одна идея. «А что, если кот все еще жив? Почему он раньше об этом не подумал? Ведь в самом деле, не зря же говорят, что у каждой кошки девять жизней! В конце концов, он вполне мог выбраться на противоположный берег и куда-нибудь убежать».

Лихорадочная догадка тут же воплотилась в конкретные действия. Он поспешил покинуть клуб и резким жестом подозвал проходящее мимо такси.

Ему казалось, что машина плется как черепаха, однако наконец она подвезла его к тому самому месту, где он столь безрассудно расстался с котом. Поверхность воды была абсолютно неподвижна, и это окончательно убедило его в том, что здесь искать что-либо совершенно бесполезно. Во всяком случае, не так надо было все это делать.

Одна и та же мысль продолжала терзать его разум все

последующие дни. Докучливые расспросы и скрупулезные поиски кота не дали никаких результатов: ни малейших следов исчезнувшего кота.

Снова и снова он приходил в казино, соблазняемый безумной идеей о том, что всего лишь один-единственный выигрыш сможет вернуть ему былое спокойствие и умиротворенность. Но выигрыш не шел в руки...

И потом случилось нечто странное. Как-то вечером, возвращаясь домой через пустынное пространство обезлюдевшего парка, он испытал необычное и одновременно непреодолимое желание сойти с покрытой гравием тропинки и пойти по траве. Поначалу он попытался отбросить от себя эту мысль, отчаянно сопротивлялся ей: он замерз и по-рядком устал, а идти по дорожке было гораздо легче, чем плестись по влажной сумрачной траве. Однако наваждение это — подобно слепому, загадочному инстинкту — не исчезало, и в конце концов он к своему удивлению обнаружил, что бежит, путаясь ногами в набрякших стеблях мокрой травы.

Он не мог найти ответа на вопрос, почему с ним все это произошло.

На следующий день Грей поднялся с постели, когда солнце готово было уже клониться к закату.

В поисках халата он стал бродить по комнате и неожиданно увидел в стекле створки шкафа собственное отражение. Лишь тогда он обнаружил, что все это время ползал по ковру, пригнув голову низко к полу и далеко выбрасывая перед собой руки. С трудом поднявшись на ноги, он дрожащей рукой налил себе немного бренди.

Мучительная процедура одевания заняла почти два часа, и к тому времени, когда он наконец собрался, чтобы выйти из дома, за окном почти стемнело. Он брел по улице, магазины закрывались один за другим. Он практически не замечал их, пока не дошел до угла здания, где неожиданно остановился, почувствовав внезапный приступ голода. Прямо перед ним на холодном мраморе лежали весьма неаппетитные куски сырой рыбы. Его тело задрожало от едва сдерживаемого желания. Еще какое-то мгновение и, наверное, ничто не остановило бы его от того, чтобы схватить рыбу руками, но тут жалюзи из гофрированного железа с грохотом поползли вниз

и отсекли от него мраморную витрину с вожделенной едой.

Грей понимал: что-то случилось, он сильно болен. Сейчас, когда он не мог видеть перед собой образ желтого кота, его рассудок словно опутала бездонная пустота. Сам того не замечая, он повернулся назад и вернулся домой.

Бутылка бренди стояла там, где он оставил ее. Света он не включал, однако совершенно отчетливо видел все. Он поднес горлышко к губам.

Стекло выскользнуло из ладоней и с сильным стуком ударилось о пол, а сам Грей стал отчаянно глотать воздух, стараясь подавить приступ подступившей тошноты. Он чувствовал, что задыхается. С трудом взявшись за руки, Грей обнаружил, что не в силах остановить страшный, подывающий звук, прорывавшийся между его губ. Попытался было добраться до постели, но, почувствовав страшную слабость, рухнул на пол, где и замер в нечеловеческой позе.

Комната замили слабые лучи рассвета, затем прошел день, когда лежащее на полу существо чуть пошевелилось. Его охватила странная ясность видения, обычно присущая голодающим людям. Он уставился на свои ладони.

Пальцы выглядели какими-то усохшими: ногти практически исчезли и их место заняли странной формы тонкие роговые пластины. Ему стоило громадных усилий добраться до окна. В свете догорающего заката ему удалось разглядеть тыльную сторону своих рук, которые сейчас покрывал тонкий, почти невидимый слой грубой желтоватой шерсти.

Его охватил безумный ужас. Он знал, что рассудок его повис на тоненьком багровом волоске, готовом вот-вот лопнуть...

Если только... Спасти его мог только желтый кот. Он уцепился за эту едва ли не последнюю человеческую мысль, содрогаясь от ужаса.

Не отдавая отчета в собственных движениях, он проворно выбрался на улицу, всматриваясь в окружающую темноту. Не останавливаясь, он брел к сохранившемуся в тайниках его памяти единственному месту, которое хранило секрет его непрекращающихся мучений.

Карабкаясь по парапету, он наконец достиг желанной цели и увидел неподвижную поверхность воды. Бледные лучи нового рассвета отбросили его тень, придав ей странные, гротескные очертания. У самой кромки берега канала он

остановился, упершись ладонями в липкую, крошащуюся землю: голова подрагивала, а глаза в мучительной тоске и мольбе взглядывались в пучину замершей воды.

Он припал еще ниже к земле, и все всматривался, искал... И наконец заметил — там, в воде — желтого кота.

Вытянув вперед конечности, некогда являвшиеся его руками, Грей увидел, что кот повторил его движения, протянув лапы, чтобы обнять его в разбитом зеркале воды.

Пол и Карен Андерсон

КОТЕНОК

Пол Андерсон окончил физический факультет Миннесотского университета и использовал полученную научную подготовку при работе над некоторыми из наиболее удачных «круглых» научно-фантастических рассказов, которые когда-либо были написаны. Однако было бы большой ошибкой считать Андерсона автором исключительно фантастических произведений. Увенчанный рядом наград за работу в данном жанре, он написал несколько новелл — также получивших премии, — исполненных исключительно в ключе «мистерии», хотя и во многом обогащенных элементами фантастики. Впрочем, так ли уж удивительно, что автор, проявляющий глубокий интерес к мифическим сагам и произведениям эпического плана, в не меньшей степени заинтересуется также рассказами о сверхъестественном ужасе, являющимся составной частью тех же самых романтических традиций, которые присущи большинству его творений.

Занимаясь подготовкой публикуемой нами небольшой и весьма грустной зарисовки о несчастном котенке, он во многом полагался на помощь своей жены Карен, которая способствовала созданию этого сильного и захватывающего сюжета, а в прошлом и сама написала несколько талантливых рассказов в данном жанре.

Пламя бушевало вовсю. Они стояли в стороне от дома, озаряемые красными, желтыми, голубыми фонтанами огня, чуть колыхавшимися от легкого ветерка и взметавшими к холодным ноябрьским звездам снопы искр. Их блеск поигрывал в пелене дыма, отсвечивал в соседних окнах, переливался на снегу, который покрывал газоны и сугробами лежал у ограды. Талая вода испарялась, стекая по стенам, а трава внизу даже кое-где обуглилась. Жар надвигался подобно приливу, у людей жгло глаза, и они были вынуждены немного отступить. А со всех сторон их окружали густые клубы дыма.

Вертящийся фонарь на крыше машины начальника пожарной команды разбрасывал во все стороны блики света. Здесь же, рядом с машиной, стоял шеф полиции^и и наблюдал за действиями всех экипажей. Краска и металл поблескивали в темноте. Пожарные поливали здание из шлангов. Хриплые крики звучали отдаленно, их было почти не слышно из-за стоявшего кругом шума и грохота. Еще дальше столпились зеваки, темную массу которых справа и слева сдерживали несколько полицейских. А вся раскинувшаяся у подножия холма panorama со сливающимися в единый мирный поток лучами уличных фонарей Сенлака и светом из окон его домов, замерзшей речкой между ними и серебряными очертаниями сельскохозяйственных угодий вполне могла бы существовать где-то на планете, вращающейся в созвездии Ориона.

— Хуже не придумаешь,— сказал начальник пожарной команды. Каждое его слово сопровождалось как бы маленьким взрывом выдыхаемого пара, и в этом было что-то мистическое.— Только бы на другие дома не перекинулось. Впрочем, думаю, сдержим.

— Черт возьми,— проговорил шеф полиции,— ведь там же все улики сгорят.— Он хлопнул себя ладонью по груди.

— Может, что-нибудь в пепле найдем,— заметил пожарный.— Хотя, думаю, то, что вам нужно, надо бы искать в другом месте.

— Не исключено,— кивнул полицейский,— хотя... Я не знаю. На первый взгляд все здесь предельно ясно. Но то, что я услышал сегодня — знаешь, Джон, я немало насмотрелся на своем веку всякой чертовщины, причем не

только когда служил в Чикаго, но и в нашем тихом, маленьком городке Среднего Запада. Но это просто не укладывается ни в какие рамки. Что-то здесь не так.

Пламя продолжало бушевать.

Оставляя супруга, жена Лео Тронена решила не устраивать сцен. За три года совместной жизни их было предостаточно, а точку всему поставила последняя, случившаяся на кануне вечером. Он тогда ворвался в ее кабинет, схватил со стола незавершенную рукопись, потом снова метнулся в гостиную, швырнул бумаги в камин и поднес к ним горящую зажигалку. Поднявшись, мягко проговорил:

— Ну как, достаточно убедительно?

На мгновение Уна отшатнулась назад, из горла ее вырвался странный, надломленный звук. Она была маленькой, с хорошей фигурой, аккуратным овалом лица, большими голубыми глазами, чуть вздернутым носиком; губы всегда оставались немного приоткрытыми, а лицо обрамляли волны белокурых волос. Тронен же являл собой верзилу под метр девяносто и всегда был звездой университетского футбола. Наконец она сжала кулачки, встала неподвижно и прошептала — почти с удивлением.

— Да, ты на такое способен. Это уж точно. Я молилась все это время, только бы нам разрешить все наши беды...

— Боже праведный, а я-то что, не пытался разве? — Голос его возвысился.— Да не меньше тысячи раз. Чуть ли не с первого дня, когда мы только познакомились, я говорил, что мне не нужна преподавательница, египтолог — Боже упаси! — мне нужна жена.

Она покачала головой.

— Нет.— По ее щекам стекали беззвучные слезы.— Тебе нужно... ты жаждешь символа своего положения. Тебе нужно зеркало.

Она резко повернулась и зашагала прочь. Лео слышал ее шаги по лестнице и едва сдерживаемые рыдания.

Обычно Тронен пил не больше, чем требовалось по службе, включая, конечно, определенное количество коктейлей при встречах и переговорах. На сей раз он изрядно хлебнул виски, после чего отправился спать, подумав при этом, сколь мудрое он принял решение, избрав для ночлега комнату для гостей. Пожалуй, это станет его отправной точкой, когда завтра он примется разгребать завалы в их

взаимоотношениях. Ну, хотя бы так: «Давай только по-честному. Я считаю, что главной причиной наших трудностей в интимной сфере является твоя сохраняющаяся увлеченность этим типом, Куортесом. Да-да, ты, естественно, и сама не отдаешь себе в этом отчета, но это действительно так. Допускаю, согласен, вы встречались с ним еще в колледже, оба любите говорить о древних, давно ушедших народах и странах, ну а мой вчерашний поступок, пожалуй, был, как говорится, чересчур резким... Если это так, прошу прощения. Но ты должна понять, мне необходимо было что-то сделать, чтобы ты поняла: нельзя так со мной обращаться. Кто он вообще такой, этот Гарри Куортес? Школьный учитель истории! И зачем тебе, нам эта твоя будущая ученая степень, если для ее получения приходится три раза в неделю совершать сорокакилометровые поездки? Моя дорогая, ты — жена делового человека, и нам надо пробраться на самый верх. Поедешь, поедешь ты к своим пирамидам — дай только встать на ноги и помоги мне!»

Его будильник прозвонил, но жена не проснулась. Во всяком случае, дверь спальни оставалась закрытой. Сдерживая негодующее возмущение, он сам приготовил себе завтрак и направил машину в сизый, сумрачный туман. Он что, не сказал ей, что ему сегодня рано вставать? Ведь предстоит встретиться с этим парнем от Джона Дири, за которым стоит миллионный контракт, способный вытащить Лео Тронена из этой дыры!

Вообще-то он был обычным деревенским парнем, у которого перед глазами сияли огни Нью-Йорка. Управляющий завода назначил его начальником цеха штамповки в одном из филиалов Сенлака — земля там была пока достаточно дешевая.

— Прекрасное начало, особенно для такого молодого человека, как вы,— сказал он ей. Однако самому Лео за всем этим виделся тупик. Продвинуться можно, только если производить то, что люди будут покупать. Настоящие деньги, престиж и власть дает манипулирование самими людьми или контролирующими их поступки бумагами. Только бы ему удалось проявить себя здесь! А еще важнее — чтобы это заметили нужные люди, а уж он-то сам не промахнется.

Однако для этого была необходима соответствующая жена: привлекательная, расторопная, умная, обладающая навыками как хозяйки, так и гостьи. А он в Сенлак приехал сразу после развода. С Уной Ниборг он познакомился на вечеринке, куда заявился в одиночестве и, со своей рыжей гривой, хорошо подвешенным языком и неплохими манерами, сразу же приобрел некоторые шансы. Она тогда жила неподалеку от коллежда Холберг, где училась в аспирантуре и посещать который — уже после их женитьбы — он ей отнюдь не запрещал. Но он никак не мог предполагать, что все это затягивается на столько месяцев. Он расписывал ей восхитительные места и потрясающих людей, которых им предстояло увидеть по всему свету. Сначала, когда Уна настоящая на продолжении учебы, это его раздосадовало, но не слишком, потом же, когда ее отлучки стали все чаще срывать те или иные его мероприятия, начал попросту сердиться.

В общем, пора было положить этому конец. Уна должна определиться и действовать с ним заодно. Этую идею он и решил обсудить с ней сегодня после работы.

Сгущались сумерки, когда он приехал домой. Фонарей в новом районе, где они жили, еще не навесили, а свет из окон кое-где выхватывал из темноты облезлые деревья. Снег поскрипывал под колесами его нового «кадиллака». Первый, сплошь застекленный этаж дома пребывал в полном мраке. Хозяина приветствовала лишь резко вспыхнувшая лампочка, которая включилась от автоматически распахнувшихся дверей гаража. Автомобиль Уны отсутствовал.

Что за черт! Он прошел к главному входу в дом, по пути зажигая везде свет. Драпировка на стенах, густо голубые ковры, шведская мебель в стиле модерн, сложенный из грубого камня камин сбоку от декоративно отделанного окна — все это совсем не по-военному строго, как ему бы хотелось, однако даже такая гостиная казалась пустее гаража, даже холоднее, несмотря на бормотание под полом отопительной системы, напоминавшее чем-то голоса призраков и некогда посещавших дом важных гостей.

Может, Уна отправилась по магазинам? Время, конечно, неудобное, но она никогда не отличалась особой склонностью к порядку, а тем более сейчас, после вчерашней ссоры.

ры.. Его внимание привлек конверт, прислоненный к настольной лампе. Он подошел посмотреть. «Лео», — было написано ее рукой. В страхе он схватил нож для разрезания бумаг и резким движением вскрыл конверт. Почерк был неровный, хуже, чем она обычно писала, в нескольких местах виднелись следы от мокрых разводов. Письмо пришлось прочитать дважды, прежде чем содержание дошло до его сознания.

«...не может продолжаться... пожалуй, все еще люблю тебя, но... никаких алиментов и вообще ничего... пожалуйста, не пытайся найти меня, я сама позвоню, чуть попозже, когда боль немного уляжется...»

— Но почему? Как она могла? — услышал он собственные слова.— После всего того, что я для нее сделал.

Он яростно смял записку и конверт, швырнул их в камин поверх того, что осталось от рукописи, прошел к бару, налил себе изрядную дозу, после чего рухнул на диван и закурил, глубоко затягиваясь.

Ну надо же, уйти именно сейчас! Где она может быть? Только не надо устраивать поспешных расспросов. Осторожность и благоразумие — вот что ему требовалось, а там и сцена эта забудется, и время все незаметно подлечит. Но можно ли быть уверенным в том, что она не оставит его в дураках? Если бы она нашла приют у какой-нибудь подруги... Нет, это маловероятно. Скорее всего, поехала в город и под вымышленным именем поселилась в какой-нибудь гостинице. Она всегда была фантазерка, но не идиотка же; неуравновешенная (сначала Куортес, а теперь вот это), но не предательница. Что она тогда сказала во время их последней ссоры? «Ты прячешь доброго человека, запертого под замком твоего же собственного «я». Мне это известно. Иногда ты выпускаешь его наружу, правда, только на цепи, но люблю я именно его. Лео, я прошу тебя, дай ему хотя бы какой-то шанс. Выпусти его на свободу». Да, что-то вроде этой белиберды. Вполне возможно, она действительно надеялась, что ее поступок приведет к примирению.

Свой первый стакан он сопроводил двумя сигаретами и, чуть более размякший, снова наполнил его, отпивая уже маленькими глотками. Уна как-то рассказывала ему, что в древности — персы, что ли? — прежде чем принять

важное решение, обсуждали его дважды: сначала на пьяную голову, а потом на трезвую. Он улыбнулся. Едва ли сам он намеревался последовать этому правилу, и все же... В общем-то, он не был чудовищным эгоистом или совсем уж ограниченным человеком. Он вполне отчетливо видел корни ее увлеченности, да и в нем самом, когда она что-то рассказывала, пробуждался интерес. Если бы только у него было время... Было бы несправедливо назвать ее неблагодарной, она и правда старалась, причем искренне, но стать полезной ~~такому~~ человеку, как он, было очень непростым делом. А может, он сам не проявлял должной терпимости, сам давал ей меньше, чем мог? Ведь будь он не так строг с ней, ему все равно бы удалось достичь желанных высот — конечно, не так быстро, но со временем,— тем более, что пока они еще достаточно молоды.

Пусть теперь она сделает первый шаг. Если кто спросит, он скажет, что жена поехала к кому-нибудь погостить, а когда она все же даст о себе знать, они тихо и спокойно все обсудят.

Да, и надо что-то поесть, а то совсем развезет. Тронен невесело ухмыльнулся и побрел на кухню. Посуду за ним она помыла, и это тронуло его. Почему? Он и сам толком не понимал, но это было именно так.

Отыскав банку с тушенкой, он неожиданно услышал какой-то шорох. И в окружающей тишине даже испугался. И вот снова, а потом — негромкое мяуканье... Бездомная кошка? Он пожал плечами. Потом еще один, уже третий звук. Надо проверить. За окном было темно.

Он открыл кухонную дверь, выходившую во внутренний дворик — свет выплеснулся в сине-бурую мглу, и Лео увидел у порога маленького, съежившегося котенка. Ему было не больше трех месяцев от роду: комочек белой шерсти, нахолившийся от окружавшей прохлады, розовый нос и два больших янтарных глаза. Он жалобно мяукал и прошмыгнул мимо Лео в теплую комнату.

— Эй, подожди-ка, — воскликнул Тронен.

Котенок уселся на линолеум и спокойно взирал на него снизу вверх. Он не производил впечатления изголодавшегося или больного. Зачем же тогда он забрел к нему в дом?

Тронен наклонился, чтобы подхватить котенка и выпроводить обратно, но тот выскользнул из-под руки, метнулся

в угол и затаился у камина, изредка бросая на Лео испуганные взгляды. С чего это кошке бояться человека? Тронен почувствовал, что приближается ночь, в спину неприятно подуло. Вздохнув, он поднялся и запер дверь. Наверное, бедное создание просто потерялось. На таких коротких ножках оно едва ли могло забежать далеко. Ну, ладно, он приютил его, накормит, а потом постарается выяснить, откуда этот котенок взялся. Его соседи занимали солидные посты в Сенлаке, двое были какими-то функционерами, а один владел расширявшейся сетью бакалейных магазинов, так что внимание должно быть оценено по достоинству. Лео подозревал, что котенок явно домашний.

Несколько минут спустя, когда аромат разогретой еды проник в комнату, до него донеслось очередное мяуканье. Котенок робко подползл к нему, явно намекая на то, что тоже проголодался. Ну так что ж, в чем проблема? Словно подчиняясь импульсу, он стал разогревать молоко — ночью какая прохладная. Котенок жадно набросился на пищу, тогда как сам Тронен пристроился с краю стола. Чуть позже, определенно наевшись, животное стало тереться о его ногу. Лео наклонился и рассеянно пощекотал мягкую плоть. Котенка это явно привело в восторг. Тронен снова приступил к еде, и тут маленькое создание юркнуло к нему на колени, свернулось в комочек, и почти сразу же послышалось тихое урчание.

Завершив трапезу, он снова опустил животное на пол. Лео решил оставить котенка на кухне, где его бесконечные поиски и рыскания не принесли бы серьезного беспорядка, пока сам он будет звонить. Однако зверек оказался приворнее.

— Черт побери! — воскликнул Лео, погнавшись за ним в гостиную. Там котенок повернулся, кинулся в его сторону и стал кататься у ног, как бы приглашая поиграть с собой.

Гм-м, надо бы хоть пол его определить. Лео снова опустился на диван рядом со стоявшим на тумбочке телефоном — параллельные аппараты он установил также в спальню и своею кабинете. Котенок не противился осмотру. Мальчик. Продолжая левой рукой ласкать животное, он зажал трубку между плечом и подбородком и стал набирать номер. Приютившись вдоль бедра, котенок

лизал его пальцы, как заведенный двигая своим шершавым языком.

— ...так приятно, что вы позвонили, мистер Тронен, но мы не держим кошек. Вы не пробовали позвонить Де Ланси? У них есть, это точно.

— ...здесь и сейчас как раз рядом с нами. Но все равно большое вам спасибо за заботу. В наше время так редко можно встретить человеческую заботу.

— ...не наш. Кстати, почему бы вам с женой не зайти как-нибудь на пару коктейлей?

Ему стало жаль, когда список кончился. В доме снова воцарилась гнетущая тишина. Не было слышно даже тиканья часов — стоявший на камине электронный будильник работал на жидкых кристаллах. Музыка? Нет, ему с детства медведь на ухо наступил: дорогая стереофоническая аппаратура являлась частью созданного им образа своей личности, и сейчас ему едва ли пришли бы по нраву баллады и джазовые мелодии, доносящиеся из опустевшего кабинета Уны. Может быть, телевизор? Неожиданно ему на память пришла статья об одиноких старых людях в больших городах, которые от жуткого одиночества даже целовали телевизионные экраны. Он нервно повел плечами и стал бесцельно смотреть перед собой.

Котенок спал. А что, неплохая идея. Выпивки достаточно, таблетка снотворного, нет, лучше пара таблеток, потом восемь или даже девять часов крепкого сна, и он снова будет готов к работе вопреки всем проблемам. Так, а что с котенком? Ночью он обязательно где-нибудь сходит, а Лео никак не улыбалась мысль прибирать за ним перед утренним кофе. Но ведь если выгнать сейчас этого чертенка, он непременно замерзнет. Лео ухмыльнулся собственной нерешительности. Итак, проявим инженерные способности... В гараже стоял ящик из-под пива. Он вынул из него пустые бутылки, принес ящик в дом, постелил на дно чистые тряпки, поставил рядом с камином, перенес туда спящего, казалось, совсем бесполесного котенка и опустил крышку. Перед самым уходом вспомнил и налил в блюдце новую порцию молока.

Лежа наверху, он никак не мог заснуть — не помогли даже таблетки. Глупо, конечно, но его мысли то и дело уносились от жены, от контракта с Диром, вообще от всего ре-

ального, и замыкались на этом глупом маленьком животном. Может, объявление в газету дать? Но тогда ему на несколько дней не избавиться от этого создания... Отдать в питомник?.. Уна всегда хотела завести какое-нибудь животное, желательно кошку, но потом смирилась с наложенным им запретом. А что, если предложить его в качестве шага к примирению? Может, пока ее нет, попробовать самому, вдруг ему все это не покажется таким уж непереносимым?

Во сне он видел медленно подкрадывавшегося к нему леопарда.

Лео с трудом отреагировал на звонок будильника. Несколько секунд ему казалось, что предрассветную темноту наполняют неясные силуэты. Он протянул руку, ладонь нашупала волосы, почувствовала тепло. «Уна!» — мелькнуло в сознании, словно солнечный луч. А чему он вообще обращался?.. Нет-нет, подожди, она же ушла... Или вернулась ночью? Он протянул над головой руку и щелкнул выключателем настольной лампы. На подушке рядом с ним лежал котенок.

О, только не это!

Животное радостно смотрело на него, кидалось на грудь, пушистой лапой тянулось к щеке. Он резко сел, отшвырнул его от себя: уклоняясь от толчка, котенок оцарапал ему шею. Тронен снова откинул его от себя.

— Паразит проклятый!

Ясное дело, он забыл закрыть ящик. Бессонные часы давали о себе знать, все тело ломило. Казалось, что голова набита песком, который с хрустом высыпается через глаза. Вылезая из кровати, он заметил на покрывале и электрическом одеяле белесые пятна. Лео подозрительно принюхался. Так-так, вот оно! Вонючка наверняка опрокинул блюдце, которое он оставил на полу, и по всему дому оставил свои мокрые следы, тогда как на кухне, похоже, вообще целая лужа.

Котенок забился в дальний угол комнаты. По его взглядуказалось, что он испытывает боль, не физическую, а какую-то иную, жутковатую, почти человеческую. Впрочем, кошки всегда были загадочными существами, он их недолюбливал.

Спустившись вниз, он обнаружил, что оказался прав,

и прежде чем заняться собой, был вынужден несколько минут затирать следы. К счастью, испражнений не было — ну да, как же, что-то обязательно обнаружится потом, причем в самом неожиданном месте.

— Ну так, приятель,— сказал он, когда котенок наконец появился.— С тобой все ясно.— Зверек урчал и просился поиграть. Если накануне, в обстановке одиночества, эти движения и доставляли ему хотя бы какое-то, весьма слабое удовольствие, то сейчас они просто раздражали.

Кофе с бутербродом подняли его настроение. Выйдя наружу к машине, он почувствовал окрепший за ночь холод. Тишина, казалось, даже похрустывала. Остовы деревьев, поменявшие цвет с серого на безжизненно-белый, резко контрастировали с темным небом, а еще дальше, на востоке, ландшафт поражал своей застывшей неподвижностью. На какое-то мгновение он поймал себя на мысли: а стоит ли в такую погоду выпроваживать котенка из дома.

Но где-то в глубинах подсознания все так же ухмылялся леопард из сновидений.

Он поморщился, скорчил гримасу и призвал на подмогу весь свой гнев. Ну и что ему делать? Будь он проклят, если оставит в доме это грязное существо, а питомник тоже едва ли начинает работу раньше девяти, а то и десяти часов, ему же к этому времени уже надо будет как следует вникнуть в содержание документов, имеющих отношение к компании Дири... В конце концов, кто-нибудь заметит животное и подберет, а в крайнем случае — что, мало ли шляется по улицам бездомных собак и кошек?

Счастливый котенок сидел рядом с ним на переднем сиденье, пока через несколько миль от дома машина не остановилась и Лео, распахнув правую дверь, не скинул его на землю. Зверек упал на лапы, совсем не пострадав, только испуганно замяукал. В это холодное утро почва на обочине дороги наверняка была жесткой, заледеневшей. Впереди виднелся муниципальный парк, весь в снегу, с голыми ветвями деревьев и кустарников и напоминавшими окаменевших чудищ скамейками.

Котенок бросился назад к машине.

— Ну, нет, только не это,— ворчливо пробормотал Тронен. Он захлопнул дверцу, пристегнулся и резко взял с места. В зеркальце заднего вида ему был виден кро-

шечный пушистый комочек на дороге, но вскоре все исчезло.

Да, неважный выдался день. Холод пробирал до костей. Все тепло от печки уходило куда-то за спину и грело не больше, чем первые лучи зимнего солнца.

«Вот так, крутишься на работе как заводной, жена ушла, и никому нет никакого дела, жив я или уже умер...»

«Нет,— сказал он себе,— перестань хныкать и не отрывайся от жизни. По крайней мере нескольким людям ты отнюдь небезразличен. Начальство хочет, чтобы ты занимался этим делом, одновременно пополняя их банковские счета, тогда как подчиненные хотят, чтобы ты поскорее освободил свое место и расчистил им путь для дальнейшего восхождения по служебной лестнице. И всегда на первом месте Она — Работа. Или Она — это Уна? Я-то думал, что нашел в ней оазис тепла, а на самом деле ей была необходима лишь поддержка, чтобы иметь возможность сдувать пыль с трупов, пролежавших три тысячи лет под холодным саваном.

Ладно, черт с ней. Сегодня у нас что, среда? Можно потерпеть и до субботы. Нечего пороть горячку, тем более, что дел полно. В крайнем случае схожу в массажный салон, ведь это так просто: ваш секс — мои деньги. Кажется, есть даже выражение такое: холодный, как сердце шлюхи. А почему бы нет? А когда в следующий раз стану жениться, надо будет повнимательнее выбирать».

Завод возвышался, как обрезанный со всех сторон кубической формы ледник, на стоянке припаркованы лишь несколько автомашин. Тронен поспешил к главному входу.

— Доброе утро, сэр,— проговорил ночной охранник, и Лео не мог не заметить непривычную холодность, столь отличную от обычного радушия.

«Что это такое с Джо? — на секунду подумал он.— Тоже какие-нибудь проблемы? Надо будет потом поинтересоваться. Хотя нет, какое мне до него дело?»

Его шаги гулким эхом отдавались в коридорах. Его обитый панелями и украшенный специально подобранными картинами кабинет раньше казался ему более приветливым, а сейчас почему-то поразила царившая в нем тишина и — совсем уж странно — висевшие за окном длинные сосуль-

ки. Он повернул ручку термостата в сторону увеличения обогрева. Усевшись за письменный стол, зашелестел лежавшими на нем бумагами, и на ум пришло неожиданное сравнение с замерзшими лужами, которые похрустывают под ногами.

— Доброе утро, мистер Тронен,— поприветствовала его пришедшая к девяти секретарша.— Бог ты мой! Да у вас здесь настоящие тропики!

— Что? — Он окинул взглядом ее стройную фигурку.— Да, мне так удобнее.— Впрочем, он был не вполне искренен, поскольку так и не снял пиджака, который обычно скидывал сразу же, оставаясь один в кабинете.

Она подошла к термометру.

— Тридцать два градуса.— И, перехватив его взгляд, добавила:— Конечно, большую часть времени я нахожусь у вас за дверью, но, простите меня, мистер Тронен, с вами действительно все в порядке? У вас такой усталый вид.

— Да ладно,— буркнул он.— Вот,— он протянул ей папку с бумагами.— Подготовьте отчеты в соответствии с моими резолюциями. И пожалуйста, сделайте это к дневной почте.

— Слушаюсь, сэр.— Она крайне редко пользовалась столь почтительным обращением. Обиделась, что ли? Ну и Бог с ней...

В середине дня пришел начальник отдела деловых операций.

— Знаешь, Лео, только что звонил человек от Джона Дири — не Густафсон, а тот, который над ним стоит, Крученек его фамилия. Ну так вот, его интересовало, как у нас поставлен контроль за качеством... В общем, я сейчас прямо и не знаю, что и делать с этим контрактом, никак не знаю.

Еще позже объявился управляющий делами профсоюза.

— Мистер Тронен, вы объясните мне, как при нынешних инфляционных процессах избежать серьезных проблем. Меня тогда удовлетворили ваши слова и я передал их своим парням. Но отопление в цехе остается никудышным и, если вы не сдержите свое обещание заменить всю систему, то, боюсь, что при нынешней собачьей зиме вам не избежать забастовки.

Между всем этим он выкроил время, чтобы перекусить принесенным из кафетерия бутербродом, а заодно посмотреть по телевизору новости. Какой-то государственный деятель сообщил, что страна уже находится в стадии спада деловой активности, и многие намекают на приближающуюся депрессию. Эксперты предсказывают нехватку топлива, так что события прошлого года покажутся всем отпуском на Гавайях в сравнении с тем, что их ждет сейчас.

Ведя в сумерках машину к дому, он вспомнил о котенке. За весь день это случилось в первый раз — слишком много было всяких проблем, не дававших возможности ни на минуту расслабиться и восстановить в памяти это нелепое проявление дружеских чувств. Впрочем, что там говорить о дружбе: друзей у него не было. «И тебе, киска,— думал он,— чтобы ни случилось за эти десять или двенадцать часов, живой ты вообще или уже мертвый, никогда не понять, что такое человеческое равнодушие».

Первым, кто поприветствовал его, был, как всегда, гараж с автоматическими дверями. Он прошел к парадному входу и сразу заметил лежащий на коврике белый пушистый комочек. Котенок.

— Что?! — Тронен даже отскочил от крыльца в снег, белевший под холодными звездами. У него сжалось сердце, перехватило дыхание, выступил пот. Нет, это было невероятно!

Через минуту, чуть отдышавшись, он смог, наконец, взять себя в руки. Разумеется, с какой стати ему чего-то бояться? Опасаться этого мерзкого, хныкающего куска жалкой плоти? Случись подобное — вот тогда действительно были бы какие-то основания для страха. Он подошел ближе. Лежавшее у его ног существо еле шелохнулось, чуть слышно мяукнуло. Он открыл дверь, пошарил рукой, нашупал выключатель и зажег свет, при котором внимательнее разглядел животное. Да, тот же самый зверек, только крайне ослабевший от холода и голода, глаза замутились, шерсть и усы покрылись инеем.

Кошки часто возвращаются. Этот же явно обладал особынной силой, заставлявшей его цепляться за жизнь.

Тронен выпрямился. Ни при каких обстоятельствах не пустит он его внутрь, даже на одну-единственную ночь. Ему и самому не было понятно, откуда в нем подобная нена-

висть. Ведь сначала-то он отнюдь не возражал, а что касается грязи, то можно ведь было принять соответствующие меры предосторожности. И все же... О черт, наконец решил он, хватит с меня всего остального, что постоянно треплет нервы. Уна, конечно же, расчувствовалась бы, а он...

Сама мысль о том, что утром придется заниматься окоченевшим трупом, показалась Тронену омерзительной. Он набрался решимости: со всем этим надо кончать прямо сейчас.

В гараже он взял ведро и из крана во дворе налил в него воды. Леденящий холод металла заставил его вздрогнуть, грохот ударявшейся о дно струи в вечерних сумерках казался ревом водопада. Он сжал зубы, поставил ведро на крыльце, снял пальто, пиджак и засучил рукава. Не вставая с того места, где лежал, котенок чуть шевельнулся, словно пытался лизнуть его пальцы. Лео поспешил сунул крошечный комочек под воду.

Он даже не предполагал, что эти подводные подергивания продлятся так долго. Когда же наконец извлек неподвижное тельце, то показалось, что подрагивания продолжаются — может быть, уже у него в мозгу.

Что-то кружило, вертело, бурлило, словно водопад. Боже, как ему хочется выпить! Он опустил котенка на пол и выплеснул воду, почти не видя, куда льет, а только слышал шум. Неприятнее всего было теперь взять намокший предмет в руку, оттащить его в дальний конец гаража, бросить там в мусорный бак и захлопнуть крышку. Поставив ведро на место, он поспешил назад, в дом, к ванной, по ходу везде зажигая свет. Тщательно вымыл руки — воду пустил такую горячую, которую только могла вытерпеть кожа.

Что это он стал таким брезгливым? Раньше подобного за собой не замечал. В голове творилось нечто незнакомое, накатывала какая-то темнота, и его всего словно кружило в гигантском водовороте.

Впрочем, спал он действительно мало, а уход Уны, похоже, оказал более сильное воздействие, чем он предполагал. Так что там насчет выпивки?

Он подошел к бару. Звук булькающего по кусочкам льда виски показался ему невыносимо громким. Тронен прошел со стаканом к своему стулу. Он с такой силой сжимал стакан, что рука дрожала, льдинки бились друг о друга,

а жидкость едва не выплескивалась через край. Вкус напитка показался ему неприятным и он испытал приступ безумного страха оттого, что виски попадет не в то горло и он захлебнется. «А может, зря я в свое время выступал против марихуаны,— подумал он.— Тоже расслабляет, и не жидкяя»...

Пронзительно зазвонил телефон — он вздрогнул. Стакан выскользнул из пальцев, виски выплеснулся на ковер, за кусочками льда потянулись тоненькие ручейки влаги. Уна? Споткнувшись и едва не упав, он все-таки снял трубку.

— Алло, кто это?

— Это Гарри Куортес,— проговорил мужской голос.— Привет, Лео, как дела?

Тронен слегка сглотнул слюну и закашлялся. Он как бы говорил по видеофону: перед ним стоял молодой преподаватель, высокий, в очках, в мягкой одежде, немножко застенчивый, посасывающий трубку и такой мерзкий. Впрочем, видеофон явно барабанил: изображение казалось размытым, словно камень, лежащий на дне бурного потока.

— Лео, что-то не так?

Интересно, была ли эта участливость в голосе настоящей. Едва ли.

— Нет, ничего.— Лео удалось побороть подступивший спазм.

— Извини, я могу поговорить с Уной?

Загрохотал водопад.

— А зачем она тебе?

Явно обескураженный столь резким ответом, Куортес даже стал заикаться:

— Ну..., ну, я хотел рассказать ей о книге, которую на прошлой неделе отыскал в городе... Она только что вышла, и я подумал, что Уне для работы было бы интересно...

— Ее нет дома,— отрезал Тронен.— Уехала погостить. Надолго.

— О...,— удивление в голосе Куортеса явно свидетельствовало о том, что он рассчитывал быть посвященным в ее планы.— Можно узнать, куда именно? И на сколько?

Тронен старался сохранить самообладание, он просто цеплялся за него, подобно потерпевшему кораблекрушение, ухватившемуся за обломок мачты.

— К родственникам. На несколько дней.

— А..., — и после паузы: — Слушай, раз уж мы оба осиротели, почему бы нам не провести вечер вместе? Я бы хотел пригласить тебя на обед. Один лишь Бог знает, сколько раз я пользовался твоим гостеприимством.

«Гостеприимством Уны», — подумал Тронен.

— Нет, я занят. Спасибо, — ответил он и с силой бросил трубку на рычаг.

Потом он на мгновение задумался, почему все-таки отверг это приглашение. Компания бы ему не помешала, более того, могла оказаться весьма полезной. Да и Куртерс был отнюдь не плохим парнем. В беседах он касался не только любимой Уной египтологии, но мог поговорить о политике, спорте, что гораздо больше интересовало Лео; причем если политика для Гарри всегда оставалась второстепенным делом, то по части спорта преуспел он гораздо больше, в средней школе играл подающим в бейсбол, да и сейчас время от времени принимал участие в молодежных матчах. Возможно, он действительно был влюблена в Уну, однако в практических действиях это никак не выражалось. Да и потом, если бы Тронену удалось достаточно умно вести беседу, возможно, ему бы удалось получить о ней какую-то полезную информацию... Нет, не получится у него умный разговор, когда в голове такой сумбур, когда все лягут, кружится, сотрясается. Кроме того, ему была противна сама мысль о том, чтобы снова услышать этот мерзкий булькающий звук набираемого на диске номера...

Может, потом как-нибудь. А сейчас самое время вытереть эту лужу на ковре, пока она окончательно не впиталась. Пить он больше не хотел и на скорую руку приготовил поесть — консервы, разумеется. Ни газеты, ни телевизор его не интересовали, и самое удачное, что пришло ему в голову — это пораньше лечь спать. Но предварительно он принял три таблетки снотворного.

Его сознание словно по спирали опускалось в жидкую темноту. Какое-то время он вздрагивал, сопротивлялся, всплыval на поверхность, стараясь впустить в легкие новую порцию воздуха. Но волны снова и снова накатывали на него, и в конце концов он опустился на самое дно, сокрушенный громадной толщей океана и уже тысячу лет знающий, что давным-давно умер.

Проснувшись от звона будильника, он обнаружил, что

пижама вся промокла от пота. Несмотря на это, в душ ему хотелось меньше всего на свете. Спотыкаясь, он вышел из спальни, сознание все еще путалось в клочьях ночных кошмаров, и не без труда он сообразил, что помочь сейчас может только солидная порция кофе. Лестница каскадами падала с площадки — опасно: спускаясь вниз, он крепко держался за перила. Наконец добрался до кухни, ступил босыми ногами на холодный линолеум.

— Мяу,— раздалось за дверью,— мяу.

Может, рука его сама потянулась к ручке и повернула ее? Безжалостный свет хлынул ему навстречу. На крыльце лежал котенок. Намокший мех настолько плотно облегал тело, что сейчас он больше напоминал крысу.

— Нет,— услышал Тронен свой же булькающий голос.— Нет, нет.

Он страшно боялся сойти с ума. Наверное он недостаточно долго держал это чудовище под водой, и вот оно ожило, согретое струившимся сверху теплым воздухом, да и крышку, похоже, неплотно закрыл, и потом, когда стемнело, котенок выкарабкался на поверхность мусора и приполз сюда, пока сам Лео, объятый тревожным сном, метался по постели...

Ну, на сей раз все будет иначе, теперь-то он постарается сделать все как следует.

Он наклонился, подхватил слабо сопротивляющееся существо и изо всех сил ударили его головой о край бетонной опоры. При этом он почувствовал и одновременно услышал характерный хруст. Затем опустил котенка на пол — тот лежал абсолютно недвижимый, лишь из розового носика и между крошечными зубами вытекали две струйки крови. Янтарного цвета глаза остекленели.

Тронен поднялся, шумно дыша и дрожа всем телом.

Но это от возбуждения, гнева, чувства облегчения. Исступления уже больше не было. Рассудок обрел прежнюю остроту и ясность. Катарсис? Да, кажется, это называется катарсис. Как бы там ни было, но теперь он снова свободен.

С радостным чувством он снова отнес тельце к мусорному баку и на сей раз с таким грохотом захлопнул крышку, что, наверное, мог бы разбудить даже Гарри Куортеса, жившего на другом конце города. Он затер кровь и пропо-

лоскал губку, испытывая при этом такое чувство, будто вновь обрел нечто, ранее принадлежавшее ему. Нет, он уже не ребенок, думал Лео, стоя под душем, принять который сейчас было одно удовольствие. Против самого котенка он, в общем-то, ничего не имел. Просто тот, как говорится, попал под горячую руку, не под настроение. Смятение чувств, яростная игра подсознательного в мозгу, прочая подобная ерунда превратили это существо в своеобразный символ. Ну, теперь со всем этим покончено. Он будет иметь дело с реальностью, с живыми людьми и теми силами, которые восстали против него. И дальше, о Боже, будут восставать! Кофе ему уже не хотелось. Сердце перекачивало по его жилам возбуждение, смешанное с яростью.

Он вывел машину на улицу. Его всегда раздражала необходимость сбрасывать скорость при въезде в густонаселенные районы, где полиция была начеку. Ну почему ответственный и сознательный гражданин общества, к тому же занимающийся вопросами, от решения которых зависело благосостояние многих, не имел права установить на крыше своей машины проблесковый фонарь, чтобы расчистить себе путь?

Заводской сторож угрюмо глянул на него. Уж он-то явно в душе симпатизирует механикам в их намерении объявить забастовку. Боже правый, ну как можно им объяснить причины, элементарные экономические соображения, лежащие в основе принимаемых руководством решений? Действительно, в цеху довольно холодно, но ведь они работают там лишь восемь часов (и, кстати, едва ли нарабатывают на половину этого времени), тогда как его собственный рабочий день часто вообще не имеет конца. И потом, почему бы им не одеться потеплее? Неужели они настолько слепы, чтобы не видеть, что их собственное благополучие тесно связано с процветанием всей компании? Нет, просто на самом деле все совсем не так. Если компания обанкротится, они все равно будут продолжать подпитывать себя, только на этот раз уже в форме получаемого пособия по безработице, которое формируется опять же из его собственных налогов.

Впрочем, менеджмент и капитал тоже не способствуют появлению на свете ангелов во плоти. Зайдя к себе в кабинет, Тронен принял изучать лежавшие на столе бумаги,

при этом яростно, до боли в пальцах стучал кулаком по гладкой поверхности. Что имеет в виду этот Кручек, когда выражает сомнение в качестве их продукции? А чего, черт побери, он вообще ожидал? У Густафсона никаких возражений не было. У Кручека должны быть какие-то свои, личные причины — если только Густафсон не водил его за нос, исходя из определенных соображений, разобраться в которых ему очень хотелось... Или это письмо регионального управляющего с его слегка завуалированными претензиями и требованиями: ну как Тронену отвечать на него, и вообще, сколько задниц надо расщеловать, чтобы хоть как-то пробиться в этой прогнившей системе? Чего же удивляться появлению всех этих радикалов и бунтарей! А власти все осторожничают, хотя давно ясно, что именно надо делать: пальнуть пару раз по всем этим демонстрантам.

Секретарша опоздала почти на час.

— Извините, машина никак не заводилась...

— А вам не пришло в голову взять такси, чтобы не опоздать на работу? Вы как-то заметили, что являетесь лютеранкой, да? Разумеется, как же теперь ожидать от вас протестантской морали в вопросах соблюдения трудовой дисциплины.

Он говорил подчеркнуто спокойно, ровно и в итоге довел ее до слез, вместо того, чтобы просто дать этой глупой корове пару раз по физиономии, чего она явно заслуживала.

В полдень он вызвал к себе управляющего делами. Их давно уже беспокоили акты вандализма малолетних правонарушителей, которых было в избытке в их достаточно изолированном районе: несколько раз кидались камнями по окнам, а совсем недавно написали на стене несколько хулиганских фраз.

— Я полагаю, что в ночное время, а также по праздникам и выходным нам надо усилить охрану территории, — сказал он. — И выдайте им оружие, причем пусть используют его не только как бутафорию.

— Что? — недоуменно спросил тот. — Вы что, шутите?

— Но ведь мы развесили предупредительные объявления. Думаю, если один лоботряс получит пулю в живот, другим неповадно будет развлекаться подобным образом.

— Лео, с вами все в порядке? Но мы же не можем использовать оружие, тем более против подростков, лишь для того, чтобы оградить себя от незначительной порчи. И потом, вы же сами выступали против в прошлый раз, когда мы предлагали соорудить вокруг завода сплошной забор, говорили, что это будет слишком дорого стоить. Вы представляете себе, во что обойдется содержание дополнительной охраны?

Тронен сдался. У него не было выбора. Однако не существовало еще закона, который запрещал бы ему посидеть полчаса и подумать о том, что еще можно сделать.

В дневном выпуске новостей сообщили, что арабы и израильтяне обменялись новой серией ударов, в результате чего вполне возможной стала очередная война между ними. Что ж, подумал он, самое время как можно быстрее вмешаться, поставить этих бедуинов на их искусанные блоками колени и обеспечить себе источники нефти. Русские, конечно, поднимут крик, но не посмеют вмешаться, если мы застигнем их врасплох и будем постоянно держать палец на ядерной кнопке. Ну, а если они настолько безумны, чтобы отчаяться на ответный шаг, все равно мы выиграем, по крайней мере, большинство из нас сможет спастись. А вот они не спасутся.

Середина дня ушла на переговоры с представителями фирмы, заинтересованной в реконструкции их отопительной системы. Несмотря ни на какие доводы, парень не соглашался привести расценки работ хотя бы в некоторое соответствие с предложениями Лео и тем самым объективно подрывал его позиции в компании. Алчный подонок, разумеется, он действует по поручению своих работодателей, однако сейчас Тронену приходилось с максимальной учтивостью смотреть в это жирное, самодовольное лицо, тогда как на самом деле ему больше всего хотелось бы дать ему по носу, а заодно и выбить пару зубов.

С работы он ушел рано. В желудке урчало, как в баке с кислотой, в который бросили цинковую чушку, да и дела совершенно не клеились. Было еще светло, когда он добрался до дома; походившее на кровавый сгусток солнце низко зависло над покрытыми снегом полями, придавая темням домов и деревьев отдаленное сходство с дубинками и клинками. Холод и тишина действовали, как зубная боль.

Черт побери, как же пустынно в этом доме! Может, поесть где-нибудь? Но нет, выбрасывать деньги ради какой-то жирной жратвы и паршивого обслуживания?

Лучше расслабиться, хорошенко отдохнуть и провести вечер спокойно. Таблетка несколько ослабила резь в желудке, хотя лучше всего тело и душу успокоит стакан глинтвейна перед пылающим камином. Во всяком случае, он на это надеялся. Ведь приступы беспричинной ярости, когда он был готов наносить удары во что попало, легко могли обернуться и против него же самого. Только еще сердечного приступа ему недоставало! Нет, хотелось, хотелось...

Двигавшаяся с востока темнота быстро накрыла собою бледно-зеленые просторы на западе; он сходил в сарай и принес столько дров, сколько может понадобиться, как ему казалось. С шумом разминая газету, он бросил случайный взгляд на каминную решетку и увидел несколько клочков бумаги с рукописью Уны. С этими проблемами на работе, а потом из-за котенка, он совершенно забыл про ее существование. Оказывается, сгорело не все, сохранились, хотя сильно пожелтели и отчасти даже обуглились, целые страницы. Он машинально потянулся к камину и взял верхний листок. Может, если он процитирует ей какую-нибудь главу или стих, Уна сама поймет, какой ерундой занимается на самом деле — занимается в ущерб ему, хотя как основной добытчик в доме он вправе рассчитывать на внимание с ее стороны.

Он поднес бумагу к лампе, чтобы лучше разобраться в многочисленных правках черновика. На третьей странице говорилось: «...в то время как египетская религия, как и любая другая, своими корнями уходит в примитивные верования, она смогла породить изысканную утонченность, словно сопоставимую с творениями маймонидов или Фомы Аквинского. Монотеизм отнюдь не был изобретением Эхнатона, и у нас есть основания полагать, что он существовал в период правления Пятой династии, хотя по определенным и не до конца установленным причинам его проявление всегда было генотеистичным. Употребление в Книге мертвых множественного числа при упоминании «тел» и «душ» применительно к человеку характеризуется той же сложностью, как и взаимодействие составных элементов

Святой Троицы. Даже ка, имеющее внешнее сходство с идеей, обнаруживаемой в шаманизме и наивных мифологических системах, является скорее плодом пережитых сновидений: даже ка при ближайшем рассмотрении оказывается концепцией такой психологической глубины, что искушенный современник вполне может увидеть за всем этим символ определенной истины, тогда как последователи Юнга вполне серьезно полагают, что это нечто более глубокое, чем простой символизм. Автор не станет вдаваться в дополнительные подробности данной проблемы, однако, будучи последователем Юнга, в дальнейшем будет в своей работе следовать этой форме анализа...»

— Чушь собачья! — Тронен с трудом удержался, чтобы не разорвать листок. Нет, он сам прочитает ей эту писанину, пусть послушает и убедится не только в том, что это сплошная ерунда, но и что пишет она как самый заумный профессор. И уж, конечно, не преминет упомянуть про то влияние, которое оказал на нее бывший ухажер Гарри Куртерс... Он сунул ломкий бумажный листок в брючный карман и продолжал разводить огонь. Остальные записи, конечно же, можно было сжечь.

Совсем скоро в камине заплясали огоньки пламени, отражавшиеся в потемневших стеклах окон — красное на черном. Тронен постоял несколько минут, глядя на огонь, потирая согревающиеся руки, вдыхая аромат дыма. Дневное раздражение улеглось, однако решимость его лишь окрепла. Он еще покажет этому миру, взнудзает его, пришпорит как следует...

Зазвонил телефон.

Ну, что за тварь на сей раз? Он подошел к аппарату, резко снял трубку и рявкнул:

— Да.

Побелевшие пальцы сжались в кулак.

— Лео...

Голос Уны.

— Лео, я собиралась выждать еще некоторое время, но мне стало так одиноко.

Вот он — момент торжества!

— Ну и как, собралась назад? Пожалуй, нам есть о чем поговорить.

Гудящая тишина и затем (он почти видел, как поднимается ее белокурая головка):

— Поговорить. Да, конечно, надо поговорить. Я не считаю, что мы должны что-то утаивать друг от друга, а ты?

— Где ты находишься?

— А зачем тебе это? — Она перестала сопротивляться, голос стал каким-то невнятным. — Я что, слишком рано позвонила? Тебе надо еще время, чтобы... чтобы остыть? Мне надо еще подумать, что мы станем делать?.. Извини за этот мой натиск, если надо, я подожду. Извини, Лео.

— Я спросил, где я смогу тебя найти,— чуть не по слогам произнес он.

— Я... знаешь, мне так не нравится эта комната, в которой я сейчас нахожусь. Завтра утром съезжаю отсюда, правда, пока не решила, куда именно. Надеялась, конечно, что смогу вернуться домой. Но только не сейчас, если вообще соберусь, хорошо?

— Вот и позвонишь тогда,— отрезал он,— когда тебе будет удобно,— и швырнул трубку на рычаг.

Вот так-то! Пусть теперь на коленях приползет.

Тронен заметил, что его бьет дрожь. От напряжения? Может, еще стакан глинтвейна? Он вынул из бара бутылку бренди и направился к кухне.

Войдя туда, он услышал еле различимое «мяу-мяу».

Бутылка выскользнула из ладони. Он стоял и целую минуту, показавшуюся ему безумно длинной, вслушивался в эти звуки, доносившиеся из ночи.

Наконец его ярость вспыхнула снова, неистово завопила.

— Хватит меня преследовать, слышишь?! Хватитходить за мной! — Подобно солдату, сжимавшему в руках автомат, он прыгнул к двери и едва не вырвал ручку.

Свет выплеснулся наружу, внутрь хлынули холод и темнота. Котенок лежал в самом конце тонкой полоски крови. Абсолютно неподвижный, только часто и неглубоко дышавший. Однако, схватив его, Лео почувствовал под сломанными ребрами слабые толчки крохотного сердца.

Он с трудом переборол позыв рвоты. Скорее, скорее покончить с этим мерзким существом, раз и навсегда. Он сно-

ва вбежал в гостиную. Угольев в камине было еще мало, хотя пламя поднималось высоко, гудело, переливалось разноцветьем. В спешке он даже уронил защитный экран.

— Исчезни! — завопил он и швырнул котенка в огонь.

Животное стонало, ворочалось, пытаясь выползти наружу, хотя шкурка на нем вспыхнула почти мгновенно. Тронен схватил кочергу и со всей силой вжал котенка в угли, буквально пригвоздив его к месту.

— Умри,— чуть ли не нараспев проговорил он,— слышишь, умри, умри, умри!

Кожа покрывалась волдырями, краснела, потом стала чернеть. Глаза лопнули. То, что некогда было котенком, сейчас превратилось в молчаливую, неподвижную массу. От влаги, вытекавшей из тела животного, огонь шипел и медленно угасал. Запах гари и паленого мяса заставил Тронена отступить. Кочергу он держал, как меч-кладенец.

Ну наконец-то сдох, не было его уже. Но ведь задохнуться можно от этой вони. Лео отступил назад в кухню. Ладно, прогорит этот шашлык, можно будет открыть окна и двери и хорошенъко все проветрить. А вот и бутылка, которую он выронил...

Сделав несколько больших глотков в сверкающей хромом и пластиком кухне, он подумал, что пора бы и перекусить. Подумал — и тут же почувствовал тошноту. Даже сам не понял, отчего именно. Ну, разумеется, мало удовольствия возиться с... этой мерзкой тварью, но ведь он должен, просто обязан был это сделать. Так что же он не радуется — с этим покончено.

Он сделал еще один большой глоток и почувствовал текущее по пищеводу тепло. Или что, нельзя радоваться таким вещам, так что ли? О нет, он не садист. И потом, ему пришлось натерпеться столько, что любой другой на его месте с ума бы сошел. Ведь если этот котенок был невинным, неразумным созданием, то разве нельзя этого же сказать про гремучую змею или крысу, разносящую повсюду чуму? Их вам убивать можно, и к тому же радоваться при этом, так ведь? В телефильмах про войну солдаты веселились и шутили, бросая свои бомбы, стреляя и сжигая нацистов. Неписанный закон гласил, что нет преступления

и нет оснований терзаться муками совести мужу, убившему насильника собственной жены.

Или ее любовника.

Куортес...

Откуда звонила Уна? Она, конечно, понимала, что прямой разговор засечь нельзя. Насколько он помнил, в прошлый понедельник они поссорились именно из-за того, что он дал соответствующую характеристику Куортесу. Нет, постой-ка, он еще раньше принял ворчать, что она совсем забросила работу по дому, потому что постоянно занята лишь обсуждением своей дурацкой диссертации с любимым учителем. Она тогда не рассердилась на его слова, и это окончательно взбесило Лео, заставило его тщательно подыскивать слова и называть Куортеса лентяем, идиотом, неудачником, который тянет ее за собой вниз и вешает ему, Тронену, камень на шею... Но почему ее так задели слова мужа? И что вообще было между ними?

Черт бы его побрал, думал Тронен, если он нагадил в моем гнезде... А вдруг она позвонила именно от него и по его совету — чтобы он, Лео, продолжал заботиться о ней, тогда как сам Куортес спокойненько стоял бы в сторонке и тихо ухмылялся...

Нет, это не могло быть правдой. Не могло быть такое правдой. А если действительно — правда?

Охватившая Тронена ярость отнюдь не походила на гнев, терзавший его днем. Тогда все оставалось в рамках контроля, было вполне законно, сопровождалось попытками понять причину. Теперь же его охватило пламя. Он был не в состоянии вынести эту пытку. И причиной всему был Куортес. Спал ли он с Уной или нет, это он отравил ее сознание (да, отравил!), что было во много раз хуже чисто телесного совращения. Это было воровство, вторжение в его, Тронена, жизнь. И что же было позволено предпринять для самообороны? У замужней женщины могут быть друзья, так ведь? Даже если эти друзья — вампиры. Закон ей это позволяет. Прошли века с тех пор, когда закон вонзал в сердца вампиров колья и сжигал их.

Развод? Ха! Неважно, что там будет бормотать Уна — сохранила она мне в этот раз верность или нет, — мальчик-любовник Куортес потребует раздела имущества и алиментов и права распоряжаться всем этим. Не получится та-

кой план — что ж, пусть Уна продолжает жить в браке, он сможет всегда рассчитывать на ее ласки и полностью контролировать ее сознание. Нет, не жить Лео спокойно, пока Куортес ходит по этой земле. Как же повезло Куортесу, что у Тронена не было в доме огнестрельного оружия. Огнестрельного...

Огонь — вот оружие.

Тронен выпил еще немного. Потом около часа сидел, погруженный в раздумья. Нет, его возмездие не должно быть раскрыто. У него хватит ума, чтобы разработать достаточно сложный план. Пылавший в ней огонь должен очистить его жизнь, а не уничтожить ее.

В гараже у него стояла канистра бензина, предназначавшегося для всяких нужд. Куортес арендовал дом (а что ему, неженатому?) — маленький, старый, из высохшего дерева, полный книг и всяких бумаг. Любитель проводить отпуск на природе, он отапливал свое помещение довольно примитивной печуркой — Уна как-то рассказывала об этом — и, разумеется, имел запас горючего. Вот и пускай обнаружат эту печурку рядом с его обгоревшим телом: всем покажется вполне естественным объяснение, что Куортес попросту неправильно обращался с огнем.

Эта идея буквально клокотала в нем.

Впрочем, действовать надо осторожно. Свет он не погасил, оставил включенным телевизор — лишь на мгновение задержался, чтобы кончиком среднего пальца пощупать лежавший в потухшем очаге крошечный комок мяса и костей — и как можнотише вывел машину из гаража. Фары он так и не включил. Если кто позвонит или нена роком зайдет — что ж, поехал за покупками: он и в самом деле зайдет на обратном пути в магазин и что-нибудь купит. Едва ли кто-нибудь станет замечать точное время, поскольку для окружающих они с Куортесом всегда были друзьями. (Ага, сам себя перехитрил, башковитый Куортес?) Ну, а если его отсутствие останется незамеченным, то тогда вообще никаких вопросов не возникнет.

Проехав достаточное расстояние лишь в свете бесчисленных звездных точек над головой, он наконец решил включить фары и так ехал — осторожно, не торопясь — вплоть до самой своей цели. В этом районе, что был явно победнее, дома стояли более скученно, хотя заборы и

ограждения из вечно зеленых насаждений и здесь отбрасывали густую тень, так что в свете редких фонарей толком ничего нельзя было разобрать. Остановившись под раскидистой елью, он вынул из машины канистру и направился к нужному ему дому. Пересек небольшую лужайку. Проникавший в горло холода обжигал как пламя; снег под ногами попискивал совсем по-кошачьи.

За окнами горел яркий свет. Если Уна действительно там!..

Быстро подняв взгляд, он разглядел лишь одного Куорттерса, развалившегося в кресле наедине с книгой. Отлично. Тронен вошел через заднюю дверь в гараж и вынулся из кармана плаща фонарик. В темноте поблескивала огнем портативная печурка. Он подхватил ее той же рукой, которой сжимал ручку канистры с бензином, подошел к главному входу в дом и нажал на еле видневшуюся кнопку звонка. Тихо промяукал колокольчик.

Дверь распахнулась, и тепло окутало его с головы до ног.

— Лео, вот здорово, привет,— проговорил Куорттерс.— Что это тебя принесло? — Он удивленно уставился на ношу Тронена, не сразу распознав в ней свою собственную печурку.— Ну, заходи.

Тронен пинком захлопнул дверь за собой.

— Надо кое в чем разобраться — мне и тебе.

Куорттерс уставил на него через очки озабоченный взгляд.

— Насколько я понимаю, дело срочное? Речь идет об Уне?

— Да.— Тронен поставил печь на пол, продолжая держать канистру в руках и как-то дергаясь, нервничая, принялся отвинчивать ее крышку.— Она ушла. Это меня беспокоит. Поэтому я и не согласился вчера пойти с тобой. А сейчас мне хотелось бы знать, не располагаешь ли ты какой-то информацией относительно ее местонахождения.

— Боже праведный, ну конечно же, нет. Да что могло случиться-то? И потом, что за чушь ты вообще говоришь?

— Значит ты, герой-любовник, так-таки и не знаешь, где она сейчас? — мягко пробормотал Тронен.

Куорттерс вспыхнул.

— Ты о чем говоришь-то? Да ты что!.. Ради всего святого, ты намекаешь на то?

— Да.

— Нет! Уна? Да она самый чистый, самый благородный из живущих людей. Лео, ты что, с ума сошел?

Внутренний огонь запылал с новой силой и прорвался наружу. Тронен словно вспомнил, что лишь последний идиот станет попусту тратить время и тем самым предоставлять своему противнику дополнительные возможности для сопротивления. Он снял с канистры крышку и плеснул бензин на Куортеса. Тот издал резкий вопль, отшатнулся назад и стал стряхивать с лица жгучую жидкость. Тронен выплеснул остаток содержимого канистры на пол. Надо успеть покончить со всем этим, пока на крик не сбегутся соседи. Он вынул зажигалку.

— Гори, Куортес,— проговорил он.— Гори.— Чиркнув колесиком о кремень и выбив пламя, он пошел на соперника. Лео превосходил его и по весу, и по силе.

— Нет, пожалуйста, не надо! — Куортес пытался увернуться, однако размеры комнаты не давали возможности для маневра. Тронен же своим телом закрывал отход к двери. Скоро он загонит его в угол. С каким-то подвыванием Тронен шел вперед.

Куортес схватил со стоявшего рядом с креслом столика большую пепельницу — подарок Уны специально для его трубок,— и с силой бросил ее, словно это был бейсбольный мяч.

Тронен увидел, как отливающий янтарем стеклянный слиток летит к нему, переливаясь и поблескивая, подобно глазам кошки. Пепельница попала в цель: у Тронена вспыхнул перед глазами яркий свет, и он потерял сознание.

Падая, он непроизвольно прикоснулся огоньком зажигалки к разлитому по полу бензину. Резко взметнулось пламя.

Куортес отважился на героический поступок. Сам облитый бензином, он не сразу бросился наружу. Сначала решил вытащить Тронена. А оказавшись на лужайке на безопасном расстоянии от дома, предупредительно связал маньяку руки и ноги, для чего воспользовался своим ремнем и галстуком. Только после этого он из соседнего дома по-

звонил в пожарную службу. Впрочем, когда машины прибыли, спасать уже было почти нечего.

Кабинет начальника полиции провинциального городка редко производит впечатление. Там стоял старый стол, пара расшатанных стульев, шкаф, пол между оштукатуренными стенами покрывал обтрепавшийся, истертый ковер. В воздухе постоянно висел запах сигарных окурков. Вот только вид, открывавшийся из окна, был поистине чудесным. Оттепель сменили новые заморозки, и сейчас в лучах яркого зимнего солнечного света сосульки на кустах Риверсайд-парка сверкали, как сапфиры.

— ...понимаю ваше беспокойство, мистер Куортес, — сказал он в телефонную трубку. — Пока нет никакой уверенности. Но доктор Мандельбаум, вы же знаете, это известный психиатр из университета, уже приезжал и осмотрел Тронена. По его словам, случай чрезвычайно редкий, однако он считает, что пациент определенно сошел с ума. Я хочу сказать, он неизлечим. Одержим мыслью об убийстве, никакого проблеска рассудка, должен до конца своих дней содержаться в лечебнице, вроде опасного зверя. — Шеф полиции поморщился. — Все время кричит, требует, чтобы вернулся какой-то котенок и... Сэр, у вас не возникает мысли о том, что все это может значить?.. Вот как, значит, нет.

Полицейский ненадолго умолк.

— Кстати, мистер Куортес, возможно кое в чем вы нам поможете... Знаете, в кармане брюк Тронена мы нашли какую-то бумажку с записями. Странная писаница о каком-то э... ка, Бог его знает, что это такое. Я подумал, может быть, это даст какую-то зацепку...

А, статья, над которой работала его жена, так вы сказали? Скажите, а не могли бы вы объяснить... ведь что-то наверняка послужило толчком для этого срыва, вы не находите?

Вслушиваясь в трубку, он взял со стола бумагу, повертел ее, произнес:

— Гм-м, да, конечно, спасибо. Только прошу вас, послушайте, правильно ли я понял вашу мысль? Значит, египтяне считали, что у каждого человека несколько душ, причем одна из них, ка, может существовать и бродить где-

то совершенно изолированно, обретя облик, скажем, какого-то животного. А потом она может вернуться и разговаривать с ним, когда он окажется в могиле, если только в действительности он в это время не будет уже на небесах... О черт, нет, все-таки сложновато для меня. Значит, получается, что ка было его духовным и нравственным началом. Давайте остановимся на этом — слишком уж все запутано, особенно для такой деревянной башки, как у меня, хорошо?.. Нет, боюсь, мне это ни о чем не говорит. Как вы сказали, все это — лишь научные изыскания миссис Тронен.

Шеф полиции глубоко вздохнул. Живя в этом маленьком городке, он слишком мало знал о его обитателях.

— Да, и еще одна просьба, мистер Куортэрс. Как я понял, вы были другом семьи. Когда она узнает, что произошло, не могли бы вы проявить о ней какую-то заботу? Помочь ей выбраться из всего этого? Да, и как это сказал психиатр — чтобы вы попробовали подсказать ей идею насчет развода. От него сейчас фактически осталось лишь одно тело, а ей надо начинать новую жизнь... О'кей, спасибо, мистер Куортэрс. Большое спасибо. До свидания.

Он повесил трубку.

— Извините, — обратился он к сидевшему напротив начальнику пожарной охраны, — что вы говорили, когда он позвонил?

Пожарный пожал плечами.

— Да в общем-то, ничего особенного. Просто мы самым тщательным образом обследовали пепелище — делото действительно сенсационное по нашим масштабам, — однако не нашли ничего, что позволило бы усомниться в рассказе Куортэрса.

— Может, кости? — неожиданно спросил шеф полиции.

— Что? — Пожарный уставился на него. — Да, на кухне в пепле лежали куриные кости. А что здесь такого? — Возникла пауза и ему захотелось ее как-то заполнить. — Люди часто не понимают, как трудно скечь дотла тело человека или животного. В крематориях используется жар, намного превосходящий тот, что возникает в обычных печках или каминах, но и там приходится останки костей дробить потом механическим способом. Вы знали об этом, Боб?

— Да.

— А чего же спрашивали?

— Даже и не знаю... Пожалуй, Тронен попросту свихнулся.— Шеф полиции посмотрел в окно.— Слушая его бред, я почему-то подумал, что, возможно, мы найдем какие-то улики в камине — я имею в виду дом Тронена. Но там оказались лишь обгорелые поленья да пепел от бумаги. И больше ничего.

Теодор Старджен

ПУШОК

Вот уже больше тридцати лет Теодор Старджен пишет первоклассные фантастические рассказы и романы, например, «Немного твоей крови», классическая история о современном вампире. В настоящее время Теодор Старджен переключился на кино и телесценарии, и здесь его воображение неистощимо.

Ирина Петрунина

Рэнсом лежал в темноте и посмеивался, думая о хозяйке дома. Будучи непревзойденным рассказчиком, Рэнсом всюду был желанным гостем. Этот талант выработался у него как раз благодаря тому, что он часто бывал в гостях, ведь именно остроумные описания людей и их отношений с себе подобными и составляли соль его рассказов. Ныне его тонкая ирония была направлена на тех, у кого он гостила в прошлые выходные. Если он ненадолго оставлялся у Джонсов, то самые пикантные подробности их семейной жизни он мог пересказывать в следующие выходные в гостях у Браунов. Думаете, мистер и миссис Джонс обижались? О, нет! Надо же послушать все сплетни о Браунах! Так и шло, маятник общественного мнения качался из стороны в сторону.

Однако речь не о Джонсах или Браунах. Речь пойдет о хозяйстве миссис Бенедетто. Для поистощившего свой запас шуток Рэнсома вдова Бенедетто была настоящей находкой. Она жила в своем мирке, также обильно заполненном якобы важными предками и родственниками, как ее гостиная — безвкусными поделками викторианского рококо.

Миссис Бенедетто жила не одна. Отнюдь. Вся ее жизнь, говоря собственными словами этой леди, была закручена, захвачена, отдана и посвящена ее малютке. Ее малютка был ее «любовью», ее «маленьkim красавчиком», ее «дорогим моим крошечкой» и — помоги Господи! — ее «лапулечкой-симпопулечкой». Он представлял собой любопытный тип. Он откликался на имя Пузырь, хотя оно ему не шло и было его недостойно. При рождении его назвали Пушок, но сами знаете, как привязчивы прозвища, был он крупный и гладкий, хоть сейчас на выставку.

Интересные существа — эти кошки. Кошка — един-

ственное животное, которое может вести паразитический образ жизни, но при этом полностью сохранять независимость и способность к выживанию. Знаете, как часто говорят о потерявшихся собачках, но вряд ли вы когда-либо слышали о потерявшейся кошке. Кошки не теряются, потому что они никому не принадлежат. Правда, миссис Бенедетто невозможно было в этом убедить. Ей ни разу не пришло в голову, что можно проверить преданность ее Пушки, приостановив на десять дней выдачу консервированного лосося. Если бы она это сделала, то столкнулась бы с независимостью, какая бывает только у постельных клопов.

Все это сильно забавляло Рэнсома. Миссис Бенедетто служила флегматичному Пушку самозабвенно. Когда Рэнсом поглубже разобрался в ситуации, ему стало казаться, что Пушок — действительно замечательный кот. Кошачьи уши — необыкновенно чувствительные органы. Живое существо, способное от зари до вечера терпеть неумолчную болтовню миссис Бенедетто, с наступлением темноты — слушать колыбельную песенку ее заливистого храпа, — несомненно, редкий феномен. А Пушок выдерживал такое уже четыре года. Кошкам не свойственно терпение. Однако они отличаются pragmatizmom. Пушок кое-что выигрывал от такой жизни — кое-что, не сравнимое с немногими неудобствами, которые ему приходилось терпеть. Кошки не упускают своего.

Рэнсом лежал без движения, захваченный нарастающей силой вдовьего храпа. Он мало знал о покойном мистере Бенедетто, но полагал, что тот, несомненно, был или святым страстотерпцем, или мазохистом, или глухонемым. Вряд ли голосовые связки одной старой дамы способны произвести столько шума, однако факт был налицо. Рэнсом с удовольствием представил себе, что нёбо и горло этой женщины покрылись мозолями от постоянной болтовни. Они скреблись друг о друга, и это объясняло своеобразный скрипучий тембр ее храпа. Рэнсом решил приберечь эту идею для будущих анекдотов. Она пригодилась бы ему в следующее воскресение. Нельзя сказать, что храп убаюкивает, но любой звук становится привычным, если он регулярно повторяется.

Есть старая история о смотрителе маяка. На маяке, где он служил, стояла автоматическая пушка, стрелявшая

каждые пятнадцать минут круглые сутки. Однажды ночью, когда старик спал, пушка не выстрелила. Через три секунды после положенного времени для выстрела смотритель вскочил с постели и заметался по комнате, крича: «Что случилось?». То же самое произошло и с Рэнсомом.

Он не мог определить, прошел ли час после того, как он заснул, или он вообще не спал. Но вот он привстал на краю кровати, напрягая все чувства, силясь определить, что — звук или что-то другое? — его разбудило. Старый дом был тих, как городской морг после закрытия, и ничего нельзя было рассмотреть в его просторной комнате, кроме посеребренного лунным светом подоконника и тяжелых темных портьер. Черт знает, кто мог бы спрятаться за такими портьерами, некстати мелькнуло у него в голове. Он поскорее подтянул ноги с пола, отодвинулся к стенке. Там, под кроватью, конечно, конечно, ничего не было, но все-таки...

Что-то белое кралось по полу сквозь лунный свет, приближаясь к нему. Он не издал ни звука, но собрался и был готов к атаке и защите, к маневрам и отступлению. Рэнсом не был, конечно, идеальным героем, но свою репутацию он поддерживал во многом благодаря способности трезво мыслить и ничему не удивляться. Попробуйте как-нибудь спорить с таким человеком.

Белое существо остановилось и посмотрело на Рэнсома прищуренными желто-зелеными глазами. Это был всего лишь Пушок — флегматичный и добродушный, совсем не настроенный пугать людей. В самом деле, он посмотрел на постепенно приходящего в себя Рэнсома и вопросительно приподнял мохнатую бровь, как бы наслаждаясь его замешательством.

Рэнсом твердо выдержал кошачий взгляд и вытянулся на кровати, не уступая в легкости движений Пушку. «Однако, — сказал он с улыбкой, — ты меня разбудил. Неужели тебя не учили стучаться, когда входишь в чужую спальню?»

Пушок поднял бархатную лапу и лизнул ее алым языком. «Считаешь меня варваром?» — спросил он.

Рэнсом опустил глаза — это был у него единственный признак удивления. С минуту он не мог поверить, что кот заговорил, но в прозвучавшем голосе что-то показалось ему очень знакомым. Конечно, его кто-то разыгрывает!

О, боже, это же просто розыгрыш!

Так-так, надо было еще раз послушать этот голос, чтобы определиться. «Ты, конечно, ничего не говорил, но если сказал, то что именно?» — обратился Рэнсом к коту.

— Ты же услышал меня с первого раза, — сказал кот и прыгнул к его ногам на кровать. Рэнсом инстинктивно отодвинулся от зверя. «Да, — ответил он, — вообще-то услышал». Да где же он мог слышать этот голос? Он снова попытался шутить: «Знаешь, тебе бы следовало прислать мне записку, перед тем как приходить».

— Я не признаю этих так называемых достижений цивилизации, — заявил Пушок. Его пушистая шуба была чистой, как на рекламе пуховых одеял, но он опять начал старательно мыться. — Ты мне не нравишься, Рэнсом.

— Спасибо, — усмехнулся удивленный Рэнсом. — Ты мне тоже.

— Почему? — спросил Пушок.

Черт возьми, подумал Рэнсом. Он узнал этот голос и мог гордиться своей наблюдательностью. Это был его собственный голос. Его версия рассыпалась. Он, как обычно, попытался скрыть растерянность под непринужденной болтовней.

— Есть миллион причин, по которым ты мне не нравишься, — заявил он. — Впрочем, их можно выразить в двух словах: ты — кошка.

— Я уже, по меньшей мере, дважды от тебя это слышал, — ответил кот. — Правда, раньше ты вместо «кошка» говорил «женщина».

— Ты придираешься. Неужели от повторения истина становится менее справедливой?

— Нет, — невозмутимо ответил кот. — Она становится избитой.

Рэнсом расхохотался:

— Даже если бы ты не был говорящим котом, мне с тобой было бы интересно. Пока еще никто не критиковал мое умение вести полемику.

— Просто никто еще не оценил, чего ты на самом деле стоишь. Почему ты не любишь кошек?

Рэнсом словно ждал подобного вопроса, чтобы полились отточенные фразы.

— Кошки, — начал оратор, — несомненно, самые эго-

центричные, неблагодарные и лживые существа на этом, да и на том свете. Порождение Лилит и Сатаны...

Пушок сузил глаза:

— О, знаток древностей,— прошептал он.

— ...От обоих родителей они унаследовали худшие черты. И даже их лучшие качества, красота и грация, служат злу. Женщины — самые непостоянны среди двуногих, но даже из них мало кто сравнится в непостоянстве с кошками. Кошки лживы. Они обманчивы, как обманчиво совершенство. Никакое другое существо не двигается с такой совершенной грацией. Только мертвые могут быть так раскованны. И ничто, ничто на свете не превзойдет их несравненного лицемерия.

Пушок фыркнул.

— Котик! Сидит у камина и мурлычет! — презрительно продолжал Рэнсом.— Жмурил зеленые глаза, ласится к тем, у кого есть печенька, лосось или валерианка. Пушистый мячик, источник радости, играет с фантиком на ниточке, дети хлопают в ладоши от удовольствия, а ты тем временем оцениваешь своим прагматичным умишком, что ты будешь за это иметь. Укусишь до крови, придушишь, грациозно перешагнешь через жертву, подтолкнешь ее своей мягкой лапкой, а как только она задвигается, снова набросишься. Схватишь в когти, подкинешь, перевернешь и безжалостно вонзишь в нее зубы, выцарапаешь внутренности. Фантик на ниточке. Лицемер!

Пушок зевнул:

— Говоря твоим же языком, все это — типичнейший набор дешевых трескучих фраз, который мои старые уши когда-либо слышали. Триумф заученных экспромтов. Симфония цинизма. Поэма всезнания. Бездарный...

Рэнсом кашлянул. Его глубоко возмущал беспардонный плаgiat его любимых фраз, но он еще улыбался. Этот кот, однако, оказался наблюдательной тварью.

— ...сборник банальностей,— невозмутимо закончил Пушок.— Послушать тебя, ты хотел бы уничтожить все семейство кошачьих.

— Хотел бы,— сквозь зубы бросил Рэнсом.

— Премного обяжешь,— ответил кот.— Мы бы здорово повеселились, ускользая от тебя и потешаясь над твоими потугами. Людям не достает фантазии.

— О, всемогущее создание,— иронически усмехнулся Рэнсом.— Почему же вы не уничтожите людей, если мы так вам наскучили?

— Думаешь, мы не смогли бы? — парировал Пушок.— Мы могли бы подавить вас и физически, и морально, довести до вырождения всю человеческую породу. Но с какой стати? Все последние тысячелетия вы кормите нас, ухаживаете за нами и не требуете взамен ничего, кроме возможности нами любоваться. Пока вы так себя ведете, отчего же, можете оставаться.

Рэнсом громко расхохотался:

— Очень мило. Но хватит абстрактных рассуждений. Лучше расскажи мне то, что меня интересует. Почему ты можешь говорить и почему пришел побеседовать именно ко мне?

Пушок уселся поудобнее.

— Я отвечу на твой вопрос по Сократу. Сократ был греком. Я начну с твоего последнего вопроса. На что ты живешь?

— Я... Ну, у меня есть кое-какой неплохо вложенный капитал, проценты... — Рэнсом запнулся, впервые не находя слов. Пушок понимающе кивал:

— Выкладывай, говори начистоту, не бойся.

Рэнсом хмыкнул.

— Ну, если тебе надо знать, хотя, похоже ты и так знаешь, я постоянно бываю в гостях. У меня большой запас историй, которые я умею рассказывать. Я презентабельно выгляжу и веду себя, как джентльмен. Иногда мне удается взять взаймы...

— Взять взаймы — значит, собираться отдать,— уточнил Пушок.

— Назовем это «взаймы», — не останавливаясь, продолжил Рэнсом.— И иногда я беру умеренную плату за оказанные услуги.

— Вымогательство, — сказал кот.

— Не будь бес tactным. Как бы то ни было, я нахожу жизнь приятной и увлекательной.

— Что и следовало доказать! — торжествующе произнес Пушок.— Ты зарабатываешь на жизнь приятной внешностью и манерами. И я тоже. Ты живешь для себя, и ни для кого более. Ты живешь так, как тебе нравится.

И я тоже. Тебя не любит никто, кроме тех, кто тебя сдерживает. Тобой все восхищаются и тебе завидуют. И мне тоже. Улавливаешь?

— Думаю, что да. Кот, ты приводишь неприличные сравнения. Другими словами, ты считаешь, что я живу по кошачьи.

— Точно,— ответил Пушок сквозь усы.— Именно поэтому я могу говорить с тобой. Твое поведение и образ мыслей сближают тебя с кошками, твоя жизненная философия — кошачья. Вокруг тебя сильная кошачья аура, она соприкасается с моей, и поэтому мы находим общий язык.

— Я этого не понимаю.

— И я не понимаю. Но это так. Тебе нравится миссис Бенедетто?

— Нет,— Рэнсом ответил сразу и однозначно.— Она совершенно невыносима. Она меня раздражает. Она меня утомляет. Единственная женщина, которая производит это одновременно. Слишком много говорит. Слишком мало читает. Совсем не думает. Истощенно-истеричный склад ума. Лицо похоже на обложку книги, которую никто никогда не хотел читать. Похожа на игрушечную бутылку из-под виски, в которой виски никогда и не наливали. Голос монотонный и грубый. Происходит из заурядной семьи, не умеет готовить, редко чистит зубы.

— Надо же,— проговорил кот, разводя лапами от удивления.— В этом чувствуется доля искренности. Приятно слышать. То же самое я думаю о ней уже несколько лет. Правда, на ее кухню я никогда не жаловался, она для меня покупает специальные продукты. Мне это надоело. Я устал от нее. Я ее возненавидел до предела. Так же, как и тебя.

— Меня?

— Конечно. Ты подражатель. Подделка. Твое происхождение тебе мешает. Ни одно существо, которое потеет и бреется, открывает двери женщинам, одевается в жалкие подобия звериных шкур, не может рассчитывать стать настоящей кошкой. Ты чересчур самонадеян.

— А ты — нет?

— Я — другое дело. Я — кот, и я имею право делать все, что я захочу. Сегодня вечером, когда я тебя увидел, ты мне так опротивел, что я решил тебя убить.

— Что же не убил? Что же... не убиваешь?

— Я не мог,— спокойно ответил кот.— Ты же спал, как кошка... нет, я придумал кое-что позабавнее.

— Да?

— Да, да.— Пушок вытянул переднюю лапу, показывая когти. Подсознательно Рэнсом отметил, что они кажутся очень длинными и сильными. Луна ушла, ночь кончалась, комната заполнялась прозрачно-серым светом.

— Отчего ты проснулся? — спросил кот, перепрыгивая на подоконник.— Перед тем, как я пришел.

— Не знаю. От какого-нибудь шума?

— Не совсем,— ухмыльнулся в усы Пушок, взмахнув хвостом.— От прекращения шума. Замечаешь, как сейчас тихо?

Было действительно тихо. В доме не раздавалось ни звука — о, вот он услышал тяжелые шаги горничной, направлявшейся из кухни в комнату миссис Бенедетто, легкое позвякивание чашки. Но в остальном... Внезапно его осенило:

— Старая корова перестала храпеть?

— Перестала,— ответил кот.

Дверь в другом конце холла открылась, послышался негромкий голос горничной, затем звук падающей посуды, самый ужасный крик, какой Рэнсом только слышал, стремительный стук шагов через холл, более удаленный крик, тишина. Рэнсом сорвался с постели.

— Что за чертовщина?

— Это горничная,— ответил Пушок, вылизывая когтистую лапу, но не спуская глаз с Рэнсома.— Она обнаружила миссис Бенедетто.

— Обнаружила?

— Да. Я разорвал ей горло.

— Боже, боже. Почему??!

Пушок выпрямился, балансируя на подоконнике.

— Чтобы тебя в этом обвинили,— сказал он, мерзко рассмеялся, выпрыгнул в окно и растворился в утренних сумерках.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Э. По	
Черный кот. <i>Пер. В. Хинкиса</i>	5
Э. Блэквуд	
Тени далекого прошлого. <i>Пер. О. Коняевой</i>	17
У. Уинтл	
Черная кошка. <i>Пер. О. Коняевой</i>	79
Б. Стокер	
Железная дева. <i>Пер. О. Коняевой</i>	93
А. Порджес	
Барабанщик. <i>Пер. О. Коняевой</i>	109
Д. Ш. Ле Фану	
Белый кот из Драмганьола. <i>Пер. П. Лунева</i>	119
Г. Х. Монро (САКИ)	
Тобермори. <i>Пер. П. Лунева</i>	135
Х. Ф. Лавкрафт	
Кошки Ультхара. <i>Пер. П. Лунева</i>	147
Б. Пейн	
Серая кошка. <i>Пер. И. Петруниной</i>	153
Э. Гаррисон	
Сиделка. <i>Пер. О. Коняевой</i>	169
Б. Лиггет	
Кошатник. <i>Пер. О. Коняевой</i>	173
С. Кинг	
Гостья из ада. <i>Пер. О. Коняевой</i>	195
Р. Кэмпбел	
Кошка и мышка. <i>Пер. И. Петруниной</i>	219
Р. Даль	
Победа. <i>Пер. О. Коняевой</i>	235
М. Джозеф	
Желтый кот. <i>Пер. Н. Куликовой</i>	259
П. и К. Андерсон	
Котенок. <i>Пер. Н. Куликовой</i>	275
Т. Старджен	
Пушок. <i>Пер. И. Петруниной</i>	309

Б77 Бойся кошек. Пер. с английского — М.:
РИПОЛ, Джокер, 1992.— 320 с. (Сборник рассказов ужасов)

ISBN 5-87012-006-8

Ответственный за выпуск
Чепурных О. В.

Сдано в набор 23.02.93. Подписано в печать 4.08.93. Формат 84×108/32.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Печ. листов 10,0.
Тираж 50 000 экз. Зак. 1034.

Издательства РИПОЛ, «Джокер»
123 000, Москва, а/я 21
Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России. 144003,
г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

Сборник «Бойся кошек» представляет собой антологию классических и современных рассказов, посвященных столь любимому и столь знакомому домашнему животному — кошке. Но кошки в рассказах известнейших писателей США и Англии несколько иные, чем те, к которым привыкли мы: это кошки-демоны, кошки-оборотни, кошки-вестники.

Чтение мистических, «ужасных», ироничных рассказов антологии «Бойся кошек» станет удовольствием для читателя с самым изысканным вкусом.

БОЙСЯ КОШЕК

